
ОРУЖИЕ
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ПОСЛЕДНИЙ
РУБЕЖ

Annotation

…Это напоминало то, что уже когда-то случалось на Земле – фанатики рвались к созданию Всемирного Халифата, а подлецы и предатели, позабыв о безопасности собственных народов, снабжали их оружием… Вторая Галактическая война могла стать последней для Свободных Миров. Полковник Щайгалов и те, кто шел за ним во имя спасения Галактики от беспросветного рабства, в решающем бою столкнулись с небывалым противником: бездушностью кибернетического разума «Одиночек», помноженной на первобытную ненависть воинов эмира Заура. Но солдаты свободы отчаянно сражались, потому что верили: вопреки всему, во Вселенной все еще осталось место для жизни, для счастья и любви!

Андрей Ливадный ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Время действия согласного Хронологии «Истории Галактики» – 2637 год.

Пролог

Форт Стеллар. Подземные уровни. Ставка верховного командования Флота Свободных Колоний…

Шел 2637 год.

Ситуацию, сложившуюся в Обитаемой Галактике [1] после капитуляции Земного Альянса трудно было назвать простой.

Три десятилетия войны оставили неизгладимый шрам в сознании целых поколений.

Земля проиграла, родина Человечества лежала в руинах после масштабного удара Флота Свободных Колоний, нанесенного по Солнечной системе и призванного положить конец многолетнему противостоянию.

Адмирал Воронцов хмуро размышлял, медленно прохаживаясь по просторному кабинету, расположенному на одном из подземных уровней спутника планеты Рори – луны Стеллар.

Отсюда на протяжении двадцати лет он руководил действиями флотов, но сейчас Воронцов с каждым новым прожитым днем понимал все острее и явственнее: он отдал себя той войне, отдал без остатка, незаметно изменившись, и внешне и внутренне.

Новая реальность, открывшаяся его рассудку, как только прошло опьянение *глобальной победы*, явилась своего рода шоком, сильнейшим информационным ударом.

Настало время собирать камни, и адмирал внезапно, в одночасье понял всю двойственность своего положения.

Он привык командовать решать глобальные боевые задачи, привык к изматывающему напряжению будней, техногенному противостоянию сил, способных уничтожать целые планетные системы.

Казалось бы, что может озадачить или смутить адмирала, прошедшего всю войну, испытавшего на себе первые горькие поражения, орбитальные бомбежки планет, ужас тех дней, когда, просыпаясь в стылом бункере, не мог сказать наверняка – не станет ли новый день последним?

Невзгоды и величайшее бремя ответственности выковали его характер, заставили стать жестким, бескомпромиссным, а порой и жестоким.

Почему же теперь он медленно вышагивал по просторному кабинету, какого рода проблема встала перед командующим и сумела смутить его?

Ответ был прост: Воронцов с каждым днем все острее понимал: он

полководец, но не политик. Запредельная жестокость противостояния Земли и Колоний, отразилась в душе и разуме, навек отпечаталась в них уродливой гримасой *прошлого*, и теперь, когда опасность минула, он ощущал пустоту, оглядывался вокруг и видел пустоту, словно из жизни убрали ее смысл.

Нет, адмирал ни в коем случае не жаждал новой войны. Не смотря на противоречивость его поступков, многие непопулярные решения, он единственный обладал сейчас фактически ни чем не неограниченной властью. Однако шли дни, месяцы, минул первый год после победы над силами Альянса, и в Обитаемой Галактике началось брожение, наступало время перемен, к которому Воронцов оказался не готов морально.

Проблема, над которой размышлял адмирал, существовала реально, она не являлась его личной фобией или плодом воображения.

Достаточно было взглянуть на объемную карту освоенного людьми пространства, чтобы понять: жесткие градации военного времени канули в лету, реальность изменилась, на смену однозначным критериям пришли новые, более размытые…

Чтобы понять мысли адмирала следовало обратиться к истории.

Четыре столетия назад после открытия аномалии космоса, которую принято называть гиперсферой, из Солнечной системы стартовало более полутора тысяч колониальных транспортов. Каждый из них нес на борту оборудование для колонии и триста тысяч пассажиров, погруженных в низкотемпературный сон.

Этот период, продолжавшийся около полувека, получил название "Великий Исход".

Не обращаясь к специальной теории гиперсферы, следует отметить, что законы перемещения в пространстве аномалии космоса были в ту пору практически не изучены и потому каждый из стартовавших колониальных транспортов, вопреки заверениям "фирм-отправителей", выходил в метрику трехмерного континуума вовсе не там, где предполагалось планом полета.

Своенравная гиперсфера разбросала колониальные транспорты в огромном объеме пространства, поставив перед их экипажами и пассажирами тяжелейшие задачи: на пределе ресурсов, без возможности вернутся в исходную точку, они вставали перед небогатым выбором – им приходилось разведывать и осваивать планеты, без поддержки метрополии, надеясь лишь на самих себя.

К началу Первой Галактической когда для Всемирного Правительства Солнечной системы стало очевидно, что без второй волны Экспансии Земной Альянс ждут стагнации и регресс, разведка гиперсферных

навигационных маршрутов показала: все планеты в близлежащих звездных системах уже были заселены колонистами, которые за четыреста лет изоляции успели пройти собственный путь развития, все реже вспоминая о Земле.

Любая попытка выхода за пределы колыбели человечества вольно или невольно разбивалась о кольцо колоний. Люди, брошенные на произвол судьбы, четыре столетия осваивали миры с враждебными биосферами, изменяя природу колонизируемых планет, и сами неизбежно менялись при этом.

Им, потомкам первых поселенцев, Земля стала чуждой, и агенты Альянса, которых по приказу Джона Хаммера [2] удалось внедрить в цивилизации некоторых миров, передали неутешительные разведывательные данные: многие колонии успели за четыреста лет пройти собственный путь развития, некоторые уже имели свои (пусть небольшие) космические силы, и ни одна из вновь образованных планетных цивилизаций даже не принимала к рассмотрению вопрос о приеме новой волны эмигрантов из Солнечной системы.

Воронцов прекрасно помнил, как с показательной атаки планеты Дабог началась Галактическая война.

Джон Хаммер жестоко просчитался, недооценив потенциал колоний.

Проведенная Военно-Космическими силами Альянса "акция устрашения" возымела обратный эффект, – показательная бомбардировка Дабога и последовавший за ней ультиматум, были восприняты развитыми колониями как сигнал к началу сопротивления.

Молниеносный удар, который планировался командованием Альянса, встретил отчаянное противодействие со стороны колонистов, вместо короткого победоносного марша ВКС Земли были вынуждены вести затяжные кровопролитные бои в каждой из пяти избранных для первого удара звездных систем.

Адмирал всегда с тяжелым сердцем вспоминал то время, когда с орбит падали бомбы, люди вынужденно уходили в построенные еще на заре освоения родных планет бункерные зоны, вся промышленность колоний срочно перепрофилировалась в соответствии с нуждами войны.

…Адмирал подошел к объемной карте, взглянув на россыпь разноцветных маркеров.

За три десятилетия войны была выяснена судьба пятидесяти семи колониальных транспортов эпохи Великого Исхода, порядка тридцати планет подверглись варварской колонизации, проведенной в духе

жесточайшего противостояния, – война подстегнула развитие промышленности, технологий, и способы освоения новых миров носили отнюдь не ассимиляционный характер: исконные биосферы планет подвергались уничтожению при помощи бактериологических и химических видов вооружений, после чего стерилизованные планеты инфицировались земными формами микрожизни, и, уже спустя год, там появлялись комплексы "быстрого терраформинга".

Маховик войны, раскрученный до немыслимых оборотов, уже не могла остановить воля одного человека. Все новые планеты вступали в противостояние, на полях сражений, компенсируя невосполнимые потери личного состава, постепенно воцарились кибернетические системы, вселенский пожар захватывал все больший объем пространства…

…И вот, адмирал, начавший войну пилотом транспортного корабля, стоит перед картой Обитаемой Галактики, где обозначены сто семь вновь открытых или колонизированных в период войны миров.

Пестрый конгломерат, где причудливо соседствуют закрытые на послевоенный карантин планеты, переполненные роботизированными боевыми комплексами, между ними щедрой россыпью сияют зеленые маркеры вновь открытых колоний, желтым цветом обозначены миры стерилизованные и терраформированные под "земной эталон" в ходе боевых действий.

Многие из них пригодны для жизни, зачищены силами Флота Колоний от остаточных групп боевых серв-соединений, и готовы принять поселенцев, иные еще оказывают сопротивление, которое вскоре будет сломлено.

Однако среди причудливой, бессистемной россыпи маркеров взгляд адмирала не видел главного – единства.

Многие планетные цивилизации, открытые в последние десятилетие войны так и не примкнули ни к одной из сторон, придерживаясь нейтральной позиции. Они не пострадали от действий Альянса и ничем не обязаны Флоту Колоний. Независимые миры, с непредсказуемой политикой, настороженно, с недоверием относящиеся к формирующемуся послевоенному порядку, по мнению адмирала, являлись наиболее острой проблемой дня сегодняшнего.

Именно на территории таких планет, как это ни парадоксально, укрылись десятки тысяч бывших солдат и офицеров Альянса. Естественно, что они принесли с собой новые технологии, их знания дали новый импульс развития колониям, находившимся на момент "вторичного контакта" в стадии затянувшегося регресса.

Для полноты картины, нужно упомянуть и об огромном количестве космических кораблей, совершавших вынужденные посадки, или просто оставленные экипажами на орбитах планет. Десятки тысяч единиц космической техники, оснащенные гиперприводами, за полтора послевоенных года перекочевали в частные руки. С одной стороны это являлось благом, – большинство из них были отремонтированы и переоборудованы для нужд возрождающейся межзвездной торговли, но по данным разведки многие планеты сейчас обзаводились собственными *боевыми* флотами, укомплектованными из трофейных, либо найденных в пространстве и отремонтированных кораблей, среди которых преобладали фрегаты и крейсера, которые в силу специфики конструкции, не поддавались коренной реконструкции, то есть, могли использоваться исключительно в качестве боевых единиц.

Воронцов прекрасно понимал, при таком обилии боевой техники, и наличии групп миров, не имеющих горького опыта крупномасштабной войны, полученный ими импульс высокотехнологичного развития может обернуться громадными проблемами.

Он всегда мыслил здраво, не допуская в рассудок иллюзий, и поэтому прекрасно понимал: на данный момент у него нет политического решения ситуации. Конечно, в его распоряжении имеется Флот Свободных Колоний, – мощнейшая сила, укомплектованная грамотными, прошедшими огонь и воду офицерами, но адмирал, при всей жестокости и циничности, что воспитала в нем война, не мог взять и одним ударом разрубить завязывающийся на глазах узел. Он не желал полномасштабной гражданской войны, не грезил созданием империи на просторах Обитаемой Галактики, но понимал, что политика планетных суверенитетов, без объединения миров под эгидой единого закона приведет к неизбежному хаосу.

Воронцов не ощущал в себе таланта политика, но понимал: время силовых решений прошло, и даже Центральные Миры, принявшие на себя первые удары Альянса, не поддержат его в вопросе немедленного объединения Обитаемой Галактики.

Пространство человечества уже расколото на множество частей. – раздраженно размышлял Воронцов. Получалось, что на планетах, наиболее пострадавших в результате противостояния с Землей, сейчас полным ходом началось мирное строительство, а на периферии уже началось активное брожение, неприсоединившиеся миры стремительно вооружаются и их дальнейшие действия становятся непредсказуемо-опасными.

Адмирал чувствовал, как новое бремя ложиться на его плечи.

Он более не мог принимать категоричных единоличных решений.

Подумав об этом, он подошел к стоявшему особняком комплексу виртуальной межзвездной связи и набрав на текстоглифной [3] клавиатуре последовательность команд.

Прошло менее минуты и в пространстве рабочего кабинета адмирала Воронцова начали появляться фантомные фигуры его ближайших соратников.

Когда собрались все вызванные, адмирал сел в кресло за длинным столом и негромко произнес:

– Господа, нам нужно принять совместное решение о дальнейшей судьбе союза Центральных Миров. Следует обозначить нашу политику в отношении не входящих в союз периферийных планет. Ситуация не терпит отлагательств. Надеюсь, вы сами прекрасно осознаете остроту проблемы, и мне не нужно повторяться, доводя до сведения каждого присутствующего сложившуюся в Обитаемой Галактике ситуацию.

– Какой вопрос стоит первым в повестке дня? – Осведомился адмирал Вербицкий, недавно избранный президентом планеты Элио.

– Я бы обозначил два главных пункта, господа. – Воронцов перешел на привычный для него уверенно-спокойный тон. – Первый – должны ли мы изменить статус Центральных Миров, и реорганизовать оборонительный союз, в одностороннем порядке приняв на себя обязательства по поддержанию мира во всей Обитаемой Галактике? И второй вопрос, прямо вытекающий из первого, – в любом случае нам следует выработать общую политику в отношении независимых, неприсоединившихся планет, где, по моему мнению, зреет угроза новых войн и конфликтов.

Некоторое время в кабинете царила тишина, затем раздался хорошо узнаваемый голос генерала Дорохова:

– Я человек военный, поэтому выскажу свое мнение прямо. В результате войны у Центральных Миров сложилась общее экономическое пространство. Мы должны демилитаризировать его, направить экономику в русло мирного строительства, окончательного восстановления наших планет. При этом мы ни в коем случае не должны распускать или серьезно сокращать флот. Оборонительный союз следует оставить в силе, сохранить инфраструктуру главной военной базы – Форта Стеллар, чтобы остальные планеты союза могли спокойно развиваться, не подминая под себя другие независимые цивилизации, но и не страшась внезапных агрессий.

– А как быть с планетами, которые сейчас переполнены трофейными

вооружениями и беглыми офицерами Земного Альянса? – Не выдержав, задал адмирал Воронцов прямой вопрос, прозвучавший в его устах, сухо, как выстрел.

– Думаю, нужно на некоторое время оставить их в покое, дать шанс разобраться, определиться. В любом случае я бы не стал вмешиваться в локальные конфликты между независимыми мирами, если такие возникнут, конечно. Это не позиция конформизма, а здравый смысл. Мы победили в войне и должны строить мирную жизнь. Это строительство будет проходить под защитой флота, способного отразить любые поползновения извне. Что касается остальных планет, нужно выработать и обнародовать условия, на которых они могут присоединиться к нам. Таким образом, мы без прямого военного вмешательства заключим прочный союз с теми, кто мыслит здраво и не склонен к агрессии. Уверен – пройдет всего несколько лет и в Обитаемой Галактике останется лишь небольшая группа неприсоединившихся миров…

…Совещание продолжалось еще несколько часов, затем вопрос был поставлен на голосование.

Двадцать семь глав планетных правительств отдали свои голоса в поддержку мнения, озвученного генералом Дороховым.

Воронцов был откровенно разочарован. Он не получил нужной поддержки со стороны глав планетных правительств, а это означало что сосредоточенная на Луне Стеллар мощь не будет применена по назначению, не послужит делу скорейшего разоружения неприсоединившихся миров и формирования общегалактического союза планет.

Конечно, он как командующий военно-космическими силами мог начать действия на свой страх и риск, учитывая, что луна Стеллар, со всей инфраструктурой самой мощной базы флота являлась собственностью адмирала, но долго ли он сможет действовать в одиночку? На безвоздушной луне не существовал лишь необходимый минимум производств, большинство комплектующих к кораблям, не говоря уже о товарах повседневного спроса и, продуктах питания, воде, и многих других вещах необходимых для повседневной жизни многотысячного персонала и военнослужащих поставлялось с других планет союза.

У него в руках была сила, но ее применение неизбежно приводило к предварительным согласованиям, зачастую невыносимым и унизительным для Воронцова.

Без санкций Флот Колоний мог действовать только в двух случаях – при появлении в границах обитаемого космоса остаточных

роботизированных подразделений Альянса, либо при неожиданной прямой угрозе вторжения в зону жизненных интересов Союза Центральных миров.

Превентивных ударов, адмирал наносить не мог, но только такие меры, по его мнению, поставили бы на место некоторые, явно начинающие зарываться суверенные цивилизации Окраины, и принесли на поствоенное пространство настоящий, фактический мир.

Часть 1. Новая угроза.

Глава 1. Зловещий рассвет.

Скопление Ширана. Год спустя после капитуляции Земного Альянса…

Утро.

Прозрачное, стылое, звонкое.

Сиреневые краски неба ложатся на землю бледным отсветом зари. До восхода ослепительно-голубого солнца остались считанные минуты.

Ветер притих, затаился в зарослях колючего кустарника, залег меж живых изгородей, символически отделяющих один двор от другого. Со стороны пустыни еще не плещет жаром, и растения стыдливо распускают тяжелые бутоны благоухающих соцветий, наполняя утренний воздух пьянящими ароматами.

Аккуратные одинаковые домики выстроены вдоль улицы, пластиковая черепица крыш в предрассветных отсветах неба кажется влажной, – это тает тонкий налет инея, сконденсировавшегося за ночь.

Казалось бы, мирный пейзаж, но стоит бросить взгляд дальше за пределы скромного по размерам, тщательно ухоженного поселения, как вдруг становиться ясно: маленький участок планетной тверди не так давно освоен людьми, о данном факте ясно свидетельствует высокий стеклобетонный забор периметра и зримое дрожание воздуха над ним. Магнитное статис-поле накрывает внушительную площадь, опоясанную периметром забора.

Дальше, вне стен, не увидишь аккуратно подстриженных живых изгородей, – там властвует совсем иная природа: дикорастущий кустарник высотой в полтора метра образует труднопроходимые заросли, похожие на изощренное укрепление, созданное посредством колючей проволоки. Тонкие, но необычайно прочные ветви унизаны полуторасантиметровыми шипами, заросли тянуться на несколько километров, вплоть до границы с бесплодной пустыней, где жизнь возможна лишь на площади небольших оазисов.

За мертвым, раскаляющимся днем и промерзающим ночью пространством, расположены умеренные климатические зоны, со своей более щедрой природой, и непонятно, почему люди избрали для поселения это негостеприимное место, требующее немалого труда ради элементарного выживания?..

Очевидно, ответ на данный вопрос скрыт под струящимися границами

защитного купола, среди массивных совершенно неэстетичных сооружений, окружающих небольшой поселок: серый шероховатый стеклобетон без намека на эстетику или элементарную отделку, угловатые похожие на огромные отливки здания, тускло-серый блеск мощных модульных ворот, чрезмерно большие пространства, закованные в вездесущие плиты из армированного бетона, и, наконец, как объяснение и довершение короткая фраза, нанесенная через равные промежутки на внешней стороне периметра:

Стой. Запретная зона. Огонь открывается без предупреждения.

Естественно, она предназначена для людей.

Но кто, кроме мелких грызунов, редких птиц да пресмыкающихся способен выжить в окружающей пустыне?

…

С тихим шипением пневматического привода дверь одного из жилых домов скользнула в сторону.

Человек появившийся на пороге выглядел лет на пятьдесят. Он был гладко выбрит, короткие волосы, тронутые ранней сединой, коротко острижены, что соответствовало стандартной прическе, которую принято носить "под гермошлем". Его лицо с тонкими лучиками морщин, разбегающихся от уголков глаз, казалось, излучает спокойствие, однако стоило внимательнее присмотреться к выражению его глаз, где затаилось непреходящая тень давних, но страшных событий, проследить за едва заметной линией шрама, протянувшегося от правой височной области через щеку к тонкой, почти бескровной линии упрямо сжатых губ, как становилось понятно: внешнее спокойствие не более чем привычная маска самоконтроля, не позволяющая угадать истинные чувства.

А они были.

Он остановился у благоухающей границы декоративного кустарника и посмотрел вдаль, туда, где за границами статис-поля над смертельно-опасными кружевными зарослями проволочника сквозь редкие перистые облака струился гнетущий фиолетовый свет, окрашивающий окрестности в унылые сиреневые тона.

Небольшой медальон, на короткой цепочке из странного имеющего телесный цвет сплава, поймал струящийся с небес свет, и на его поверхности вдруг четко проступила надпись:

"Полковник Шайгалов И.Д. Третий резервный корпус. ВКС Земного Альянса".

Надпись окружала радужный штрих-код генетической записи.

– Не спиться командир?

Голос, заставивший Шайгалова повернуть голову, принадлежал молодому атлетически сложенному мужчине, который устроился в пластиковом шезлонге по другую сторону импровизированной изгороди. Судя по его гардеробу, состоящему из плавок и такого же посмертного медальона, он собирался принимать солнечную ванну.

– А тебе? – Вопросом на вопрос ответил полковник.

Очевидно, понятие армейской субординации на территории военной базы либо отсутствовало вообще, либо не имело значения в эти тихие предрассветные минуты.

– Святогор сказал мне, что утром можно загорать. Ловлю момент.

Иван Дмитриевич лишь хмыкнул.

Курорт, а не гарнизон. – Метнулась, было в голове осуждающая мысль, но тут же осеклась, подавленная голосом здравого смысла: лейтенант Кайманов имел полное право распоряжаться свом временем и здоровьем, как ему заблагорассудиться. Все. Нужно забыть былые штампы. Война закончилась, Альянс капитулировал, и гарнизон небольшого планетарного соединения теперь по любым раскладам уже не является действующей боевой единицей.

Последнее сообщение, принятое станцией гиперсферной частоты, пришло год назад.

Некоторое время они ждали развития событий, но на орбитах Ширана (такое название получила планета в период колонизации) так и не появились ударные силы Флота Свободных Колоний.

Шайгалов уже перестал гадать, что послужило причиной подобного забвения. Варианты напрашивались разные. Возможно, о месте их дислокации никто не знает. Война, длившаяся не одно десятилетие, охватила огромный участок космоса, в нее оказались втянуты сотни звездных систем, часть из которых колонизировалась непосредственно в ходе боевых действий. Если перед капитуляцией удалось уничтожить навигационные кристаллы штаба флота, то местоположение большинства резервных баз до сих пор остается тайной для победителей.

"Да, возможно, что это так. – Думал Шайгалов, глядя, как сквозь ажурные заросли проволочника начинает пробиваться нестерпимое сияние восходящей звезды. А может, до нас попросту не дошла очередь"…

Достоверно полковник понимал лишь одно: по сути, они приговорены провести остаток своей жизни на Ширане. В пользу данного утверждения говорил элементарный здравый смысл. Полковник, вступивший на кровавую стезю войны девятнадцатилетним юношей вкусил ее "прелестей" сверх всякой меры и потому отчетливо понимал: даже после подписания

пакта о полной и безоговорочной капитуляции Земли между бывшими противниками не может наступить примирения… по крайней мере не сейчас. Чтобы затянулись саднящие душевные раны, потребуется как минимум смена двух-трех поколений, ну, а пока жива память очевидцев, суд будут вершить чувства, а не разум.

Слишком много крови, жестокости, страха скопилось за пошедшие годы в памяти людей…

Понятие "милосердия" потерялось в чудовищном противостоянии, и вряд ли кто-нибудь примет во внимание тот факт, что гарнизон Ширана не принимал участия в боевых действиях на финальной стадии войны. Сюда по приказу командования флотом отправляли в бессрочную ссылку тех офицеров, чьи взгляды не соответствовали политике агонизирующего Альянса.

Победа в войне любой ценой – данный постулат был характерен для последнего десятилетия, когда истощились человеческие ресурсы и преемники Джона Хаммера сделали ставку на кибернетические системы, снабженные модулями искусственного интеллекта. Печально известные "Одиночки" без сомнения могли совершить коренной перлом в войне, но этого к счастью не случилось.

Шайгалов не знал, кому удалось обуздать кибернетическую истерию, чья, воистину железная воля остановила тяжелую поступь планетарных серв-машин, электронный рассудок которых хранил в себе матрицы сознания давно погибших пилотов.

Такой подход к войне казался ему кощунственным. Он сам начинал пилотом "Фалангера" и потому не понаслышке знал, что такое полный нейросенсорный контакт с кибернетической системой, когда машина, снабженная нейромодулями, перенимает навыки человека, возводя бой из категории наборов повторяющихся элементарных действий в ранг сомнительного, кровавого искусства…

Хуже всего, что системы боевых серв-машин продолжали "жить", даже после того, как погибал пилот. В равной мере это можно отнести и к бортовым компьютерам большинства космических истребителей, орбитальных штурмовиков, и некоторых боевых систем крупных космических кораблей.

Кибернетические личности, снабженные реальным боевым опытом людей, достаточно гибкие в своих действиях благодаря нейромодулям… безжалостные машины, в которых теплилась извращенная искра человеческого сознания, которое, прежде чем перекочевать на кибернетический носитель, захлебнулось кровавыми буднями войны,

пережило собственную агонию. Что может породить такой синтез? Ничего кроме смерти, ненависти и бессмысленной бойни, ради достижения жестко запрограммированных целей. Случаи, когда рассудок человека, инсталлированный в матрицу "Одиночки", брал верх над кибернетической системой, подчиняя ее своей воле, можно было сосчитать по пальцам.

"Нет… Нам не простят сожженных дотла планет, не примут никаких оправданий и пояснений".

Шайгалов был абсолютно прав в своих мыслях. Не все обитатели резервной базы космического флота понимали логику командира, но он продолжал удерживать ситуацию в жестких рамках, не позволяя анархическим помыслам распространяться дальше мелких нарушений субординации. Люди, роптавшие поначалу, постепенно начали свыкаться с мыслью о том, что их судьба теперь навек связана с негостеприимным Шираном, – вопреки строжайшему запрету военных лет многие уже создали семьи, благо "заботами" Всемирного правительства персонал базы состоял в равной пропорции из мужчин и женщин – на войну призывали всех, кто достиг шестнадцатилетнего возраста без скидок на пол или физические данные.

В душе Шайгалов уповал, что данные по Ширану все-таки уничтожены, и планета, расположенная вдали от основных колоний Первого Рывка, на определенное время перешла в разряд "потерянных". Хорошо, если такой статус сохраниться на протяжении ближайшего полувека. Тогда их детям, родившимся здесь, не придется отвечать за поступки родителей – к тому времени в обитаемых мирах сменятся поколения, жизнь постепенно войдет в мирное русло и память о жестокой войне станет не такой острой, кричащей, вопиющей о мести…

Ему как командиру, привыкшему отвечать за жизни вверенных людей, приходилось думать об этом, вольно или невольно. Он принимал решения и когда нужно действовал жестко, без компромиссов, хотя по факту капитуляции Альянса, все подразделения резервной базы можно было считать расформированными.

"Вам повезло выжить в кровавой межпланетной бойне. Цените это". – Так он говорил свои подчиненным, понимая, что в консервационных боксах полно техники, начиная от серв-машин и заканчивая аэрокосмическими истребителями, имеющими собственный гипердрайв. Если кто-то решиться покинуть планету, и тем самым рассекретить дислокацию резервного подразделения, этому человеку придется, как минимум, перешагнуть через труп полковника Шайгалова.

Пока что безумцев не находилось.

* * *

Пронзительно-голубое горячее солнце Ширана входило в состав рассеянного скопления звезд, большинство из которых имело планеты.

Четыре века назад в период Великого Исхода малоизученная в ту пору гиперсфера вывела сюда не один колониальный транспорт. По данным навигационного отдела Земного Альянса на окраине скопления, где расстояние между звездами не превышало двух-трех световых лет, на момент начала войны существовало шесть обитаемых миров.

После орбитальной разведки колонии были признаны не опасными в плане технического развития: все обнаруженные цивилизации находились в той или иной стадии затянувшегося регресса и потому жаркие негостеприимные миры, расположенные на солидном удалении от основных театров боевых действий идеально подходили для создания резервных ремонтно-технических баз, где происходило переформирование потрепанных в боях частей и соединений.

Шайгалов знал, что колония Ширана не единственный населенный мир скопления, но после консервации станции гиперсферной частоты связь с остальными опорными пунктами Альянса оборвалась.

* * *

2610 год. Земля. Главное разведывательное управление ВКС Альянса.

Генерал Ахманов только что вернулся с совещания, которое проводил лично Джон Хаммер в подлунном командном центре, и теперь взволнованно мерил шагами небольшое пространство своего кабинета, расположенного все в том же бункере Лунной базы.

Перед самой войной благодаря кулуарной борьбе Тиберия Надырова и Александра Нагумо в штабе флота появились две группировки, состоявшие из ставленников не сумевших поделить власть и влияние адмиралов.

Тогда новое назначение казалось Зурабу Ахманову широко распахнутыми вратами, которые открывали ему путь на вершины Олимпа… но теперь спустя год, он уже не тешил себя иллюзорными надеждами.

Хитрый, изворотливый Нагумо, которому явно благоволил Джон Хаммер, сумел списать все неудачи, связанные со срывом запланированной оккупации Дабога, на голову своего соперника. В итоге Тиберий Надыров был временно отстранен от командования объединенной космической группировкой Альянса, сохранив звание адмирала и получив под свое командование третий ударный флот.

Слабое утешение, как для самого Тиберия, так и для его сторонников.

"Если так пойдет дальше, – мысленно рассуждал Зураб, – то придется изворачиваться самому".

Он прекратил расхаживать по кабинету; сев за рабочий терминал кибернетической системы Ахманов откинулся в мягком комфортном кресле, но мысли начальника подразделения внешней разведки по-прежнему вращались вокруг вопроса собственной карьеры.

Что будет, если Тиберий не выдержит конкуренции с Нагумо и окончательно уйдет в опалу?

Ответить на данный вопрос оказалось несложно. Получив единоличную власть, Адмирал Нагумо произведет кадровую чистку, устранив всех ставленников Надырова.

Ахманов не являлся глупцом. От своих предков, некогда населявших аравийский полуостров, он унаследовал, прежде всего, хитрость. Смуглое лицо Зураба хранило черты исчезнувшей, ассимилированной цивилизацией нации, но в отличие от иных людей он не только помнил свои национальные корни, – пользуясь преимуществами служебного положения, Зураб досконально изучил свою родословную, придя к удивительным и нужно сказать – приятным открытиям.

Оказывается, его генетическое древо имело корни среди шейхов арабского востока.

Впрочем, данное обстоятельство хоть и льстило самолюбию генерала Ахманова, но не давало ему никаких преимуществ. Учитывая постоянный, нарастающий процесс глобализации, этнические и государственные деления давно ушли в прошлое, стали достоянием истории.

Если мыслить здраво, оперируя понятиями современности, он, в случае внезапной опалы мог оказаться в двух местах, – либо в районе боевых действий, либо на какой-нибудь заштатной планете, в должности начальника гарнизона.

Подобная перспектива никак не устраивала Зураба. А случиться могло всякое, война, неслыханная по своей жестокости, масштабам и напряженности схваток набирала гибельные обороты, победоносного марша по точкам гиперсферного всплытия колонизированных четыреста лет назад звездных систем, как это обещал Джон Хаммер, не получилось, и вполне естественно, что сейчас начался поиск "крайних", тех, кто ответит за провал неудавшегося "блицкрига".

Думая об этом, Ахманов все более мрачнел.

Пока что с ним лично не случилось ничего непоправимого, но он понимал, сколь капризна судьба в военное время, как быстро, а главное –

непоправимо меняются жизненные обстоятельства.

Итогом подобных мыслей стал вполне здравый вывод: во имя личного благополучия действовать нужно сейчас, не дожидаясь, когда адмирал Надыров, совершит очередной необдуманный поступок, пытаясь вернуть себе ускользающую власть во флоте.

"Жаль, что прошлого не вернуть" – ностальгически подумал Зураб, на миг представив себе роскошный дворец на берегу лазурного моря. Мгновенное видение не являлось плодом фантазии, – исследуя прошлое он видел, как жили шейхи Востока в период расцвета нефтяного бизнеса, пока не оскудели недра Земли, и мировая экономика не перешла на альтернативные источники энергии.

Судя по архивным документам, четыреста лет назад, осознав, что на Земле их не ждет ничего, кроме постепенно обнищания, растворения в общей массе смешавшихся в мегаполисах народов, наиболее богатые и влиятельные нефтяные магнаты, сохранившие толику своих состояний и не утратившие здравого взгляда на развитие ситуации, вложили капиталы в постройку и оснащение десяти колониальных транспортов.

Судьбу одного из них, небезызвестного "Мириама" удалось выяснить не так давно. Месяц назад разведывательными кораблями Альянса был открыт колонизированный в эпоху Великого Исхода мир, которые сейчас носит название "Ганио". Именно туда, под жаркие лучи звезды "Халиф" попал по прихоти гиперсферы колониальный транспорт, первым стартовавший из Солнечной системы. Судьба девяти остальных "невозвращенцев" пока что оставалась загадкой. Но на примере Ганио нетрудно было предположить, что даже в том случае если колониальные транспорты сумели благополучно выйти в трехмерный космос и разгрузиться на пригодных для жизни планетах, основанные предками Зураба цивилизации переживают в данный момент эпоху регресса.

Именно это обстоятельство заставило Ахманова серьезно задуматься.

Планеты, населенные его сородичами, утратившими большинство привезенных с собой машин, не сумевших, либо не захотевших воспользоваться знаниями и технологиями двадцать третьего века, как произошло на Ганио, – это ли не подарок судьбы для образованного, решительного, прекрасно понимающего, что такое современные технологии и блага цивилизации человека?

Зураб вдруг почувствовал, как от мыслей пересохло во рту.

Пока я еще нахожусь на своей должности, пока в моем распоряжении имеется ресурс для осуществления поиска – разве я не должен воспользоваться шансом? Шансом открыть заново колонии, основанные

этническими предками, принести туда современные технологии, стать для них не шейхом, а кем-то большим?

Мираж в виде великолепного дворца на побережье лазурного моря стоял перед мысленным взором, все четче обозначая детали эфемерного замка.

Почему эфемерного? Нужно искать потерянные колонии, и, отыскав, действовать по обстоятельствам. Неизвестно чем закончится эта война, и если эмпирические миры расположены где-то в стороне от основных колоний, разве они не смогут стать потенциальным убежищем, империей, о существовании которой совершенно не обязательно знать всемогущему Земному Альянсу?

Опираясь на знания двадцать седьмого века, поиск потерянных колоний не выглядел таким уж фантастичным или авантюрным мероприятием. За истекшие четыреста лет гиперсферу успели изучить в достаточной степени, чтобы вывести основные закономерности движения материальных тел через аномалию космоса, а значит, располагая архивными данными о точной массе каждого корабля и энергозатратам при совершения прыжка, можно вычислить какая из линий напряженности гиперсферы стала незримой путеводной нитью для кораблей-невозвращенцев.

* * *

2637 год по летоисчислению Земли… Планета Сауд. Шестая Резервная база ВКС Земного Альянса…

Год назад закончилась Галактическая война.

Знойное солнце плавилось в горячем мареве полуденных миражей, когда на горячие плиты вогнутой стартопосадочной чаши медленно, словно беззвучный призрак опустился огромный десантно-штурмовой модуль.

Воздух над ним дрожал.

За годы войны появление подобного спускаемого аппарата сулило лишь неисчислимые беды жителям многочисленных, подвергшихся атакам, либо оккупации планет, но на этот раз все оказалось не так, как обычно.

Молчали башенные орудия модуля. Расположенная в корме десантная рампа осталась неподвижной, и лишь характерных визгливый скрежет телескопических опор принявших на себя вес ДШМ [4] возвестил о том, что процесс посадки завершен успешно.

Спустя некоторое время в броне модуля открылся обычный люк, откуда выдвинулся телескопический трап.

Первыми из корабля появились две рослые фигуры в

бронескафандрах. Они спустились по трапу и застыли по обе стороны от него, словно жуткие демоны из древний преданий.

Немногочисленная группа встречавших пала ниц еще при появлении темной точки в жарких полуденных небесах, и никто из десяти человек не решился не то чтобы разогнуть спины, – даже украдкой посмотреть на спустившееся с небес механическое чудовище.

В темном провале люка появился старик.

Жилистый, подтянутый, без лишней жиринки в теле, он остановился на верхней ступени трапа, окинув пристальным взглядом водянистых глаз окрестности стартопосадочного поля.

Кровь.

Она еще не успела свернуться под палящими лучами солнца.

Куда ни глянь, повсюду валялись мертвые человеческие тела, руины небольшого поселка еще курились дымом.

Жертвоприношение.

Его приказ был воспринят и исполнен буквально.

На миг стариком овладела глубокая досада. Нет, вид крови, как и ужасные гримасы смерти, застывшие на искаженных агонией лицах убитых сотрудников базы, совершенно не трогали воображение адмирала, прошедшего долгий, тернистый путь галактической войны, – его неудовольствие было вызвано чрезмерной исполнительностью тех, кто пал ниц перед трапом штурмового модуля и застыл в позе раболепия, не смея разогнуть затекших спин.

Он спустился по ступеням, прошел меж двух бронированных фигур и остановился.

– Встать! – Голос старика оказался неожиданно резким, властным, в нем слышались звенящие металлические нотки человека, привыкшего отдавать приказы.

Фигуры в пестрых халатах поспешно поднялись на ноги.

Старик наблюдал, как встают с потрескавшегося стеклобетона заплывшие жирком обрюзгшие от невоздержанного образа жизни местные эмиры, и в его душе стыло брезгливое отвращение.

– Вы безмозглые, кровожадные животные. – Медленно произнес он. Артикуляция губ старика не совпадала с аудиорядом: выучить древний язык, претерпевший серьезные изменения на протяжении четырех столетий изоляции данной планеты, он не счел нужным, и потому говорил шепотом, позволяя работать автоматическому переводчику.

– Чем мы прогневали тебя?

– Своим скудоумием.

Из группы несмело выступил самый молодой участник встречи. В отличие от других он еще не нажил себе изрядное брюшко и выглядел… почти как воин.

– Мы выполнил твой приказ великий Зураб аль Ахман. – Произнес он. – Наши воины, подменившие рабочих, напали на базу сегодня утром.

– Я вижу. Но вы убили ВСЕХ. Кто-то из вас, или, быть может, из ваших людей, умеет управляться с техникой, которая сложнее кинжала?

Ответом ему послужило растерянное молчание.

В наступившей тишине было отчетливо слышно, как потрескивает нагревшийся на жаре стеклобетон. В воздухе витали запахи крови и дыма.

– Запомните, раз и навсегда. – Зураб Ахманов, сменивший свою фамилию на древний вариант ее звучания, по понятным причинам вызывающий большее уважение у обитателей данного мира, говорил жестко и властно:

– Я потратил годы своей жизни, чтобы сначала отыскать ваши захудалые, деградировавшие миры! Затем, клянусь бездной, мне потребовались титанические усилия, чтобы создать на ваших землях вот это, – он широким жестом обвел постройки военной базы Альянса. – Я затаил здесь воистину несокрушимую силу, о наличии которой сейчас не знает ни один смертный, вне круга посвященных, и что? Вам было приказано захватить базу, а не вырезать все живое в округе!

– Прости нас. Мы исправим ошибку.

– Как? – Саркастически усмехнулся Зураб. – Воскресите мертвых?

– Наши воины хорошо учатся. Дай им наставников и вскоре ты увидишь, как воины Сауда укротят механических демонов.

– Хорошо. – Внезапно смягчился Ахман, подумав, что может оно и к лучшему… меньше проблем со строптивыми военными, которым не запудришь мозги легендами о былом величии Эмиратов. Пусть им на смену придут дикие, не знающие пощады воины. Нейросенсорный контакт быстро изменит их сознание. Ну а пока…

– Пока я хочу, чтобы вы усвоили два правила, – произнес он. – Первое – мои приказы не обсуждаются и выполняются буквально, без вольной трактовки. И второе. Запомните сами и передайте своим воинам, – здесь нет ничего мистического. Перед вами машины, созданные руками людей. Ими управляет не шайтан, как мне уже приходилось слышать. Ими управляет воля настоящих воинов. Это понятно?

– Да, Величайший.

– Хватит раболепия. Мы одной крови. – Непринужденно произнес Зураб. – Я научу вас быть настоящими воинами. – Он пристально

посмотрел на стоявших перед ним людей и добавил:

– В ваших глазах я вижу вопросы и страх. Страх оставьте здесь. Он худший из спутников воина. А на все вопросы я отвечу так: ваш мир всего лишь пылинка в окружающей бездне. Моя воля собрала истинных наследников великой нации. Мы объединим шесть планет в единое государство, а затем – он указал на небо – наши воины пойдут туда, чтобы растоптать остатки неверных, которые почти уничтожили друг друга в междоусобной войне.

Зураб говорил то, что должен был сказать. Чтобы обрести окончательную власть над населением шести компактно расположенных звездных систем он должен дать им цель. Ну а насколько она будет реализована, покажет время. Зураб Ахманов хоть и был стар, но не собирался умирать. Он все рассчитал заранее, и заботила его в основном собственное, личное благополучие, которое он собирался построить на слепой вере деградировавших цивилизаций, которым он даст некоторые современные блага, немного, ровно столько, чтобы они поверили в его могущественную божественность.

Он устал от войны. Но, желая заслуженного отдыха, он не мог игнорировать уроки новейшей истории. Только под защитой многотысячных армий, он сможет, наконец, позволить себе жить не в чье-то, а в свое удовольствие.

Предстояло немало потрудиться, прежде чем он сможет вздохнуть спокойно.

* * *

Планета Ширан. Третья резервная база ВКС Альянса.

– Рассвет сегодня недобрый… – Хмуро заметил Шайгалов, глядя, как наливаются фиолетовым сиянием утренние небеса Ширана.

– Рассвет как рассвет. – Лейтенант Кайманов тоже взглянул в небеса, и потянулся за сигаретами. – Пыльный только… – Добавил он, прикуривая.

Пыльный. Иван пару секунд обдумывал оброненное лейтенантом слово, пока его смысл не трансформировался в четкую мысль: Пыль. Без ветра.

Он обернулся.

– Паша поднимай дежурный взвод!

– Какого фрайга, командир? – В голосе Кайманова еще звучала та скверная расслабленность, к которой они все понемногу начали привыкать за год, прошедший без сколь-либо значимых событий, словно данный промежуток их жизней выпал из времени, застыл, как насекомое, попавшее

в сироп.

– Очнись. Пыль без ветра. – Теперь Шайгалов смотрел уже не на небеса; его взгляд беспокойно и пристально скользил по зарослям проволочника, над которыми медленно поднимались далекие и внешне безобидные клубы пыли.

Если верить интуиции, опыту, то к базе, со стороны пустыни, двигался отряд человек в двести, не меньше.

Когда он обернулся, Кайманова уже не было рядом.

Шайгалов метнулся в дом.

Одеваясь, он первым делом включил мобильный коммуникатор, настроенный на волну общей связи.

Судя по голосам, Паша действовал спокойно, и это было правильно. Разбудив кого следует, он отдавал четкие распоряжения:

– Лайкер, Стоун, Бородин, Земцов, – две БМК на исходную позицию, Риган, в кибернетический центр, активировать сенсорный контроль периметра, остальным, – полная боевая экипировка, сбор на центральном плацу через пять минут, время пошло.

– Командир, ты на связи?

– Да.

– Поднимать гарнизон?

– После сбора группы. В первую очередь женщин и детей – в убежище. Кибернетическую систему периметра в полуавтоматический режим. Чтобы не сорвать карусель до времени.

– Думаешь, обойдется?

– Не знаю. Я не гадалка. Поживем – увидим. – Шайгалов закончил экипироваться, взял оружие и вышел на улицу.

Ворота двух консервационных боксов уже были распахнуты и из прохладного сумрака на свет выползали боевые машины космодесанта.

– Центральный, это Шайгалов.

– На связи.

– Что показывает контроль сенсоров?

– Это Шириантцы. Сенсоры фиксируют два вездехода. Их сопровождает порядка сотни всадников. Движутся к главным воротам базы, дистанция три с половиной километра.

Саднящая тревога немного улеглась. Ширианцы. Местные. Шайгалов ожидал, что новости будут намного хуже… выходит все это время, начиная с последнего сообщения, принятого по каналу ГЧ, он каждый день, час ждал вторжения, не верил сонному, спокойному течению будней. Однако его тревога не оправдалась. Эти люди населяли планету вот уже четыре

века. Цивилизация Ширана переживала стадию глубокого регресса, скатившись на уровень средневековья: люди, прилетевшие сюда на колониальном транспорте "Ширан", фактически не воспользовались его оборудованием, по данным разведки, произведенной еще перед строительством базы, сфера колониального транспорта даже не была разгружена, подавляющее большинство защитной и планетопреобразующей техники так и осталась на борту. Вообще, Шайгалову было непонятно, как колонисты смогли выжить в чуждом человеку мире, не прибегая к помощи специально разработанных устройств и технологий. Однако, с фактами не поспоришь, – они не только выжили, но и успешно заселили зону умеренных широт, ведя полуоседлый образ жизни. Основу их общества составляли родовые общины, разбросанные по огромным территориям степей. Колонистам удалось приручить некоторые виды местных животных, которых они использовали для получения мяса, молока, верховой езды, реже – земледелия.

По внутренним оценкам полковника Шайгалова, Ширианцы хоть и обладали диким, необузданным, воинственным нравом, но не представляли серьезной угрозы для современного автоматизированного комплекса, защищенного периметром и гарнизоном из ста человек. Тем более, что в прошлом, пока шла война, часть местных жителей работали на базе, исполняя наименее ответственные и по большинству рутинные работы. После сообщения о капитуляции Альянса всем рабочим была выплачена компенсация в виде натуральных продуктов и некоторого количества старой, списанной с баланса техники. Полковник лично разъяснил им что ситуация изменилась, и гарнизон более не нуждается в наемной рабочей силе.

Это произошло год назад, и с тех пор никто не тревожил обителей базы.

Что же им понадобилось? – Размышлял полковник, шагая в направлении плаца, где подле обтекаемых контуров БМК строился взвод лейтенанта Кайманова. – *Ради чего они пересекли пустыню? Набег? Для заурядного торгового каравана или мирной делегации, пришедшей с какой-либо просьбой, народу явно многовато…*

– Вооружение? – Спросил он в коммуникатор.

– Два наших вездехода. С них демонтированы боевые системы. У всадников наблюдаю автоматическое оружие, образца четырехсотлетней давности. Похоже, они отыскали и вскрыли сферу колониального транспорта.

– Хорошо, я понял. Держи их под прицелом. Активируешь периметр

только в том случае, если они проявят явную агрессию, ты понял?

– Принято. – Ответил капитан Риган. – Вы собираетесь выдвигаться навстречу? – Осторожно осведомился он.

– Да. Открывать ворота базы было бы глупостью.

В этот момент над приземистыми зданиями зазвучали сигналы тревоги. Это автоматическая система оповещения будила личный состав:

– Внимание. Нештатная ситуация. Код тревоги. Женщины и дети следуют в убежище. Личный состав подразделений занимает посты по штатному расписанию. Повторяю…

* * *

Десять бойцов под командованием Кайманова, экипированные в тяжелые бронескафандры, ждали у главных ворот периметра.

Водородные двигатели боевых машин плевались облачками пара, работая на холостом ходу. Курсовые и башенные орудия были расчехлены, системы локации, защищенные сферическими кожухами из бронепластика, развернуты в активную позицию.

– Риган открывай ворота.

Массивные створы дрогнули, подавшись в разные стороны.

– БМК по флангам, Паша рассредоточь людей так, чтобы в случае осложнений не попасть под огонь периметра.

– Ты пойдешь один командир?

– Встречу их на рубеже двухсот метров. Ральф, что показывает спутниковый контроль?

– На орбитах чисто. – Мгновенно отозвался Риган.

– Хорошо. Продолжай наблюдение. О любых изменениях докладывать немедленно.

…

Клубы пыли приближались.

Пронзительно-голубой диск звезды уже появился над линией горизонта. Примешиваясь к клубам потревоженной песчаной почвы, в утренние небеса поползли перистые полосы тумана.

Полковник Шайгалов неторопливо шел к тому месту, где дорога, проложенная через пустыню, разрезала заросли проволочника. Он точно рассчитал дистанцию и время, чтобы встретить нежданных гостей на границе двухсотметровой отметки, в секторах обстрела автоматических орудий периметра, для сенсорных систем которых заросли колючего кустарника и клубящаяся за ними пыль не являлись помехой.

– Всем внимание. – Раздался в коммуникаторе голос капитана Ригана.

Головной вездеход прошел трехсотметровую отметку. Сейчас появиться в зоне прямой видимости.

– Паша ты готов?

– На позиции, командир.

– Добро.

Шайгалов не стал закрывать забрало гермошлема. При любых раскладах он предпочитал попытку переговоров. За время, проведенное на Ширане, полковник достаточно часто общался с исконными обитателями планеты и, не смотря на их грубую воинственность, практически всегда находил взаимоприемлемое решение при возникновении спорных вопросов.

На дороге показался вездеход, сопровождаемый десятком всадников. В качестве верховых животных Ширианцы использовали Земуров – особый вид крупных не летающих птиц, отдаленно напоминающих страусов, которые, если верить учебникам, когда-то обитали на прародине человечества.

Шайгалов поднял руку в приветственном и одновременно предупреждающем жесте.

Водитель вездехода оказался понятливым: старая машина скрипнула тормозами и остановилась, заметно покачнувшись на электромагнитной подвеске.

Шайгалов стоял, широко расставив ноги, демонстративно не прикасаясь к оружию, хотя ему было достаточно одной секунды, чтобы импульсный автомат системы "Шторм" оказался в руках.

С режущим слух визгливым металлическим звуком отрылся бортовой люк вездехода, и оттуда показалась фигура ширианца. На вид ему было лет тридцать, смуглое обветренное лицо имело острый, орлиный профиль, гладко выбритую голову покрывал сложный убор из материи, скрученной замысловатыми жгутами. Свободные концы этого своеобразного головного убора были небрежно перекинуты через плечи.

Он сделал знак воинам и те придержали своих земуров.

Шайгалов ждал. Он четко знал, что в отношениях с ширианцами следует проявлять твердость. По понятиям коренных жителей планеты его должность соответствовала рангу родового вождя, к тому же полковник находился на своей земле, выкупленной Альянсом у аборигенов еще перед строительством базы. Так что поводов спешить навстречу незваному гостю у него не было.

Прибывшего на вездеходе предводителя кочевников он видел впервые, и это настораживало.

* * *

Несколько секунд они испытующе смотрели друг на друга.

Первым нарушил молчание шириaнец. Он говорил на местном наречии, которое относилось к одному из древних языков Земли.

Автоматически включился второй канал аудиосистемы боевого скафандра. Синхронный перевод звучал без интонаций:

– Приветствую тебя воин неба. Мое имя Джалгет, я вождь рода Джалгетов. Земли моих предков лежат по ту сторону пустыни.

Шайгалов выслушал приветствие, кивнул и спросил, сочтя лишним представляться:

– Что привело тебя в мои земли?

– Мои люди недовольны. Много лет они работали на твоей базе. Всем было хорошо. Зачем ты прогнал их?

Иван мысленно усмехнулся.

– Я никого не прогонял. Ты мудрый человек и должен понимать, – мы более не нуждаемся в наемниках. Твоих людей никто не обидел, их щедро одарили и проводили с подобающим уважением.

– Да, это так. Но, вернувшись, они стали обузой для нас. Долгие годы эти люди провели тут. Среди рода у них нет ни имущества, ни способов к пропитанию.

– Это не мои проблемы. Договоры, заключенные с твоими предками, носили временный характер. Всем было известно, что рано и поздно мы покинем этот мир.

– Но вы тут.

– Да. Пока тут. А завтра, быть может, нас призовут в другое место.

На некоторое время возникла напряженная пауза, затем губы Джалгета тронула усмешка.

– Хорошо, воин неба. Я дарю тебе людей. Прими их в свой род, и если они тебе не нужны – убей.

– Нет. Я не могу этого сделать. Ты должен понять,что времена изменились, прошлого не вернешь, а убивать людей как скот, лишь потому, что они долгое время пробыли у нас, и оказались не нужны своему роду, я не стану. У меня свои заботы, у тебя свои. Разойдемся с миром.

– Значит, ты не примешь их назад?

– Нет.

– Ты хорошо подумал?

– Я не меняю своих решений.

Глаза Джалгета внезапно вспыхнули недобрым огнем.

– Тогда я, расторгаю все соглашения, которые были заключены ранее. Надеюсь, ты понимаешь, что будет дальше?

Шайгалов кивнул. В данной ситуации он не мог принимать компромиссных решений. Более того, полковник чувствовал, что попытка предъявить нелепые требования, а тем более навязать ему совершенно не нужных людей, которых по большому счету им даже не прокормить, учитывая введенный на базе режим жесткой автономии, всего лишь предлог… Подобная настойчивость выглядела подозрительной и была похожа на грубую уловку, призванную распахнуть ворота периметра для определенного количества воинов-ширианцев.

– Не ты заключал договора, не тебе и расторгать их. – Спокойно ответил полковник на явную угрозу, прозвучавшую в словах Джалгета. Мы заплатили за эти земли. Вопрос исчерпан. Тебе придется повернуть назад.

– Это последнее слово?

– Да.

– В таком случае, воин неба, тебе придется…

…

– Командир, сканеры фиксируют приближение двух колонн. Движутся с запада и востока. Численность до трехсот человек. – Вторгся в мысли Шайгалова доклад сержанта Ригана.

– Паша, я отхожу. Будь готов.

– Держу его на прицеле, командир.

– Первыми огня не открывать. – С этими словами полковник развернулся и спокойно зашагал к воротам базы.

За его спиной Джалгет, глаза которого внезапно налились кровью, отдал короткий гортанный приказ.

Десять всадников на земурах рванулись вперед, оглушительно ударили выстрелы из древнего автоматического оружия, но без должного опыта стрелки промахнулись, – раскачивающаяся походка нелетающих птиц не давала толком прицелится, и пули лишь выбили султанчики пыли в метре от фигуры Шайгалова.

Ответный залп двух башенных орудий БМК вырвал в утренние небеса кустистые разрывы, отсекая стеной огня спокойно шагавшего к воротам полковника.

Взрывная волна приподняла Джалгета и отшвырнула его к вездеходу.

– Уходим. Всем вернуться на территорию базы. – Так и не обернувшись, распорядился Шайгалов.

Ему незачем было оглядываться. Пройдя через техногенный ад Галактической войны, он и без того знал, что десяток убийц сейчас

разорваны вместе со своими земурами и ошметья их плоти вперемешку с комьями земли влажно барабанят по броне вездехода…

Возможно, это отрезвит молодого эмира, – подумал полковник, наблюдая, как две боевых машины, сдавая задом, появились в проеме ворот и створы последних начали закрываться, запечатывая периметр.

Со стороны стеклобетонных укреплений вдоль земли ударил лазерный луч – яркий шнур когерентного света подрезал заросли, моментально превратив лишившиеся опоры кусты проволочника в неистовый вал огня.

Через минуту жадное пламя начало опадать так же внезапно, как и взъярилось.

По обе стороны ведущей через пустыню дороги дымились обугленные гари, за ними, в открывшихся секторах обстрела, под прицелом сканирующих систем автоматического периметра в немом, яростном потрясении застыло порядка сотни воинов, составлявших отряд Джалгета.

Понимали ли они, что сейчас их жизни зависят от одного движения капитана Ригана?

Скорее всего – нет.

Внезапно наступившую после яростного треска пламени тишину нарушил мягкий голос включившейся аудиосистемы периметра:

Компьютер говорил на безукоризненном местном наречии:

– Внимание, вы нарушили границу внешней зоны охраны. У вас есть минута, чтобы отойти на пятисотметровый рубеж и тем самым избежать кровопролития. Благодарим за сотрудничество…

Джалгет, который едва пришел в себя после контузии, тяжело опираясь о борт вездехода, добрался до люка.

– Назад! Отходим! – Хрипло выкрикнул он, прежде чем скрыться в недрах машины.

Вездеход попятился, выбрасывая из-под огромных литых колес центнеры перемешанного с горячим пеплом песка.

* * *

– Они отходят. – Пришел по связи доклад Ригана.

– Я вижу. – Шайгалов был мрачен. – Что фиксирует спутник?

– Остальные отряды изменили направление. Движутся на соединение с людьми Джалгета.

– Следи за ними. Огня не открывать.

Сбоку раздались тяжелые шаги.

Лейтенант Кайманов, облаченный в тяжелый бронескафандр,

выглядел устрашающе. Остановившись подле командира, он спросил:

– Отпускаешь их?

Шайгалов обернулся.

– Твои предложения, Паша?

– Дать им по зубам. Чтоб мало не показалось. – Он зло сверкнул глазами, хотя за глухим забралом гермошлема командир не мог видеть выражения его лица. – Воины хреновы….

– Это будет резня. – Коротко ответил полковник.

– Командир, они стреляли тебе в спину!

Шайгалов резко обернулся.

– И что? Может, выведем парочку серв-машин?

– Ну не перегибай! А наказать их нужно. Чтоб впредь не совались.

– Паша, ты знаешь, сколько человек обычно насчитывает их род?

– Нет.

– А я знаю. Полсотни не больше. Теперь сравни эту цифру с результатами орбитального сканирования и ответь: кто пришел под наши стены?

Кайманов поднял забрало боевого шлема и зло сплюнул.

Арифметическая задачка, предложенная полковником, решалась просто. Если среднестатистический род на Ширане насчитывал полсотни человек, то, за минусом женщин, детей и стариков, получалось около двух десятков воинов, которые реально могли сопровождать Джалгета в его наглой вылазке.

Данные орбитального сканирования показывали иные цифры. Учитывая отряды, двигавшиеся сейчас на соединение с основной группой, получалось, что в непосредственной близости от базы в данный момент сконцентрировано порядка пятисот вооруженных ширианцев.

– Это не род Джалгета. – Нарушив молчание, произнес полковник. – В пустыне собраны бойцы со всего региона. И если мы сейчас ответим ударом на их провокацию, то уничтожим как минимум пятьдесят процентов мужского населения Ширана. Это, по моим понятиям, не укладывается в рамки возмездия за несколько автоматных очередей и надуманные требования. Я не собираюсь устраивать геноцид.

– Ладно. Проехали… – Кайманов посмотрел в сторону пустыни, где по-прежнему клубилась пыль. – Интересно кто собрал их вместе и какого фрайга они вдруг решили сунуться сюда?

– А вот это уже вполне закономерный вопрос. Лично я не знаю, кто бы мог объединить враждующие племена кочевников и подвинуть их на самоубийственную авантюру.

– Не знаешь?

– Нет, Паша. – Покачал головой Шайгалов. – Я шестой год на Ширане, и могу с уверенность сказать: нужна внешняя воля, обладающая непонятным для меня, абсолютным авторитетом, чтобы собрать вместе воинов кочевых племен.

– И что ты намерен предпринять?

– Нам придется нарушить свое молчание. – Ответил Шайгалов. Он уже успел обдумать последовательность дальнейших действий. – Ты прав, ситуацию нельзя оставлять без внимания. Думаю, связь с остальными опорными пунктами сектора прояснит ситуацию.

– А если нет?

– В таком случае нам придется еще раз потолковать с Джалгетом.

– Поручи это мне.

– Посмотрим… – Уклонился от прямого ответа Иван. – Держи периметр. Я в кибернетический центр.

– Понял.

* * *

В компьютерном центре базы уже шла подготовительная работа. Десяток специалистов под руководством старшего компьютерного техника, Ральфа Ригана, готовили аппаратуру дальней космической связи.

Шайгалов, освободившись от громоздкого бронескафандра, вошел в операторский зал.

– Как ситуация?

– Ориентируем спутник. Канал ГЧ будет открыт минут через пять.

– Добро. Что наши кочевники?

– Отряды соединились. Шестьсот бойцов. – Риган не пытался скрыть своего недоумения. – По местным меркам – невиданная армия.

– Где они сейчас?

– Отошли на десять километров вглубь пустыни. Там есть небольшой оазис.

– Думаешь, не уйдут так просто? – Нахмурился Шайгалов.

– Не уйдут. – Категорично ответил Риган. – На мой взгляд, тут попахивает массовым психозом. Какой идиот полезет на периметр, не имея орбитальной поддержки и серв-машин?

Полковник сел в кресло.

– Возможно, мы что-то не понимаем, либо недооцениваем противника?

– Обижаешь командир. У них нет иной техники, кроме шести старых

вездеходов. Я проверил показания локационных систем спутниковой группировки. За последние трое суток ни один корабль не появлялся на орбитах Ширана.

– А раньше?

– Не знаю. Оперативная память обновляется каждые три дня. Мог, конечно, проскочить истребитель класса "Фантом"…

– Где у нас производили ремонт "Фантомов"?

– На Сауде. Это шестая система скопления.

– Тогда начнем с него. Генератор готов?

– Да зарядка закончена.

– Тогда не будем терять время. Включай канал.

* * *

Через час стало ясно – ни одна из резервных баз, расположенных на пяти планетах окрестных звездных систем, не отвечает на экстренный вызов.

Отключив терминал связи, полковник Шайгалов мрачно посмотрел на данные спутникового контроля.

Кочевники не уходили. Оккупировав оазис, они расположились в десяти километрах от базы. Судя по данным сканирования, ширианцы разбили временный лагерь у источника питьевой воды.

Щестьсот человек на земурах израсходуют природный запас оазиса в течение суток, – подумал Иван, понимая, что подобный расклад предвещает лишь один исход – ночной штурм базы.

– Риган, выводи периметр на полное энергопотребление.

– Основные реакторы погашены, командир. – Напомнил старший техник.

– Придется запускать.

– До ночи не успеем.

– Сколько мы продержимся на резерве?

– Смотря, какое вооружение активировать. Если энергетическое, то часов пять активного боестолкновения.

Шайгалов посмотрел на датчики боевых систем.

Проклятая неопределенность. Он чувствовал как ее груз, копившийся в течение года, вдруг лег на плечи свинцовой тяжестью. Что он должен предпринять в данной ситуации? Молчание на гиперсферных частотах связи красноречиво свидетельствовало, что остальные ремонтно-технические пункты Альянса, скорее всего, подверглись аналогичным нападениям и по какой-то причине не сумели отразить их. С точки зрения

здравого смысла это казалось нереальным, – ситуация с уровнем развития коренного населения шести планет была приблизительно одинакова. Потомки поселенцев, попавших в данное скопление в период Великого Исхода, за четыре столетия прошли путь классической деградации. Они по определению не могли взять штурмом защищенную автоматическим периметром базу. Тем более невероятным выглядела синхронизация подобных событий.

Вывод напрашивался один: дислокацию баз вычислили. Иван не знал, что в точности произошло на других планетах, но утренний инцидент выглядел более чем странно. Если Флоту Колоний, занятому поиском и зачисткой остаточных формирований Земного Альянса стало известно место их дислокации, зачем привлекать к операции местные племена?

Ответа на данный вопрос у полковника не было.

Он коснулся сенсора коммуникатора.

– Кайманов.

– На связи.

– Готовь мобильную группу.

– Состав?

– Три человека.

– Понял. На мое усмотрение?

– Да.

* * *

Палящее солнце начинало клониться к закату.

Три фигуры в фототропных защитных костюмах казались миражом, порождением знойного марева, змеящегося над раскаленной поверхностью пустыни.

Лейтенант Кайманов наблюдал в электронный бинокль за столпотворением людей и животных, превративших зеленый островок оазиса в уродливое месиво. Повсюду, куда ни глянь, на тонких жердях были натянуты тенты из шкур, словно пустыню покрыли заплатками. Почва оазиса, превратившаяся в грязь, уже успела подсохнуть под палящими лучами голубого солнца. Лишившись спасительного покрова растительности, небольшой участок плодородной земли вокруг источника питьевой воды стремительно твердел, покрываясь трещинами. Сам источник, вырытый в глубокой древности, еще на заре колонизации Ширана, в данный момент был пуст, – десятиметровое углубление, заботливо укрепленное кладкой из дикого камня, уже не содержало ни капли влаги.

Воины кочевых племен Ширана, собранные вместе силой непонятных обстоятельств, казалось, забыли об исконной вражде, – укрывшись от палящих лучей под сенью временных убежищ, они с нетерпением поглядывали на далекий горизонт, где явственно просматривалась темная полоска. Что означает такая темная полоска, знал любой обитатель планеты, имевший элементарное представление о пустыне.

Надвигалась песчаная буря. Ветер против правил утих сразу пополудни, зной казался невыносимым, все свидетельствовало, что вот-вот грянет природный катаклизм.

Туго нам придется ночью, – подумал Кайманов, опустив электронный бинокль и жестом привлекая внимание двух бойцов.

Развернув компьютерный планшет, куда в режиме реального времени транслировалась информация со спутника, он отметил зеленым маркером одну из точек, двигавшуюся среди разноцветных заплат солнцезащитных тентов.

Этот человек только что покинул палатку, где обосновался Джалгет, и направлялся к огромной яме, отрытой кочевниками в сотне метров от границы оазиса.

Все-таки они странные. – Подумал Павел, наблюдая за неторопливой походкой ширианца. – Извели под корень всю растительность, опустошили источник, а отхожее место вырыли в стороне…

– Берем его.

* * *

Мобильная группа вернулась, когда вечернее небо уже сочилось нездоровым багрянцем заката.

Полковник Шайгалов стоял на защищенной бронестеклом площадке периметра, наблюдая за окрестностями посредством сканирующих систем. Тонкие компьютерные планшеты, неотличимые от обычного сталепластика, обретали прозрачность, как только палец командира касался сенсора.

Иван Дмитриевич не видел в показаниях датчиков ничего утешительного.

У горизонта темной полосой медленно двигался фронт песчаной бури.

Предваряя ее появление, зашевелилось становище ширианцев, – в оптику умножителей было видно, как воины седлают земуров: помимо сбруи для верховой езды на головы нелетающих птиц надевали матерчатые приспособления, с вшитыми в них прозрачными вставками для глаз.

"Будут атаковать вслед за первыми порывами бури". – Безошибочно

определил полковник. Истолковать приготовления противника было несложно, непонятными оставались мотивы столь внезапной и ничем не обоснованной вспышки враждебности. Военная база на Ширане была построена два десятилетия назад, и за истекшие годы серьезных конфликтов с местным населением не происходило. Были, конечно, мелкие недоразумения, даже стычки, но это не шло ни в какое сравнение с "всеобщей мобилизацией" и грядущим нападением.

Что ими движет? Какой мотив заставил собраться вместе, пересечь пустыню и жертвовать собой, зная, что периметр базы прекрасно защищен, а их оружие не чета нашему?

Тихо щелкнул коммуникатор.

– Группа Кайманова вернулась. – Доложил дежурный офицер.

– Привели "языка"?

– Да.

– Иду.

Шайгалов спустился с укрепления, по ходу отметив, что из-за надвигающейся бури энергетическое оружие, скорее всего, окажется неэффективным.

– Давыдов?

– На связи.

– Как идет подготовка?

– С учетом изменившейся погоды – нормально.

– Докладывай по существу.

– Активированы автоматические импульсные орудия. Лазерные установки переведены в позицию резерва. Из консервационных боксов выведена планетарная техника: десять БМК и шесть серв-машин класса "Хоплит".

– Позиции распределили?

– Вся техника размещена вокруг командного пункта. Это на случай прорыва периметра. Пространство плацев и паркингов обеспечивает отличные сектора обстрела.

– Хорошо. Молодец. – Скупо похвалил подчиненного Шайгалов.

…

Войдя в караульное помещение гарнизонной гауптвахты, Иван Дмитриевич застал там троих бойцов, снимавших пропыленную экипировку.

– Где пленный?

– В изоляторе. – Ответил Кайманов, кивнув на толстую дверь.

– Почему так долго?

– Ждали, командир. Нам ведь не нужен рядовой боевик.

– Ладно. Сейчас посмотрим, что за птицу вы изловили. – Шайгалов отпер массивную дверь и вошел в помещение с голыми бетонными стенами.

– Встать! – Резко приказал он, обращаясь скорчившемуся на полу широанцу.

Тот медленно поднялся, с ненавистью глядя на полковника.

– Садись. – Шайгалов указал на привинченный к полу стул. От его взгляда не укрылось, что пленника трясет.

Усевшись напротив, он задал первый вопрос:

– Ты человек Джалгета?

Ширианец прекрасно понял вопрос, его смуглое лицо внезапно приняло сероватый оттенок, непроизвольная дрожь заметно усилилась.

– Я спрашиваю: ты знаешь Джалгета?!

– Да. – Сорвалось с пересохших губ пленника.

Он был уже немолод, глубокий шрам на лице, жилистая подтянутая фигура, ясно свидетельствовали о бурной и опасной жизни, которую вел этот человек в степях Ширана. Тем непонятнее было его поведение. Чего так сильно боится закаленный в боях воин?

Ладно. Попробуем иначе.

– Кто объединил племена Ширана?

– Джалгет…

– Как ему это удалось?

– Я ничего не скажу. – Воин, наконец, совладал с дрожью и теперь сидел, неестественно выпрямившись, лишь землистая бледность выдавала его состояние.

– Скажешь. – Заверил его Шайгалов. – Ты прекрасно знаешь, что у нас есть машины, способные узнать твои мысли. Не заставляй меня прибегать к таким способам допроса.

При упоминании о машинах на бледных щеках ширианца проступили пунцовые пятна.

– Дети шайтана… – Прохрипел он.

– Ты заблуждаешься. Мы люди. Обыкновенные люди, которые долгие годы честно сотрудничали с вами, не причиняя вреда ни одному из обитателей Ширана. Ты воин и прекрасно понимаешь, что я не лгу. И нет никакого бесчестья в том, что ты ответишь на мои вопросы. Возможно, правдивые ответы отведут смерть от твоих соплеменников.

Несколько секунд ширианец мучительно обдумывал, как ему поступить. Шайгалов глядя на него не испытывал ничего кроме недоумения

и досады.

– Вы все умрете… Сегодня ночью… – Внезапно прохрипел пленник.

– Я задал другой вопрос. Кому умирать – покажет время. Спрашиваю в последний раз: кто такой Джалгет, откуда он взялся, как и с какой целью сумел объединить племена? Либо ты отвечаешь, либо…

– Я отвечу… – Воин поднял на Шайгалова полный ненависти и страха взгляд.

Он страшиться не меня, и даже не гипотетической пытки.

– Сегодня утром Джалгет показался мне слишком молодым, чтобы руководить такой армией. – Произнес Иван Дмитриевич, пристально глядя в глаза пленника. – Откуда он взялся? Я пять лет руковожу гарнизоном Ширана, и ни разу не слышал о роде Джалгетов.

– Он… Он не из нашего мира. – выдавил пленник. – Джалгет пришел с неба.

– Откуда? Конкретно?

– Его родина – Сауд.

Полковника неприятно поразило данное откровение. Звездная система Сауда располагалась на удалении в три световых года от Ширана.

– Как он появился? На чем прилетел?

– Большой небесный корабль.

– Такой? – Шайгалов несколькими уверенными штрихами процарапал на пластиковой столешнице контур истребителя класса "Фантом".

– Да.

– Что он сказал вам? Чем купил или запугал?

– Джалгет забрал наших детей.

– В заложники? – Шайгалов продолжал пристально смотреть в глаза пленника. – Не лги мне воин. От этого зависит судьба Ширана.

– Судьба Ширана уже не зависит от нас. Все в руках великого Эмира, который теперь правит пятью мирами. Только Ширан не под его властью.

– Почему?

– Вы изгнали наших людей, работавших тут. Остальные этого не сделали. В указанный час гарнизоны были уничтожены.

Проклятье…

Шайгалов не ожидал, что новости будут столь скверными.

– Ты знаешь имя великого эмира?

– Зураб аль Ахман. Он пришел на Сауд и принес потерянную в веках веру предков. Вы – неверные. Вы будете уничтожены.

Теперь Шайгалов, наконец, понял, что за выражение читается во взгляде пленного воина. Это был еще не окрепший, но уже угнездившийся

в сознании ширианца фанатизм, круто замешанный на страхе.

– Не думаю что религия твоих предков, кому бы они не поклонялись, поощряет предательство и удары в спину. – Мрачно заметил он. – Твоих детей тоже взяли в заложники?

– Да.

– Ты можешь указать место, где их содержат?

– Зачем? – упавшим голосом спросил воин. Он как-то внезапно сник и теперь выглядел уставшим от жизни сгорбленным стариком.

– Считай, что у меня так же есть своя вера. Она не допускает предательства и не позволяет мне сидеть, сложа руки, когда кто-то действует такими методами, к которым прибегает Джалгет. Мы освободим заложников.

– Вам не удастся.

– Не суди. Я предлагаю тебе надежду.

– Они на Сауде. Тебе не освободить их, как не отстоять Ширан. Сегодня ночью погибнут лучшие воины.

– Откуда такая уверенность?

– Джалгет привез с собой оружие. Он хитрый и изворотливый, как песчаная гадюка. Он собрал старейшин и сказал – сегодня ночью Ширан присоединиться к эмирату великого Аль Ахмана. Нашим союзником будет буря, песок ослепит глаза шайтана, и…

Он не закончил фразы – с лязгом распахнулась дверь, и на пороге появился лейтенант Кайманов.

– Командир срочно!

Шайгалов обернулся. Он хорошо знал Пашу и понимал, что тот не станет врываться без причины.

– Иду. – Он обернулся к пленнику и произнес:

– Ты останешься здесь. Продолжим разговор утром.

* * *

– В чем дело Паша?

– Атака на орбитальную группировку! Сбито четыре спутника!

В первый момент Шайгалов с трудом заставил себя поверить в сказанное.

– Риган? – Совладав с внезапным всплеском эмоций, он вызвал центр компьютерной поддержки.

– Да, командир.

– Докладывай.

– Сенсоры зафиксировали звено "Фантомов". Четыре спутника сбито.

Первым уничтожен генератор гиперсферной частоты.

– Их успели отсканировать?

– Да. На борту нет пилотов. Это "Одиночки" командир.

Шайгалов побледнел.

Переключив частоту коммуникатора, он вызвал периметр:

– Хорватов, доложи обстановку!

– Фронт бури приближается. Она накроет базу в течение получаса. Кочевников не видно, они, вероятно, идут под прикрытием пылевых облаков.

Щелчок.

На крохотной панели коммуникатора трепетно взморгнул индикатор общей связи:

– Внимание, всему личному составу, срочно покинуть боевые посты. Всем в убежища! Автоматические комплексы в режим противокосмической обороны! Исполнить и доложить!

Приняв мгновенное решение, Шайгалов резко обернулся.

– Паша, срочно на резервный КП. Чтоб через пять минут система была в действии!

– Понял.

– Риган, включай автоматику в режим активной обороны и убирайся из компьютерного центра.

– Командир…

– Отставить. Забыл что такое "Одиночка"? На первом заходе они ударят по ядру кибернетической системы. Ты мне еще понадобишься живым. Переходим на резервные цепи управления. Исполнять!

* * *

На улице пустые плацы подметал неистовый ветер.

От потемневшего горизонта двигались бесформенные клубящиеся облака, – казалось, что на базу надвигается свинцово-серая стена.

В клубах песка и пыли били бледные разряды молний.

Ночь наступала страшная.

Иван взглянул на часы. У звена "Фантомов" оставалось не более пятнадцати минут на атаку.

Не успел он подумать об этом, как, перекрывая завывание ветра, внешние микрофоны боевой экипировки внезапно передали рвущийся на высокий нотах характерный узнаваемый звук.

Это падали кассетные бомбы.

Полковник резко обернулся, но понял, что не успеет – звук нарастал,

близился, а до ближайшего входа в укрытие метров пятьдесят не меньше.

Стоявшая рядом БМК резко развернула башенное орудие. Звук сервомоторов потонул в завывании ветра и пронзительном свисте падающей с низких орбит смерти.

Один из "Хоплитов" внезапно выпрямил ступоходы, поднимая рубку, над которой возвышались зенитные установки, и в следующий миг весь периметр базы, включая внутренне кольцо оцепления командного центра, вдруг озарился стробоскопическими вспышками, – это в темные небеса навстречу падающим, но еще не разделившимся кассетам, ударили средства противокосмической обороны, – черные, налитые свинцом небеса располосовала сетка лазерных лучей, вторя им, зачастили вакуумные орудия, с левого фланга ослепительными факелами вертикально ушли два роя противоракет.

Секундой позже ослепительное зарево разорвало полог низкой облачности; на мгновенье вокруг стало светло как днем, и эта вспышка внезапно высветила стремительные контуры трех "Фантомов", которые, перейдя в режим атмосферного полета, неслись на приземистое здание компьютерного центра, озаряясь частыми сполохами ракетных запусков.

Еще секунда, и мир вокруг Шайгалова внезапно содрогнулся.

Он видел, как кустистые разрывы рвут армированный стеклобетон, выгрызая в стенах многометровые бреши, сетка лазерных лучей вспыхнула вновь, резко разворачиваясь, словно по небесам полоснуло несколько десятков раскаленных стальных нитей, – один из истребителей разрезало на неравные части, но два других благополучно выходили из конуса атаки, напоследок освободив бомболюки от остатков боекомплекта.

Чудовищные разрывы перепахивали бетонные поля, тянулись к периметру, накрывали его; в теснине между зданиями гуляли упругие взрывные волны, ударов которых не выдерживали тройные закаленные бронестекла, – в отсветах разрывов вихрилась сверкающая метель осколков, горячий, неистовый ветер свивал упругие смерчи дыма, Шайгалову, который с трудом удерживался на ногах, на миг показалось: все, конец… но беснующаяся вокруг смерть по непонятной прихоти судьбы обходила стороной одинокую фигуру, застывшую средь разрывов и огрызающихся огнем машин.

Второй истребитель был сбит массированным ракетным залпом "Хоплитов".

Людям не было места в данном противостоянии, разум терял ориентацию, отказывался адекватно воспринимать реальность, когда вокруг все рвалось, рушилось, целые здания вдруг приподнимались к

небесам и внезапно начинали оседать бесформенными грудами плюющихся белесой пылью обломков. С неба падали фрагменты сбитого истребителя, часть прорвавшихся сквозь заградительный огонь кассетных бомб разделилась, и теперь титанические удары перепахивали северный участок периметра, превращая неприступные оборудованные автоматикой стены в иззубренные огрызки стеклобетона.

Ад техногенного боестолкновения бушевал всего лишь минуту, но его последствия были воистину ужасны.

Северная часть периметра превратилась в дымящиеся руины, две БМК горели, на месте компьютерного центра образовался клубящийся гриб, под которым скрывалась исполинская воронка…

Третий истребитель, похожий на факел, медленно падал, прочерчивая зримую дугу на фоне черных, затянутых тучами небес.

В этот момент со стороны разбитых укреплений рванул первый порыв настоящего шквалистого ветра, который принес с собой тонны песка.

В серо-желтой мути мгновенно потонули контуры зданий.

Шайгалов, оглушенный, дезориентированный бесновавшимися вокруг взрывами, нашел в себе силы включить резервный канал связи:

– Всем наверх! Истребители сбиты. Подразделениям выдвигаться к северной стене периметра. Командирам взводов действовать по обстановке!

Главное – отбить атаку, пережить эту ночь… – вот единственная мысль, которая глухо ломилась в виски полковника с болезненным ритмом участившегося пульса.

* * *

Планета Сауд.

Машины работали быстро и качественно.

Зураб Ахманов наблюдал за строительством с балкона южного крыла дворца, перед которым под защитой незримого статис-поля древние механизмы, позаимствованные из консервационных хранилищ колониального транспорта, в данный момент выравнивали рельеф, формируя планировку будущего парка.

Мысли Зураба этим утром были далеки от вопросов межпланетного противостояния. Его фактически не волновали кровавые события, развернувшиеся на далеком Ширане. Штурм базы являлся вынужденной мерой. Ахманов знал полковника Шайгалова, и прекрасно понимал, что тот не сдаст базу без боя. Ширан оказался единственной планетой, где гарнизон за год изоляции сохранил дисциплину и боеспособность. Выбирать тут не приходилось. Мысль о том, чтобы договорился с

Шайгаловым, он отмел сразу, не тот человек полковник. Не станет он играть на инстинктах местного населения.

Зураб поморщился. Он не хотел думать о Ширане, но проблема сидела как заноза, постоянно напоминая о себе на уровне подсознания.

Откровенно Зураб хотел одного – спокойствия. Он устал от войны. Однако, осуществить свою мечту, прожить еще много лет в комфорте и достатке, он мог лишь при одном условии: все шесть обитаемых миров скопления должны находиться под его полным контролем. Главное чтобы на свободе не осталось ни одного офицера или солдата Альянса. Эти миры должны быть полностью изолированы, все генераторы гиперсферных частот уничтожены, должна исчезнуть сама память о том, что вне скопления есть еще десятки… если уже не сотни обитаемых миров.

При рассмотрении данного вопроса любой солдат или офицер Альянса вставал у Ахманова как кость в горле. Он знал что люди, прошедшие ад Галактической войны не примут навязанных им правил. Они захотят жить своей жизнью, наплевав на утратившие значения звания. Что толку в его адмиральском мундире? После капитуляции Альянса любой боец, воспользовавшись современными знаниями, может стать маленьким царьком или божком в среде деградировавших цивилизаций.

Зураб не хотел провести отпущенные ему годы в крысиной возне междоусобных войн. Либо все, либо ничего.

Нарушив ход его мыслей, сзади раздались шаги.

Зураб обернулся.

По широкой террасе уверенной походкой к нему направлялся Рашид Кемранов – тот самый молодой еще не обрюзгший воин, что встречал его на территории залитой кровью ремонтно-технической базы.

Сказать откровенно – Ахманов презирал этих людей. Поначалу ему казалось, что его этнические корни дадут свежие побеги в среде родственных цивилизаций, но слишком велика оказалась пропасть между адмиралом военно-космических сил Альянса и деградировавшими наследниками древних народов.

Впрочем, деградировали ли они? – Вот вопрос, который невольно задавал себе Зураб, еще с памятного посещения этих миров десять лет назад, во время инспекции ремонтно-технических баз.

Дикие, не признающие ничего кроме власти грубой силы, отвергнувшие все блага цивилизации *племена*, – иного термина Зураб подобрать попросту не мог. С одной стороны это конечно к лучшему. Невежество всегда дает действенные рычаги для управления массами, но с другой точки зрения ему становилось обидно от одной лишь мысли:

неужели я потомок дикого, варварского народа?

Конечно, Ахманов был неправ в своих выводах. По пути регресса пошли многие колонии Первого Рывка, вне зависимости от этнического состава колониальных транспортов.

Он ошибался во многом, потому что не знал истории в надлежащем объеме. Выхватив лишь фрагмент знаний из широкого контекста исторического развития, Зураб считал, что вполне понимает сущность этих людей.

Он совершил главную ошибку, о которой пока не подозревал, – стал презирать их, плохо скрывая свои истинные чувства.

* * *

Рашид Кемранов всю ночь просидел над древними манускриптами.

Он был далеко не глуп, выгодно выделяясь среди прочих эмиров, но сейчас его рассудок столкнулся с проблемой, которую не мог разрешить.

Власть нового человека, несомненно, была велика, ее утверждали призванные им силы, против которых у Рашида попросту не было способов борьбы. Ранее, до появления Аль Ахмана, он не задавался глобальными вопросами, жил, как жили поколения передков, заботясь лишь о благополучии своего рода. Что касается "людей неба", появившихся на Сауде когда Рашиду едва исполнилось десять лет, то он ни разу не контактировал с ними. Род Кемранов кочевал далеко от земель, на которых расположилась военная база Земного Альянса, и по большому счету Рашиду не было до них никакого дела.

До тех пор, пока год назад не появился этот человек.

Он собрал всех эмиров (что само по себе являлось делом неслыханным) и без каких-либо пояснений объявил им, что наступает новая эра в жизни кочевых племен. Он пообещал великие блага, говорил долго, убедительно, но, как оказалось, пока Аль Ахман рисовал перед эмирами радужные картины недалекого будущего, прилетевшие вместе с ним механические исчадия, одновременно появились во всех без исключения поселениях Сауда, безжалостно перебив стражу, и захватив в заложники старших детей эмиров.

Ахман не страшился содеянного. Он спокойно объявил о том, что забирает наследников многочисленных родов Сауда для воспитания – через несколько лет они вернуться на земли своих отцов великими воинами, им будут подвластны ужасные механические создания…

Рашид не строил иллюзий по поводу данных обещаний.

Пережив первую неистовую вспышку ярости, он поклялся себе, что не

умрет, глупо кинувшись на неживых телохранителей Аль Ахмана.

Их наследников взяли в заложники, – это было очевидно для всех. Но что они могли сделать?

Реакция на событие была разной. Кто-то безропотно подчинился, решив, что раболепие вернет им надежду, кто-то воспринял похищение как факт, объявив наследником рода младшего из сыновей, Рашид же не спешил, – он затаил лютую ненависть, к человеку оскорбившему его.

Чувство прижилось, словно змея, пригревшаяся на груди.

Оно не угасало со временем, лишь глубже въедалось в мысли, трансформируясь из горячих позывов к необдуманным действиям в холодную, расчетливую ярость.

Вот и сейчас приближаясь к новоявленному правителю, объявившему себя властелином шести звездных систем, о которых Рашид имел лишь смутное представление, он привычно натянул маску равнодушного послушания, стараясь не выдать истинных, клокотавших в груди чувств.

Он тысячу раз мог убить самозванца, но интуитивно понимал: это не станет решением проблемы, не вернет ему сына, и на место Аль Ахмана придет кто-то другой…

Нет. Этого нельзя допустить. Следовало понять врага, в точности узнать, откуда пришел Зураб, как он держит в подчинении такое количество преданных, лишенных души, смертельно опасных демонов, дающих ему безграничную власть над смертными.

– Приветствую тебя великий Аль Ахман!... – Рашид склонил голову.

– Здравствуй, Рашид. Какое дело привело тебя ко мне?

– Вернулись демоны с Ширана.

Зураб поморщился, и это не ускользнуло от взгляда Кемранова.

– Рашид, сколько я могу повторять: машины не демоны! Посмотри вокруг, – Ахманов обвел широким жестом панораму строительства, – разве демоны способны творить добро? Строить дома, разбивать парки?

– У них нет души. Я читал старые книги. Все у кого нет души – дети шайтана.

Зураб отвернулся. Бесполезно, да и не нужно объяснять Рашиду, что такое кибернетические механизмы. Все равно не поймет. Пусть считают меня кем угодно, повелителем демонов, воплощением мистического зла, тем проще будет управлять ими, внушая ужас, а значит, пресекая на корню сами мысли о неповиновении.

– Ты хотел что-то еще Рашид?

Кемранов кивнул.

– Говори.

– Когда к нам вернуться наследники?

– Скоро. Сейчас их обучают повелевать демонами, – с усмешкой произнес Зураб. – Когда твой старший сын вернется, он будет великим воином, способным понять, что такое *цивилизация*.

Рашид промолчал. В эту минуту он понял главное: его сын, даже если и вернется, уже никогда не будет прежним. Он уподобиться людям неба, а это, по понятиям Кемрана, было равносильно предательству.

Ярость разгоралась в его душе с новой силой, но Рашид не видел выхода. Он не понимал наступивших перемен. Имея все качества полководца, Кемран знал, что порой терпение – лучшее оружие, но надолго ли хватит его выдержки?

– Какие вести принесли демоны с Ширана? – По-прежнему усмехаясь, спросил Ахманов.

– Идет бой. – Лаконично ответил Рашид. – Металлические птицы погибли.

Он понял, что не зря заставил себя пересилить инстинктивный страх и подойти к тем исчадиям, что спустились с небес.

Внезапная бледность пятнами проявившаяся на щеках Аль Ахмана послужила ему наградой за несколько секунд ужаса, когда равнодушная машина холодным, отдающим металлом голосом ответила ему на заданный вопрос.

Ахманова действительно неприятно поразила новость, хотя потеря трех "Фантомов" была заранее просчитана, – он сознательно шел на жертву, ради того чтобы сокрушить периметр базы, открыв путь сотням воинов-кочевников.

Гораздо хуже оказалось иное понимание: он услышал о потерях из уст Рашида.

Но я не могу разорваться на куски, мне не проконтролировать все исполнительные кибернетические системы… – подумал он. Чувство одиночества, нередко посещавшее его, вдруг подкатило к горлу с особой остротой.

Я устал от борьбы. – Думал Ахманов. – *Я хочу покоя, а вынужден разрываться между сотнями проблем.*

Он посмотрел на Кемранова и подумал: *как здорово было бы иметь в своем распоряжении преданных офицеров, – пусть бы они вели локальные бои, объединяя планеты, уничтожая инакомыслие…*

Одному мне не справиться. Ждать, пока взятым в заложники детям будут имплантированы устройства для нейросенсорного контакта, долго – они еще слишком малы, чтобы стать настоящими помощниками, твердой,

неколебимой опорой, силой способной контролировать шесть звездных систем скопления.

Он вновь с сомнением покосился на Кемранова, который стоял, отрешенно глядя на маленькие фигурки кибермеханизмов, похожих с высоты террасы строящегося дворца на маленьких безобидных насекомых.

– Так ли ты боишься демонов, Рашид? – Внезапно спросил Ахманов.

Тот обернулся, но ответил не сразу.

Некоторое время он смотрел себе под ноги, а затем поднял взгляд и произнес:

– Прирожденный воин не знает страха.

– И ты не испугаешься, если я предложу тебе стать во главе отряда машин?

Опять недолгая пауза, за которой последовал короткий ответ:

– Нет, я не испугаюсь.

Ахманов задумался. Возможно это выход? Трудно проверить преданность Рашида, но ее можно *воспитать* в нем, внедрить в сознание в момент имплантации. Вопрос в том выдержит ли его сформировавшийся рассудок резкие перемены в сознании?

Нет, одного Рашида мало. Если идти на риск, ставить эксперимент, то нужно подобрать несколько десятков кандидатов. Мнемоническое программирование сделает из строптивых воинов-кочевников послушных офицеров, в этом Ахманов не сомневался. Более того, подобная коллизия только укрепит веру остальных в могущество адмирала.

Да, я должен рискнуть, иначе измотаю себя в мелочных проблемах, которые, к сожалению, не способны эффективно решать чистые кибермеханизмы.

– Ты сможешь привести ко мне воинов, которые не побояться командовать демонами?

– Смогу. – На этот раз Рашид ответил без промедления.

– Приведи их ко мне. – Произнес адмирал, не заметив, что его собеседник слишком быстро дал утвердительный ответ, словно предчувствовал заранее, что такой разговор рано или поздно состоится, и был готов к нему.

– Я сделаю все, как ты приказал, великий Аль Ахман.

Пригревшаяся на груди Рашида змея шевельнулась, приподнимая голову.

Скоро ее яд вольется в кровь человека, посмевшего оскорбить главу рода Кемран. Пусть для этого ему придется стать кем-то другим, – Рашида, как истинного воина, не волновали пути свершения мести. Главное –

увидеть, как враг корчиться у твоих ног. Ради этого он готов бы пойти на все.

* * *

Ширан. Резервная база ВКС Альянса…

Бой был страшным.

Ослепительные лучи прожекторов тонули в вязкой пелене песчаной бури, сканеры боевой экипировки практически бездействовали среди тонн песка, поднятого в воздух неистовым ветром.

Казалось сама природа Ширана, беснуясь, бросается на приступ разрушенных орбитальной бомбардировкой стен периметра.

– Серв-машины – вперед!

Шайгалов отдал приказ, понимая, что иначе базу не удержать, – воины на земурах врывались в бреши нескончаемым потоком, они, в отличие от закованных в металлокевлар немногочисленных защитников периметра, прекрасно ориентировались среди природного катаклизма, – выработанные веками инстинкты гнали верховых животных вдоль стен, по кругу, а оседлавшие их воины поливали безжалостным автоматным огнем все, что попадало в поле их зрения.

Учитывая количество нападавших, спустя четверть часа после бесноватой атаки "Фантомов", оборона была раздроблена на отдельные очаги, враг полностью овладел внутренним пространством укреплений, обезумевшие земуры несли своих всадников по бесконечно повторяющемуся кругу, шквал автоматных очередей хлестал по стенам и окнам, в сумеречном аду с неистовым напором кочевников не могли справиться даже кибернетические системы боевых машин, – они выкашивали десятки нападавших, но на место павших появлялись сотни безумных всадников.

Через десять минут у БМК закончились боекомплекты, и только "Хоплиты", выдвинувшиеся к проломам, продолжали вести огонь из зенитных установок.

Это был бой, нарушавший все имевшиеся когда-либо прецеденты.

Спустя пол часа Шайгалову не оставалось ничего, кроме отдачи рокового приказа: он снял программный запрет, разрешив серв-машинам открыть огонь из ракетных установок внутрь защищенного периметром пространства.

Три залпа, произведенные "Хоплитами", решили исход боя, одновременно поставив жирную точку в существовании базы Ширана.

Ракеты, выпущенные с короткой дистанции, уничтожили большую

часть безумного воинства, но они пробили перекрытие подземных коммуникаций, повредив системы контроля и контуры охлаждения реактора.

Среди беснующейся песчаной бури из-под треснувших стеклобетонных плит в воздух удалили гейзеры перегретого пара.

– Все, Паша, кранты… – Шайгалов сменил опустевший магазин "шторма".

– Что предлагаешь командир?

– Нужно эвакуировать людей. За час.

– Куда мы пойдем? – В голосе Кайманова прозвучали нотки обреченности.

– Ты поведешь людей к основному модулю колониального транспорта "Ширан". Нам ведь известны координаты места посадки, верно?

– И что с того?

– Мы улетим. Нам нет места ни на одной из этих планет. Нет, понимаешь?

– Понимаю… – Кайманов приподнял забрало боевого шлема и зло сплюнул. – Будем искать новую родину? А как же этот самозваный эмир? Так и останется властвовать тут?

– Его я возьму на себя. Выводи людей, Паша. Риган сможет поднять основной модуль колониального транспорта, мы с ним уже обсуждали данный вопрос.

– Готовился к худшему командир?

– Готовился. Но не к такому… – Шайгалов посмотрел на клубящийся ядовитый пар, смешивающийся с порывами песчаной бури. – Мы обсуждали этот вопрос, на случай если базы будут обнаружены Флотом Колоний.

– Я выведу людей, не сомневайся. Но что задумал ты?

– У нас есть один "Фантом". Думаю навестить Сауд, и поставить жирную точку в этом вопросе.

* * *

Планета Сауд. Низкие орбиты. Трое суток спустя, после событий на Ширане.

Зураб Ахманов стоял на террасе строящегося дворца.

Сегодня у него было отличное настроение. Наконец тугой узел проблем начал распутываться, – с катастрофическим падением базы Ширана в скоплении не осталось воинских формирований бывшего Альянса, способных каким-то образом нарушить его планы.

Количество погибших его не волновало.

Был у Ахманова и еще один повод для оптимизма. Сегодня утром он отправил группу воинов во главе с Рашидом в автоматизированную полевую лабораторию, где они пройдут имплантацию и мнемоническое кодирование, получат толику современных знаний, вкупе с психологической установкой на полное повиновение ему – Зурабу аль Ахману, единственному правителю шести звездных систем.

Они выйдут из полевой лаборатории преданными, как собаки. – Думал Зураб, глядя на панораму величественной стройки.

Он не видел как в утренних небесах падали темные точки кассетных бомб.

…

"Бомболюки закрыты"

Лаконичное сообщение кибернетической системы совпало с тем моментом, когда компьютеры разделяющихся боевых частей послали сигнал о завершении маневра точного наведения на цель.

Полковник Шайгалов откинулся в противоперегрузочном кресле пилот-ложемента.

Внизу под пухлой шапкой атмосферы расцвели множественные огненные бутоны попаданий. Удар ковровой бомбардировки накрыл несколько десятков гектар поверхности Сауда, где по данным сканирующих систем было сосредоточено девяносто процентов всех обнаруженных кибернетических механизмов, среди которых датчики зафиксировали лишь один сигнал, идентифицированный как "человек".

Полковник не сомневался, этим "человеком" был тот самый негодяй, что, воспользовавшись капитуляцией Альянса, решил создать империю из шести звездных систем.

Нет. Пусть эти миры живут своей жизнью.

Шайгалов устал от войны и потерь. Он больше не хотел ни крови, ни мести.

Мы найдем, обязательно найдем свободную от поселений планету. – Думал он разворачивая истребитель.

Словно подтверждая его мысли, сдавлено пискнули датчики систем обнаружения, отмечая бледный фантом появившегося в метрике трехмерного космоса основного модуля колониального транспорта "Ширан".

Полковник направил истребитель прочь от Сауда, включив стыковочный автопилот.

* * *

Сауд. Месяц спустя…

Рашид в окружении двадцати воинов стоял среди безобразных воронок.

Неведомая сила, обрушившаяся с небес, превратила в уродливые обломки огромный дворцовый комплекс.

Среди изувеченной техники и рухнувших зданий уже начала пробиваться трава.

Темнеющее вечернее небо постепенно наполняли звезды.

Рашид поднял взгляд и долго, пристально смотрел на мигающие колючие искорки далекого света.

Теперь, благодаря усилиям кибернетической системы полевого хирургического центра он понимал многое.

Вокруг него валялись останки обыкновенных механизмов.

Демон тут был только один, но его плоть уже обглодали падальщики.

Возведенный в сознании Рашида мнемонический блок оказался бесполезен, – он не мог подчиняться мертвецу.

Теперь, обладая насильно имплантированными в его рассудок знаниями, Рашид, дикая, свирепая натура которого не претерпела никаких изменений, с холодной ненавистью смотрел на далекие искры света.

Там обитали демоны в плоти, которые пытались поработить его народ.

Теперь он точно знал, что ему предстоит сделать в жизни.

Так, с пристального взгляда Рашида Кемранова началась недолгая эпоха космического Халифата, а вместе с ней – Вторая Галактическая война.

Глава 2. Поиск.

Открытый космос…

В ходовой рубке основного модуля колониального транспорта "Ширан" было тесно.

Полковник Шайгалов вызвал на совещание только основных специалистов и нескольких командиров подразделений.

В данный момент древний космический корабль находился на окраине системы Сауда.

– Как настроение у людей? – Иван посмотрел на лейтенанта Кайманова.

– Терпят. В тесноте, да не в обиде.

– Сколько нас осталось?

– Семьдесят человек. Включая детей и раненых. – Уточнил лейтенант.

– Риган, – полковник перевел взгляд на компьютерного техника. – Что удалось сделать в вопросе обеспечения?

– Мы вывели на орбиту четыре технических носителя [5] с крупнотоннажными грузовыми контейнерами. Все оборудование, кибермеханизмы, запасы, которые удалось забрать со складов, сейчас жестко состыкованы с основным модулем колониального транспорта. При наихудшем раскладе, – Риган машинально почесал затылок, – я имею в виду неблагоприятную биосферу планеты высадки, ресурсов хватит на постройку герметичного убежища, и его функционирования в автономном режиме, примерно в течение года.

– Это хорошо. – Лицо Шайгалова прояснилось. Первая приятная новость после появления древнего модуля колониального транспорта на масс-детекторах. – Так, теперь ты, Костромин. Докладывай.

– Мы обновили программное обеспечение гиперсферного модуля. – Произнес майор Костромин. – Вот показания, что удалось снять с датчиков масс-детектора во время прыжка из системы Ширана к Сауду.

В голографическом мониторе возникла сетка горизонтальных и вертикальных линий напряженности, зафиксированных в аномалии космоса.

Каждая горизонтальная линия вела к одной из соседних звездных систем, расположенных на удалении от пяти до пятнадцати световых лет. Некоторые линии оказались маркированы [6], большинство же демонстрировали полную неопределенность.

Шайгалов пристально посмотрел на маркеры. Все они принадлежали системам, расположенным в пределах скопления Ширана, а значит, заранее исключались из навигационного списка.

– Судя по данным, нам предстоит слепой рывок [7]?

– Нет, командир, на самом деле все не так плохо, как кажется на первый взгляд. – Майор включил дополнительную сферу голографического воспроизведения. – Это данные трехлетней давности по картографической разведке сектора.

– Кто вел разведку?

– Старт зондов производился со стационарных космодромов в системе Аравии. Оттуда нами были получены данные для обновления навигационных баз. Вот этот мир, – лазерная указка обозначила одну из планет в системе, расположенной на удалении в двадцать четыре световых года от скопления Ширана, – имеет кислородосодержащую атмосферу. Думаю, Альянс не создавал там серьезных опорных пунктов, иначе сведения об этом присутствовали бы в наших базах данных.

– Выглядит заманчиво. – Согласился Шайгалов, все еще с сомнением рассматривая схему. – система удалена на значительное расстояние от Ширана и нам могли не передать данные , напрямую не касающиеся скопления. Разбираться будем на месте. Что скажешь Дикс? Обратился он к специалисту по гиперсферному оборудованию – Выдержит гипердрайв серию прыжков?

– Мы подключили к контуру дополнительные накопители энергии. Можно уложиться в одно погружение. Смена навигационной линии гиперсферы теперь возможна без "всплытия".

Шайгалов кивнул, вновь посмотрел на Костромина и уточнил:

– Могли обновленные базы данных попасть в навигационный отдел Флота Колоний?

– Не думаю. Сектор глухой. Здесь не происходило боевых действий. Мое мнение прежнее: и скопление Ширана и его ближайшее звездное окружение считается зоной "неисследованного космоса.

– Обоснуй. – Потребовал Шайгалов, который во всем желал ясности, и требовал от подчиненных исчерпывающих ответов.

– Прошло больше года после капитуляции Альянса. Нас никто не тревожил, кроме этого новоявленного "эмира". Логично предположить: он лично позаботился об уничтожении всех навигационных кристаллов, содержавших информацию о данном участке пространства.

– То есть аналогичная информация может сохраниться только на

навигационных кристаллах тех баз, что были дислоцированы непосредственно в скоплении Ширана?

– Да.

Шайгалов еще раз взглянул на объемную схему.

Костромин прав. Само скопление расположено далеко за границами освоенного космоса. Боевые действия тут действительно не велись, информация по дислокации резервных баз уничтожена. Дикие племена деградировавших колоний вряд ли вообще уделят какое-то внимание навигационному оборудованию оставшемуся на разгромленных опорных пунктах. Участь же самих военно-космических баз на взгляд Шайгалова была предрешена: после физического уничтожения адмирала Рахманова, попытавшегося узурпировать власть в скоплении, все оборудование, скорее всего, будет разворовано кочевыми племенами и использовано не по прямому предназначению.

В таком случае нам ничего не грозит. – Мысленно рассудил полковник. – *Учитывая смену навигационных линий гиперсферы, при прыжке мы выходим далеко за пределы сферы жизненных интересов победивших в войне колоний.*

– Хорошо. Готовим транспорт к погружению в гиперсферу. – Он обвел взглядом собравшихся, и вопросительно добавил: – Возражения будут?

– Нет. – Ответил за всех Кайманов. Паша как всегда брался отвечать за остальных, но не потому, что был выскочкой, напротив, – лейтенант хорошо знал собравшихся в рубке офицеров и мог с легкостью предсказать реакцию каждого из них.

* * *

Система звезды YX-807.

– Мы на границе метрик. Двухминутная задержка. Генераторы гипердрайва работают на пределе мощности.

– Зондам старт. – Скомандовал Шайгалов, мысленно досадуя, что в их распоряжении нет ни одного АРК [8].

В принципе задача (даже учитывая древность колониального транспорта) перед ними стояла простая. Трудности могли возникнуть чисто в технической плоскости, что касается человеческого фактора, тут все было в порядке: на счету каждого пассажира или члена временного экипажа транспорта "Ширан" не один десяток *боевых* высадок на планеты. Здесь же необходимо элементарно разведать систему, совершить маневр сближения с кислородным миром и осуществить посадку на его поверхность. Увеселительная прогулка по меркам военного времени.

И все же, на душе Шайгалова было неспокойно, сколько он себя не убеждал.

Наверное, ему было тяжело поверить, что после трех десятилетий войны можно поднимать корабль в метрику трехмерного космоса без опасений.

– Зонды пошли. – Прервал его мысли доклад по громкой связи.

Взгляд Ивана невольно скользнул к экранам телескопического обзора, где на фоне абсолютного мрака пространства гиперсферы на миг сверкнули и исчезли отсветы двигателей малых аппаратов разведки.

– Внимание в отсеках! – Отбросив сомнения, произнес он привычным, уверенным голосом. – Начинаем процедуру всплытия.

– Отсек гипердрайва, приказ понял, контур низкой частоты [9] генераторов на пятидесяти процентах мощности.

…

Разведывательные зонды уже успели удалиться от точки гиперпространственного перехода на несколько тысяч километров, когда в трехмерном континууме возник бледный фантомный контур основного модуля колониального транспорта. В отличие от стандартной комплектации "Ширан" в данный момент нес не многокилометровую сферу криогенного модуля: снизу к нему были пристыкованы четыре технических носителя удерживающие в своих исполинских захватах сборки транспортных контейнеров с оборудованием будущей колонии.

На обзорных экранах ходовой рубки вместо непроглядной черноты начали медленно проступать холодные искры звезд, одновременно заработали системы локации и связи.

– Есть переход!

Последний момент – самый опасный. Когда материальное тело переходит из гиперсферы в метрику трехмерного космоса, возможны любые неожиданности: к примеру, мелкие частицы межзвездной пыли и молекулы разреженного газа неизбежно присутствуют в том объеме пространства, который замещает собой всплывающий из недр аномалии космический корабль. Обычно крупная пробегающая по обшивке и переборкам механическая дрожь является следствием множества микроскопических "совмещений" частиц вещества, проходящих на молекулярном уровне.

Для современного корабля такие побочные эффекты обратного перехода не представляют угрозы, а вот для древнего колониального транспорта, изрядно обветшавшего за четыре с лишним столетия, это

настоящее испытание на прочность.

Так и есть.

Часть конструкций не выдержала, из отсеков один за другим начали поступать доклады о нештатных ситуациях, микроскопических плавлениях материала переборок, отказе оборудования, и, как финал опасного маневра, корабль, по которому уже прокатилась волна дрожи, внезапно потерял пространственную ориентацию, его начало резко закручивать вокруг оси…

– Осмотреться в отсеках!

– Четвертый модуль, частичная декомпрессия.

– Пробоина?

– Микроскопическая. Ищем.

Теперь ясно, почему транспорт вдруг закрутило и начало смещать вбок. Струя находящегося под давлением газа, истекая из одного или нескольких микроскопических отверстий, создали реактивную тягу.

– Двигательный, компенсировать вращение. Механизмы ремонта – в четвертый модуль.

Потребовалось около пяти минут, чтобы найти и устранить все возникшие на борту колониального транспорта неисправности. Древняя техника на взгляд Шайгалова не отличалась совершенством. Трудно было себе представить, как сотни тысяч человек отправлялись на таких вот утлых скорлупках в неизвестность, по сути – в слепые рывки через аномалию космоса.

Теперь ему было вовсе неудивителен тот процент потерь, что несли колониальные транспорты времен Великого Исхода.

Судьба подавляющего большинства кораблей до сих пор оставалась неизвестной. За три десятилетия войны удалось так или иначе получить сведения о пятидесяти кораблях, в то время как из Солнечной системы их стартовало около полутора тысяч.

– Локационная система развернута. Вращение компенсировано. Связь с зондами устойчивая. Дистанция до планеты – сто сорок тысяч километров. Практически в яблочко, командир.

Шайгалов одобрительно кивнул. Он конечно привык к быстрым, филигранным маневрам на зыбкой границе двух метрик, но сейчас случай был особый, – они заставили древний корабль маневрировать так, чтобы выйти как можно ближе к планете назначения, и здесь потребовался весь накопленный за десятилетия войны опыт пилотов и навигаторов.

Кайманов, занимавший соседнее с командиром кресло, недовольно поморщился. Ему приходилось прилагать непривычные усилия, чтобы получить толику необходимого объема информации. В отсутствии

привычного нейросенсорного контакта с кибернетическими системами, данные приходилось в буквальном смысле *вылавливать* зрительно, считывая их с десятков тесно расположенных экранов.

Как все медленно, неуклюже…

Одно успокаивало: информация от разведзондов. По данным ближнего и дальнего сканирования зона сближения с планетой была свободна. Павел даже представлять не хотел, что было бы окажись тут один-единственный истребитель гипотетического противника.

Больше пяти минут на переход из гиперсферы. *Да за это время нас бы уже разнесли в куски*.

Каждый из них все еще мыслил критериями войны, невольно сравнивал данность с сотнями прожитых ситуаций.

– Ну, как Паша?

– Прорвемся. – Кайманов усмехнулся. – В бою нам бы таких маневров не простили, верно, командир?

– Забудь. Система чистая. Похоже, война сюда не докатилась.

– И это радует.

Сухо щелкнул спрятанный в недрах приборных панелей динамик интеркома.

– Докладывает пост локационного контроля. Зона сближения проверена полностью. Зонты вышли в район низких орбит начинают вход в атмосферу. Старт спутника-ретранслятора через две минуты. Расчетная площадь рассеивания аппаратов разведки – тысяча пятьсот километров.

– Принято. В отсеках – готовность к началу ускорения. Начинаем маневр предварительного сближения с планетой.

На экранах оптикоэлектронных умножителей был отчетливо виден укутанный дымкой атмосферы голубовато-серый шар их новой родины.

Кайманов поймал себя на мысли, что второго шанса у них попросту нет. Для прыжка в соседнюю систему не хватит ни энергии в накопителях, ни планетарного топлива.

– Маловато зеленого… – вслух прокомментировал он свои мысли.

– Погоди, пока ретранслятор выйдет на орбиту. Там посмотрим. – Ответил ему Святогор, наблюдавший за кромкой атмосферы через аппаратуру спектрального анализатора. – Тридцать процентов кислорода из ниоткуда не возьмутся, на планете есть жизнь и основана она на биохимии "земного эталона". А цвет растительности может варьироваться.

– Да. Если поверхность не покрыта океаном. – Продолжал сомневаться Кайманов.

– Уймись, Паша.

– Все молчу.

В этот момент первый импульс ускорения маршевых двигателей вжал экипаж в кресла.

В отсеке рубки управления раздался явственно слышимый скрежет.

– Только не развались, милый… нам с тобой еще посадку осуществлять… – тихо, почти шепотом произнес полковник Шайгалов, обращаясь к древнему колониальному транспорту, как к живому, одухотворенному существу.

* * *

Основной модуль колониального транспорта не предназначался для размещения на его борту больших по численности групп людей. Дискообразный космический корабль диаметром в триста метров, на пятьдесят процентов состоял из двигательных секций гиперпривода и планетарной тяги, оставшийся объем отводился стыковочной, главной кибернетической и навигационной системам.

Тесные технические отсеки едва вмещали семьдесят два человека.

Никто не роптал, все понимали, что неудобства временные и вскоре на смену томительному ожиданию придут неотложные дела, как только модуль "Ширана" коснется поверхности незнакомого мира.

После бомбардировки базы и дикого боестолкновения с кочевниками было ясно, что только не освоенная, свободная от каких-либо поселений планета может стать реальным шансом на спасение для горстки уцелевших.

…

– Ретранслятор завершил тестирование. Есть первые данные от зондов разведки.

Взгляды семерых членов временного экипажа обратились к группе суммирующих экранов, куда поступали данные от аппаратов разведки.

– Негостеприимное местечко… – Произнес Ральф Риган, глядя на покрытое рябью помех видеоизображение голой вулканической равнины.

– Не торопись. – Одернул его Шайгалов. – Это только южный край зоны сканирования.

Действительно панорама на плотно состыкованных мониторах начала меняться, группы разведзондов выдавали информацию поочередно, учитывая небольшую пропускную способность выведенного на орбиту спутника. Группа извергающихся вулканов и тучи пепла не могли доминировать на планете, имеющей тридцать процентов кислорода в составе атмосферы.

Последующее изображение показало край истрепанных

порывистыми, ураганными ветрами джунглей.

– Остановите кадр. – Кайманов потянулся к приборной панели.

– Что там, Паша?

– Похоже на реку. – Ответил лейтенант, увеличивая изображение.

Действительно, растительность, изрядно потрепанная близким извержением группы вулканов, расступалась, демонстрируя почти пересохшее русло реки. Совсем недавно она была полноводной, но сейчас обмелела, из-за обилия выпавшего вулканического пепла, превратившего ее воды в грязевой поток,

– Действующих вулканов много. Планета молодая в геологическом смысле. – Произнес Святогор, указывая на отдельный монитор, где бортовая кибернетическая система моделировала карту термальной активности.

Действительно очаги аномального теплового излучения были ассиметрично разбросаны по всей площади сканирования.

– Но кислород в атмосфере…

– Мы уже видели растительность. К тому же жизнь на большинстве планет зарождается в океанах. Суша еще не показатель. Нужно выпустить вторую группу разведзондов. Первая, по-моему, зафиксировала лишь фрагменты береговой линии.

– Да, – кивнул Ральф.

– Нужно тщательно сканировать побережье. Сколько мы продержимся на орбите. Командир?

– Пока не могу сказать определенно. Несколько витков гарантирую, а дальше будет видно. Корпус в скверном состоянии. Думаю, нам придется садиться при помощи технических носителей. Ответил Шайгалов.

– Каким образом? – Высказал свое сомнение Кайманов. – Они израсходуют топливо на доставке грузовых контейнеров.

– Ничего перекачаем из бортовых запасов "Ширана". – Объяснил ему Хорватов.

– Дело. – Павел успокоился и вновь углубился в изучение поступающих на мониторы данных.

Пока шло краткое обсуждение перспектив посадки, на суммирующих экранах появился противоположный край зоны сканирования. Действительно на видеоизображении которое передавали снижавшиеся зонды, сквозь прорехи облаков была видна обширная водная поверхность и край береговой линии.

– Садиться в любом случае нужно на побережье. – Высказал по внутренней связи свое мнение Костромин, получавший данные через

бортовую сеть. – Желательно подобрать участок с дельтой реки. Тогда мы получим источник пресной воды, и пространство береговой линии, свободное от непроходимой растительности.

Шайгалов молча кивнул.

– Готовим вторую группу зондов. Навигационный отсек, мне нужны безопасные параметры орбиты. Ориентируете "Ширан" вдоль побережья, чтобы избежать дополнительного маневрирования перед посадкой.

– Командир, обрати внимание – Кайманов указал на третий вид информов, где отображалась карта геосканирования [10].

Среди пятен различного цвета и размера, отмечавших скопления различных групп полезных ископаемых, резко выделялось образование правильной геометрической формы, содержащее, по данным сканирования, большой процент металла, кроме того, на глубине двадцати метров под поверхностью фиксировались многочисленные полости, одну из которых система анализа обозначила предупредительным знаком повышенной фоновой радиоактивности.

– Что это, фрайг его раздери? Неужели искусственные сооружения? – Невольно вырвалось у Костромина.

– Похоже на то. – Мрачновато поддержал его кайманов

– Значит, и сюда добралась война? – В тихом голосе полковника Шайгалова вдруг прорвались незнакомые подчиненным нотки глухого отчаянья.

– Не факт командир. – Ответил Риган, внимательно наблюдая за аномалией. – Термального всплеска нет, если радиоактивный фон отмечает местоположение реактора, то он погашен.

– Мы не можем рисковать, Ральф. – Шайгалов все еще находился под впечатлением неожиданного открытия, которое перечеркивало все их надежды. – Ты не хуже меня знаешь, что при работе маскирующих полей сканеры зондов выдают неадекватную информацию.

– Да. Проверить необходимо. – Согласился Риган. – Но как?

На секунду в рубке воцарилась тишина.

– Не похоже чтобы там что-то функционировало. – Наконец нарушил молчание интерком, передав реплику Костромина. – Зонды вели энергосканирование [11]. Результат нулевой. Фоновое тепло, не больше. Никаких признаков сигнатур [12].

– Это предположения. Зонды примитивны, им по четыреста лет. Там может быть все что угодно! – Голос Шайгалова по-прежнему звучал неестественно-хрипло. – Вы что, все позабыли за год? Напомнить?

Маскирующие поля, фантом-генераторы, энергосберегающий режим кибермеханизмов.

– Что предлагаешь, командир? – Риган развел руками. – У нас нет современной аппаратуры.

– Есть. – Шайгалов уже принял решение и теперь смотрел на лейтенанта Кайманова. – Паша, у нас "Фантом" на захватах удержания. Снаружи. Нужно выйти в космос, и по обшивке перебраться на борт истребителя.

– Сделаю, командир. – Лейтенант встал, не скрывая своего облегчения. Рискованное задание как раз подходило под его опыт космодесантника. Сидеть же в рубке древнего транспорта и гадать, что там расположено внизу, было во сто крат хуже любого риска.

* * *

Облачившись в легкий скафандр, Павел вышел в космос через технический шлюз и теперь осторожно пробирался по обшивке древнего колониального транспорта, пользуясь специальным молекулярным составом, который был нанесен на ладони перчаток, наколенники и налокотники. Вещество, разработанное в лабораториях ВПК Альянса, обеспечивало идеальное сцепление с шероховатой поверхностью керамлитовых бронеплит.

Действовать приходилось крайне осторожно, но Кайманов не в первый раз совершал подобные вылазки – когда-то он командовал отделением космодесанта, и нередко его ДШМ совершал насильственную стыковку с более крупными кораблями противника.

Главное не оглядываться на пройденный путь и не смотреть в глаза расплескавшейся вокруг Бездне.

Колено, подошву или ладонь следовало прижимать к обшивке резким перпендикулярным поверхности движением. А вот освобождаться от точки опоры нужно ласково, мягко, тягучим скользящим движением. Так словно проводишь ладонью по щеке любимой.

Бывало и хуже.

Сейчас лейтенанту не мешала полная боевая экипировка, он передвигался в буквальном смысле "налегке" и это обстоятельство существенно упрощало задачу.

По ходу движения он заодно осматривал состояние бронеплит, передавая свои наблюдения через канал связи:

– Командир, "Ширан" действительно придется сажать при помощи технических носителей.

– Это мы решим. Не отвлекайся Паша. Сколько осталось?

– Метров двадцать. Бронеплиты потрескались. Трещины свежие. Структура на изломах зернистая. Обшивка не выдерживает вибраций. На собственных движках транспорту не сесть.

– Хорошо я понял тебя. Примем к сведению.

…Вот и "Фантом". Хорошо, что командир его не бросил, сумел аккуратно сблизиться с основным модулем "Ширана" и задействовать систему насильственной аварийной стыковки истребителя. Теперь он пригодиться в качестве единственного адекватного обстоятельствам средства атмосферной разведки.

– Все, я у люка. – Доложил Кайманов. – Открываю шлюзовую камеру.

– Удачи Паша. Старт по готовности. Постарайся отделиться с таким расчетом, чтобы мы проходили в зоне устойчивого приема, когда ты окажешься внизу.

– Сделаю. Не проблема. Пусть Костромин подготовит данные. Что с вооружением? – Уточнил лейтенант, закрыв за собой внешний люк и оказавшись в тесной шлюзовой камере "Фантома".

– Орудия и пусковые шахты заряжены. Я израсходовал только бомбовый боекомплект. – Ответил коммуникатор голосом Шайгалова.

– Фантом-генераторы?

– Все работает.

– Отлично. – Кайманов дождался, пока давление в шлюзе достигнет нужной отметки, и только тогда открыл внутренний люк, ведущий непосредственно в рубку истребителя.

– Я внутри. – Он, не теряя времени, прошел по узкому проходу мимо приборных панелей, тесно обступающих пилот-ложемент и сел в противоперегрузочное кресло. Дождавшись, пока сработает автоматика, он быстрыми, заученными движениями пробежал пальцами по сенсорам первичной активации систем. – Начинаю работать.

– Удачи.

* * *

Войдя в атмосферу планеты, Павел переключил все системы истребителя в режим атмосферного полета.

Продолжая двигаться на сверхзвуке, "Фантом" пересек линию терминатора, и только оказавшись в непосредственной близости от аномального участка, по предварительным данным похожем на бункерную зону, начал гасить скорость перейдя с маршевой тяги на турбореактивные двигатели.

– "Ширан". Как меня слышите?

– Слышим тебя. Канал телеметрии данных устойчивый. Мы будем находиться в зоне приема еще семь минут. Скорость минимально допустимая.

– Понял. Начинаю заход на цель в режиме штурмовки.

– Не рискуй Просто осмотрись. Сканеры "Фантома" возьмут любое маскирующее поле.

…

Разница между бортовой аппаратурой истребителя и оборудованием колониального транспорта была столь велика, что Павел ощущал лишь спокойную уверенность в своих силах.

Что бы не обнаружили сканеры, он справиться. Но командир прав: лезть на рожон без лишней необходимости глупо.

Война изменила многое. Она сжигала души, судьбы, жизни, невероятная гонка вооружений порождала такие виды боевой техники, которые при иных обстоятельствах не появились бы вообще.

В последние десятилетие, когда Колонии окрепли, а Альянс уже начал агонизировать, командование, фактически исчерпав человеческий ресурс, сделало ставку на роботизированные комплексы, снабженные модулями искусственного интеллекта. На полях сражений воцарились машины, вселенский пожар разгорелся с новой силой, и уже никто не мог предсказать, какие глобальные последствия будет иметь роковой шаг, выживут ли люди как вид, ибо боевые кибернетические системы придали противостоянию не только новый импульс, – они фактически перехватили инициативу у своих создателей, наделивших их чрезмерно высокой степенью автономии.

Именно столкновения с подобной самоорганизованной группой машин опасался Шайгалов.

Павел вел "Фантом" в километре над поверхностью планеты.

Нижние экраны показывали бескрайнюю водную поверхность, впереди тонкой плоской приближался берег, в прицеле сканирующих и боевых систем разрасталось аномальное пятно, на фоне которого постепенно начали прорисовываться отдельные детали заглубленных в землю, либо выстроенных на поверхности сооружений.

У Кайманова уже не оставалось никаких сомнений, что он наблюдает именно постройки, опытный взгляд лейтенанта выделил элементы защитного периметра, мысленно разграничив бункерную и наземную инфраструктуры.

Никакого движения.

Датчики энергосканирования молчат.

Он снизил скорость, заглушки ракетных шахт автоматически открылись, обнажая жерла пусковых установок.

С ноющим визгом сервоприводов выдвинулись спрятанные в обтекаемой броне стволы электромагнитных орудий, коротко отработали боевые эскалаторы, подавая боекомплект, "Фантом", преобразился за доли секунд, теперь он уже не напоминал мутный росчерк на фоне серых небес, материализовавшись в грозную готовую к бою машину.

– Командир, выхожу на цель. Датчики по нулям. Ни одной сигнатуры. Конфигурация построек не характерна для автоматизированной планетарной базы.

– Вижу. – Скупо отозвался коммуникатор. – Прижмись к земле, насколько сможешь. Мы должны быть уверены, что это не иллюзия.

– Я ниже уровня стандартной вуали. На сканерах нет сигналов энергетической активности.

"Фантом" пронесся над серыми унылыми, как видно – давно заброшенными постройками. Кайманов машинально отметил, что вместо привычного металлопластика конструкции защитного периметра выполнены из чистого металла, с применением керамлитового бронирования.

Чуть дальше, в конце многокилометровой, свободной от растительности проплешины, вытянувшейся от побережья вглубь материка, сканирующие системы обнаружили каркас наполовину разобранной конструкции.

– Я обнаружил сферу колониального транспорта. Она разобрана.

– Мы принимаем данные. – Опять скупо ответил полковник. – Паша, сделай еще один заход с глубинным сканированием бункерной зоны.

– Это колониальный транспорт командир. Никаких сомнений.

Исполняя приказ Кайманов, развернул истребитель, двигаясь на предельной малой высоте и скорости.

Сканирующие комплексы "Фантома" теперь были нацелены вглубь бункерной зоны.

Лейтенант посмотрел на показания датчиков. Незнакомая конфигурация подземных уровней только усилила его уверенность: здесь совершил посадку один из колониальных транспортов эпохи Велико Исхода.

Оставалось понять: куда подевались люди.

* * *

Повторный заход не дал никаких дополнительных результатов.

– "Ширан", зона посадки исследована. Противник не обнаружен. Здесь вообще нет признаков современной деятельности людей или машин.

– Хорошо, Паша, мы обрабатываем полученные данные. На следующем витке начинаем процедуру расстыковки. Расчисть площадку для приема технических носителей. Сам держись в стороне.

– Понял.

Кайманов вновь развернул истребитель.

Результаты анализа атмосферы, произведенного забортными датчиками, уже переданы на борт "Ширана", однако лейтенанту не требовалось компетентное мнение Святогора, на войне невольно становишься специалистом широко профиля, благо уровень технического оснащения "Фантома" позволял производить сложные процедуры анализа окружающей среды.

В атмосфере присутствовали не только химические элементы, но и споры микрожизни. Органика чуждой планеты по определению смертельно опасна для людей. Требовались серьезные исследования, чтобы в лабораторных условиях получить нужные препараты, которые дадут иммунитет против местных микроорганизмов, а пока действовать придется по стандартной процедуре: полная изоляция первичного поселения от окружающей среды.

Размышляя, Кайманов не прекращал действовать.

Десятикилометровая пустошь, выжженная планетарными двигателями неопознанного пока колониального транспорта, не годилась для посадки технических носителей. Они зайдут в атмосферу с другим вектором, поэтому Павел убрал вакуумные орудия, выдвинув на оружейные пилоны четыре лазерных установки. Данные, преданные с борта "Ширана" по каналу телеметрии, уже прошли обработку, и автоматика включилась в процедуру подготовки посадочной площадки для приема грузов.

Короткие росчерки когерентного излучения хлестнули вдоль поверхности, срубая растительность, мгновенно раскаляя попадавшиеся на пути каменные глыбы, и те взрывались от внезапного перегрева, рассыпаясь шрапнельными выбросами дымящегося щебня.

Он совершил три захода, расчистив площадь в девять квадратных километров.

Отсканировав получившуюся площадку, Кайманов отстрелил капсулы с автоматикой посадочных маяков, и занялся подготовкой второй площадки, предназначенной для будущего поселения. Он действовал, учитывая направление снижения технических носителей, которые сначала

доставят на поверхность грузовые контейнеры, а затем, состыковавшись с основным модулем "Ширана", обеспечат безопасную проводку ветхого космического корабля через плотные слои атмосферы и бережно посадят его в заранее рассчитанной точке, неподалеку от обнаруженных древних построек.

Когда вторая площадка была расчищена от растительности, а ее рельеф сглажен, тонко взвизгнул предупреждающий сигнал аларм-процессора.

Взглянув на тактический монитор, Павел увидел четыре активных маркера движущихся "лесенкой".

– "Ширан", на связи "Фантом". Площадки приема груза и зона высадки прошли первичную подготовку. Наблюдаю вход в атмосферу технических носителей. Автоматика посадочных маяков работает исправно.

– Сколько у тебя осталось планетарного топлива?

– На два часа.

– Соблюдай дистанцию. Чтобы не случилось при посадке – помни о мерах безопасности. Не приближайся к "Ширану".

– Вас понял. Продолжаю барражирование. Веду сбор данных.

* * *

Технические носители успешно освободились от груза и вновь поднялись в зону низких орбит.

Теперь на востоке во второй раз разгоралось зарево от работы их планетарных двигателей.

Основной модуль "Ширана" шел на посадку. Четыре корабля поддержки, состыковавшись с корпусом древнего корабля, вели его через плотные слои атмосферы, черпая планетарное топливо с борта буксируемого транспорта.

Кайманов, как было приказано, держался в стороне, понимая, что мощные воздушные потоки, порожденные работой планетарных двигателей опасны для истребителя.

Порывистый ураганный ветер трепал кроны деревьев, поднимал облака пепла на обработанных лазерами площадках, которые с высоты выглядели двумя темными пятнами, которые соединяла широкая полоса, выжженная при первом снижении технических носителей.

Основной модуль "Ширана" медленно приближался к месту своей последней стоянки. Больше этому кораблю, верно отслужившему двум разным поколениям людей, не суждено подняться в космос. Он отработал

свое, и теперь элементы его обшивки будут использованы в качестве конструктивного материала при строительстве герметичного убежища для горстки поселенцев.

…

Завершающий этап посадки походил на катастрофический катаклизм.

Планетарные двигатели боевых кораблей (технические носители относились к штатным единицам флота) беспощадны к окружающей среде. Боевая техника проектировалась исходя из конкретных задач, признавая лишь критерии функциональности.

Откровенно говоря, Кайманов не видел в посадке ничего ужасающего. Тонны сгорающей почвы, обнажившийся базальт коренных материковых пород, лужицы расплавленного стекла, в который превратился песок, – все это было привычно и естественно для взгляда лейтенанта. Родившийся в условиях войны, он просто не знал, что такое гражданская техника, его рассудок не располагал опытом *бережных* посадок на альтернативных установках планетарной тяги.

Напротив, пламя плазменных двигателей выглядело для него как очищающий огонь, оставляющий лишь прах от чуждой и опасной растительности, которую все равно пришлось бы уничтожать при помощи химических средств защиты зоны посадки.

Теперь задача значительно упрощалась. Электромагнитное статис-поле и установки климат-контроля, которые создадут постоянное избыточное давление под куполом маскирующей энергетической защиты, не дадут спорам исконной жизни планеты вновь инфицировать зону посадки, а специальные культуры бактерий, распыленные по прилегающим площадям, примутся за неприметную работу по преобразованию участка поверхности. Микроорганизмы, штаммы которых были созданы в лабораториях Земного Альянса, в течение года полностью изменят экологический баланс на прилегающих к зоне посадки территориях, подготовив почву для генетически модифицированных растений.

Джунгли будут отброшены, на очищенных площадях появиться привычная глазу зелень неприхотливых представителей древней флоры Земли, и, спустя несколько лет, люди, получив необходимые иммунные прививки, смогут организовывать первые поселения под открытым небом, не опасаясь эпидемий, спровоцированных экзобиологическими вирусами.

…"Ширан" медленно продолжал снижение.

Объятые пламенем планетарных двигателей технические носители удерживали корабль в нескольких метрах над землей.

Наконец неистовый огонь начал иссякать, и глухой удар возвестил о

касании.

Мгновенное сканирование показало, что обшивка Ширана все же не выдержала, часть бронеплит разошлась по швам, но Кайманов не успел сообщить об этом по связи, его опередил успокаивающий голос Шайгалова, раздавшийся на общей частоте:

– Внимание осмотреться в отсеках. Датчики показывают рост температуры и частичную разгерметизацию в районе модулей гипердрайва. Очевидно, не выдержала обшивка. Риган, отключай двигатели технических носителей.

– "Ширан", на связи "Фантом". Визуально вы сели. Приборы показывают допустимый крен. Можно выпускать дополнительные опоры.

– Поняли тебя. У нас все в порядке. Разгерметизации отсеков экипажа нет. Сажай истребитель, Паша. У нас сегодня еще уйма дел.

* * *

Зона посадки колониального транспорта «Ширан». Час спустя…

Цепочка фигур в тяжелых бронескафандрах медленно продвигалась от места посадки к периметру древних построек.

Не смотря на изматывающие события последних суток, полковник Шайгалов не дал времени на отдых.

Техническое состояние колониального транспорта не внушало оптимизма, нарушенная во многих местах герметичность корпуса в любой момент могла обернуться тяжелыми последствиями для здоровья людей, а на возведение первичного убежища требовалось как минимум две недели, учитывая ограниченный парк вспомогательных механизмов, которые удалось вывезти с базы планеты Ширан.

– Времени на отдых у нас, к сожалению нет. – Так сказал Иван Дмитриевич, собрав личный состав поредевшего подразделения в тесном зале совещаний древнего космического корабля. – Думаю, мне не нужно объяснять от чего сейчас зависят наши жизни. Поэтому – он обвел взглядом собравшихся, – я временно сохраняю за собой право командовать вами. Надеюсь, вскоре мы сможем отказаться от иерархии боевых подразделений, ну а пока я считаю целесообразным сохранить структуру подразделений и правило беспрекословного подчинения приказам старших офицеров. Есть возражения?

– О чем речь командир? Не маленькие, понимаем.

Каждый из присутствующих прошел через ад многих столкновений, не раз рисковал жизнью, но раньше они делали это в силу обстоятельств, сложившихся задолго до их рождения, в угоду абстрактным целям

затянувшегося на три десятилетия противостояния, теперь же речь шла совсем о другом, – вырвавшись с Ширана каждый, вольно или невольно, почувствовал облегчение, они *выжили*, но не затем, чтобы продолжать бессмысленную войну.

Мысли о внезапно полученной свободе, которой никто из них не знал с самого детства, пьянили, придавали сил, в корне меняли окраску событий.

…Облачка праха от сожженной дотла почвы сопровождали каждый шаг, пепел еще витал в воздухе, но настроение у людей никак не соответствовало мрачноватой картине окружающего: в их настороженности угадывалась не смертельная усталость, накапливавшаяся в период боев, блеск глаз выдавал волнение, не имеющие ничего общего с медленно подкрадывающимся безумием.

Война. Это слово постепенно исчезнет из их лексикона.

Новые чувства захлестывали разум, придавали сил, и воображение, так долго прозябавшее на ниве ночных кошмаров, постепенно начинало работать в ином направлении.

Первая пара – Кайманов и Дуглас – остановилась в полусотне метров от древнего периметра.

Несколько секунд лейтенанты исследовали постройку посредством сканирующих комплексов тяжелых боевых скафандров.

– Чисто. – Произнес Генрих.

– Подтверждаю. – Павел сам вызвался возглавить разведгруппу, и сейчас нисколько не жалел об этом. Перед ним возвышался изрядно потрепанный периметр, древность которого не вызывала никаких сомнений. Система распознавания целей, оказывается, хранила в стандартных базах данных конфигурацию подобного сооружения, обычно возводимого механизмами неподалеку от места посадки колониального транспорта.

Новые чувства врывались в рассудок, от них по спине пробегал холодок, но он был приятен, нов в оттенках возникающих ощущений. Кайманов поймал себя на мысли, что впервые предвкушает не скорую смертельную схватку, а соприкосновение с некоей тайной, загадкой, которую им придется решать, распутывая клубок немых свидетельств былого.

– Двигаемся к бреши в периметре. Всем – повышенное внимание. При появлении энергоактивности докладывать немедленно.

– Что думаешь Паша? Почему периметр частично разрушен?

– Ничего не думаю, Генрих. – Откровенно признал Кайманов. – Не

похоже на следы боестолкновения. Посмотри, несущие конструкции вдавлены внутрь, арматура как будто порвана… – Они к этому моменту уже входили в пролом, и лейтенант красноречиво указал на источившиеся, растянувшиеся и затем лопнувшие фрагменты металлоконструкций.

– Да, действительно… – Согласился с ним Дуглас, обратив внимание на покосившуюся вышку, на верхней площадке которой, следуя логике стандартной конфигурации периметра, устанавливалось автоматическое орудие. – А бой тут все же был, – он наклонился, смахнул рукой, затянутой в прочный бронепластик перчатки, слой свежего праха, и в лучах клонившейся к закату звезды внезапно сверкнули тускло-желтые глянцевитые гильзы от крупнокалиберных боеприпасов.

– Смотри, тут их целая гора. Орудие работало, пока не закончился боезапас.

– Знать бы по кому вели огонь защитные системы периметра… – Кайманов прошел дальше, уверенно ступив на вымощенную железобетонными плитами площадь.

– Первичные производства, необходимые для строительства, они запустили, а построек не видно… – Он медленно повел взглядом, сканируя обширный внутренний двор. – Так. Я что-то вижу. Десять метров, азимут тринадцать.

– Подтверждаю. – Дуглас остановился, машинально активировав плечевое орудие. – Зотов, проверь. Сканеры показывают скопление металлопластика.

Фигура в бронескафандре выдвинулась вперед. Сержант двигался к указанной цели под прикрытием рассредоточившихся, готовых к любым неожиданностям разведчиков.

– Это андроид. – Некоторое время спустя, пришел доклад. – Вернее это *был андроид*. – Уточняющее замечание сопровождалось недвусмысленной картинкой, снятой видеокамерами, закрепленными на гермошлеме: видеоизображение показывало раздавленный корпус человекоподобного механизма, опознать который удалось лишь по отдельным фрагментам чудом сохранившихся сервоприводов.

– У меня ощущение, что на дройда кто-то *наступил*. – Произнес Зотов. – Он просто раздавлен в лепешку. Характерных повреждений от попаданий из стрелкового оружия нет.

– Местная жизнь? Как думаешь лейтенант?

– Вероятно. – Ответил Кайманов. – По характеру повреждений совпадает с проломом в периметре. Только не могу понять, если орудие отстреляло весь боекомплект, почему мы не обнаружили останков тех

существ, что атаковали периметр?

– Вариантов два: либо у них природная броня, к примеру, костная, которую не берет тридцатый калибр, либо мы сожгли некоторые свидетельства плазмой при посадке. Обрати внимание: если периметр атаковали со стороны бреши, то нападавшие выдвигались от джунглей, как раз по вектору снижения технических носителей.

– Да. Логично. Сейчас свяжусь с полковником, узнаю как дела у второй группы. Дуглас. Распредели людей. Ищем вход в бункерную зону.

* * *

Шайгалов наблюдал за происходящим из рубки управления основного модуля "Ширана", автоматически преобразованной в командно-координационный центр.

Выслушав доклад Кайманова, он посмотрел на датчики отмечающие продвижение второй группы, которая исследовала сферу колониального транспорта, и ответил:

– Похоже, здесь произошла неудачная посадка, обернувшаяся катастрофой. Лайм докладывает, что криогенный модуль разбит, сфера фактически раскололась на несколько частей при ударе о поверхность планеты.

– Останки людей?

– Да, есть. – Подтвердил Шайгалов. – Там внутри все перемешано после удара. Основной модуль вообще оторвало от сферы и разбило о скалу. Короче, зрелище удручающее. Часть криогенных камер видимо продолжала работать в аварийном режиме, но на обломках видны вмятины и глубокие царапины. Могу предположить, что местные формы жизни обладают поистине исполинскими размерами. Они пытались поживиться на месте крушения. Группа капитана Лайма обнаружила следы интенсивного боя между кибернетическими механизмами и ксеноморфами.

– Они нашли останки животных?

– Да. Фрагменты костей. Размеры впечатляют. Похоже на звероящеров, что не противоречит общим тенденциям эволюции "кислородных миров" и геологическому возрасту планеты. Вы отыскали вход в бункерную зону?

– Ищем. Здесь все покрыто слоем песка, в котором захоронены останки кибермеханизмов. Периметр проломлен, орудия, похоже, работали до последнего. Мне непонятно командир, если колонисты погибли при крушении, к чему машины начали возводить защитные сооружения и бункерную зону?

– Не знаю. Могу только предположить, что при катастрофе часть криогенных модулей сохранило функциональность.

– Ясно. Надо думать, как нам избежать повышенного внимания со стороны этих зверушек.

– Над этим уже работает Риган. Сочетание минных полей с маскирующими комплексами даст нам время на более основательные исследования. В любом случае бункерная зона для нас – подарок судьбы. Вскройте проходы и исследуйте все уровни. Меня интересует тип и состояние реактора.

– Понял. Доложу, когда появится результат.

Кайманов отключился, а Шайгалов продолжал смотреть на секции обзорных экранов, которые автоматика поделила на сектора, сориентировавшись по сторонам света.

Им повезло. Данный мир имел массу положительных характеристик, существенно облегчающих процесс колонизации. Наличие геомагнитного поля, кислородосодержащая атмосфера, наклон оси вращения, гарантирующий смену времен года, приемлемая температура, все это позволяло надеяться на успешное освоение территорий.

Шайгалову вдруг стало грустно.

Нас слишком мало, для организации полноценной колонии, – подумал он.

Действительно, семьдесят два человека не могли стать основой для развития полноценного планетарного поселения. Их дети будут вынуждены искать выход, чтобы избежать скорого вырождения.

Дети… – От промелькнувшего в мыслях образа на душе полковника стало тепло, что-то сладко защемило в груди.

Думал ли он, что судьба даст ему шанс иметь детей?

Нет. Война скорее предполагала обратное, да и не было ни у кого из них ни времени, ни шансов на создание семьи, само понятие мирной жизни было исключено из повседневных мыслей силой жестоких обстоятельств.

Тот факт, что они сумели пережить *войну*, в которой едва не сгорела вся человеческая цивилизация, граничил с чудом.

После многих лет непрекращающегося противостояния, вселенского безумия, ада техногенных схваток, картины древней трагедии, открывшиеся взгляду, воспринимались не так остро, а грозящие опасности не вызывали серьезного беспокойства. Они все еще жили, мыслили критериями отгремевшей войны, их психика была готова принять, осмыслить и найти способ устранения любой опасности, среди людей, вырвавшихся с Ширана, каждый был личностью, прошедшей через

немыслимые испытания. Их боевой опыт в сочетании с современными знаниями, фактически гарантировал, что колония будет успешно развиваться, не взирая на некоторые неблагоприятные нюансы местной биосферы.

– Это Кайманов. Мы нашли вход в бункерную зону. Приступаем к разведке подземных уровней.

– Отлично. – Шайгалов отвлекся от нахлынувших вдруг мыслей. – Я послал людей на разгрузку транспортных контейнеров. Наверху будут производиться работы по восстановлению периметра. Оставь пару человек, чтобы они контролировали перемещение планетарной техники.

Переговорив с Каймановым, полковник вновь взглянул на экраны.

Все происходящее было так разительно не похоже на многочисленные боевые высадки.

Это вселяло надежду. Надежду на то, что они смогут, наконец, вздохнуть спокойно, и слово *война*, постепенно потускнеет в памяти.

Как это странно, – в сорок с лишним лет вдруг почувствовать, что только начинаешь жить…

Глава 3. Укрощение демонов.

Скопление Ширана. Планета Сауд. Бывшая резервная база ВКС Альянса.

Март 2638 года.

Мерная поступь серв-соединения сотрясала землю.

Звено легких "Хоплитов" двигалось впереди: рассредоточившись, пять сервомеханизмов вели активную разведку местности, вслед им степенно, тяжело и уверенно двигались три шестидесятитонных "Фалангера"; вот один из них чуть сбавил ход, массивная, приплюснутая рубка серв-машины повернулась, и с правого оружейного пилона оглушительно ударило подвесное орудие, превратив пятитактовой очередью макет тяжелой БПМ в груду дымящихся обломков.

В знойных небесах Сауда прокатился вой – эскадрилья "Фантомов" пронеслась над самой землей, поднимая тучи песка и пыли; в клубах мутной взвеси сверкнули яростные сполохи ракетных запусков и в полукилометре от "Хоплитов" земля вдруг вздрогнула, выбрасывая в оранжево-черных султанах разрывов тонны перемешанных с песком бетонных обломков. Ракеты точно накрыли бункер "разведанный" сенсорными системами "Хоплитов".

Знойный полдень плавился маревом миражей.

Дым и пыль еще не успели рассеяться, когда ведущий "Фалангер" остановился на краю специально оборудованной площадки полигона.

В днище серв-машины открылся люк, оттуда выдвинулся вертикальный трап и по нему спустился сухопарый воин, облаченный мимикрирующую полевую форму, с короткоствольным импульсным автоматом, который был закреплен на специальном ремне, так, чтобы не стеснять движений пилота, и в то же время, при необходимости, моментально оказаться в руках смуглолицего воина.

В его походке, движениях, манере держать себя, взгляде, буквально во всем читалась абсолютная уверенность.

Рашид Аль Кемран твердо знал, что и зачем делает.

По крайней мере, ему так казалось: укрощенные механические демоны, подчинившиеся воле избранных воинов, находились в полной власти молодого эмира.

Если бы покойный адмирал Ахманов увидел бы сейчас дело рук

своих, он, наверное, пожалел бы о содеянном. В колючем, проницательном взгляде Аль Кемрана таилась не поддающая точному описанию, опасная, зловещая смесь самоуверенности, властности, и далеко не добрых намерений. Во взгляде Рашида не чувствовалось *просвещенности*, на которую рассчитывал адмирал Ахманов, принимая решение об имплантации кибернетических модулей и закачке определенного объема современных знаний в рассудок свирепых, диких воинов кочевых племен планеты Сауд.

Такое насильственное, противоестественное "просвещение" по замыслу бывшего адмирала Земного Альянса должно было сформировать когорту преданных ему офицеров из числа местных жителей, но он явно недооценил особенности психологии таких людей, как Рашид.

Аль Кемран получил знания, но его рассудок отверг все моральные ценности, – имплантации новой личности не состоялось. Он по-прежнему оставался диким, яростным, необузданным воином, чья психология отражает смесь религиозных верований и опыт труднейшей, жесточайшей борьбы за выживание в условиях жаркого сухого климата, скудной растительности, постоянного голода и непримиримой вражды между племенами кочевников.

Условия, сформировавшие личность Рашида, можно охарактеризовать несколькими словами. Он являлся воином пустыни, реальность жаркого Сауда не предполагала в характере мужчины слабостей, иначе он быстро становился добычей стервятников, а его место в иерархии рода занимал более сильный воин.

Род Кемрана, благодаря своей свирепости и воинственности сумел подчинить окрестные племена, и Рашид был избавлен от необходимости заниматься охотой или скотоводством. Он рос и воспитывался как воин.

Пришлый эмир, спустившийся с неба на металлической птице, хотел утвердить власть механических демонов, у которых не было души. Он просчитался. Теперь его труп давно обглодали стервятники, а Рашид сам управляет механическими исчадиями шайтана.

Хорошо ли это?

Аль Кемран взглянул на знойные небеса.

Да. Сила воина скрыта не только в его твердой руке. Душа, не знающая страха, – дар свыше. Судьбе было угодно, чтобы он познал многое, обрел власть над демонами, вторгшимися в его мир, но, если говорить образно: мысленный взор Рашида оставался затуманен массой ложных понятий и предрассудков. Он по-своему истолковывал события. По понятиям Аль Кемрана, рука Всевышнего привела сюда престарелого

адмирала, с одной лишь целью – провести Рашида через суровое испытание и, если он его выдержит, открыть воину сокровенные знания, дать власть и силу, чтобы он мог покинуть жаркий Сауд, воплощая мечту своих предков о великом завоевании, создании нового государства, не имеющего обозримых границ.

Имя ему – Халифат.

Все неверные, отправившие его предков в изгнание, теперь понесут суровую кару.

Аль Кемрану было достаточно простых мыслей и мотивов, он уже твердо уверовал в свое великое предназначение. Рашида не смущала необходимость убивать, его не тревожила бездна пространства, разделяющая звездные системы, не волновал чудовищный опыт новейшей истории, – все это казалось незначительным по сравнению с конкретной целью, понятной, близкой для истинного воина: возвысить свой род, совершить великое завоевание, оставить после себя не только достойных сыновей, но и ореол славной памяти.

Когда Рашид думал об этом его мышцы начинали непроизвольно дрожать от напряжения, а разум застилала вязкая пелена ненависти. Он четко понял, что реальность Сауда предельно жестока. Его род был вынужден скитаться в пустыне, довольствуясь крохами, в то время как другие народы заселили райские миры, о которых говорится в преданиях. Теперь он сможет восстановить попранную справедливость. Лишенные души кибернетические демоны проведут избранных воинов через пустоту, чтобы обрушить праведный гнев на головы неверных.

Он хорошо запомнил свой ужас, перед чудовищами, изрыгающими яростное пламя. Они спустились с небес и лживый эмир, назвавшийся другом его народа, подверг бесстрашных воинов унижению, поселив страх в их душах, он оскорбил честь поверивших ему мужчин, пленив беззащитных детей, едва не оборвав своими действиями род Рашида.

Теперь настала пора справедливого возмездия. Райские планеты будут принадлежать его наследникам, род Кемрана возвыситься, управляя новой империей, а неверные будут дрожать от одного упоминания имени Рашида Аль Кемрана.

Такие мысли роились в голове смуглолицего воина, пока он уверенным шагом преодолевал короткий путь от трапа серв-машины к развернутому на краю полигона военному лагерю.

Среди сборных типовых бараков кипела жизнь. Женщины и дети сновали по прямым, выстроенным кибернетическими механизмами улицам, на плацах, предназначенных для построений, сейчас раскинулись

стихийно возникшие рынки, где торговали снедью и оружием.

Рашид прошел мимо, не обращая внимания на повседневную суету, он чувствовал, как впереди него скользит ужас, заставляющий толпу цепенеть, расступаться перед великим эмиром и его избранными воинами.

Ступив в прохладу кондиционированного помещения командного пункта, Рашид привычно проследовал к удобному креслу.

Сопровождавшие его воины почтительно остановились, к Рашиду посмели приблизиться только избранные командиры.

Среди них выделялся молодой воин со свежим шрамом, изуродовавшим его лицо.

Это был Юсуф Джалгет, тот самый Джалгет, что по приказу адмирала Ахманова возглавил атаку на третью резервную базу ВКС Альянса, расположенную в системе Ширана.

– Говори. – Коротко приказал Рашид, бегло просматривая данные на тактическом мониторе, где равнодушно-услужливая кибернетическая система полигона развернула для него анализ данных касающихся проведенных учений.

Пилоты серв-машин действовали хорошо, но им не хватало сдержанности.

Ярость в бою хорошее качество, однако, она не должна застилать взор, затуманивать разум.

Джалгет, не принимавший участия в учениях, только что вернулся из разведывательного рейда.

Аль Кемран особо доверял ему. После бойни на Ширане демоны-врачеватели долго лечили ранения Юсуфа, но когда он вернулся из полевого госпиталя, развернутого здесь же на территории полигона, то не побоялся явиться к Рашиду, власть которого на Сауде не смел оспаривать никто, и заявил, как принято между воинами:

– Мой род такой же древний, славный и сильный, как и твой, Кемран.

Рашид, мучительно переживавший в ту пору ломку сознания, связанную с имплантацией, ответил, поморщившись от очередного приступа непрекращающейся головной боли:

– Ты еще слишком молод, чтобы соперничать со мной.

– Я сражался с демонами на Ширане, когда ты присвоил власть над Саудом.

– Моя власть дана волей Всевышнего. – Сдержав порыв ярости, ответил Рашид. – Ты лишь сражался с демонами, а я укротил их. Сейчас моего слова достаточно, чтобы твой род был прерван. Навсегда.

Лицо Джалгета стало коричневато-серым от ярости, но… он тоже

сумел обуздать свои чувства и произнес, хрипло, с прежним вызовом в голосе:

– Я пришел не для того, чтобы убить тебя.

– Тогда зачем ты явился?

– Дать совет. Или ты теперь не принимаешь советы от воинов?

– Говори. Пусть твои слова будут мудрыми, иначе я пожалею о потраченном времени.

– Твоя власть на Сауде велика, не спорю. Ты можешь причинить много неприятностей своим врагам, но эмир Зураб Аль Рахман, да сожрет его душу повелитель пустыни, был хитер. Он понимал, что Сауд только малая часть большого владения. На других мирах то же есть демоны, оставшиеся теперь без хозяев. Ты сможешь укротить и их, или они однажды явятся, чтобы уничтожить воинов Сауда?

Рашид нахмурился.

Он знал о существовании близко расположенных звездных систем, которые пытался объединить под своей властью адмирал Рахманов. Однако прозвучавший в словах Джалгета вызов следовало принять, либо придется расписаться в собственном бессилии, выказав недопустимую слабость.

– Ты подчинишься мне, если демоны других миров станут служить роду Кемран?

– Да. – Не колеблясь, ответил Юсуф.

– Приходи завтра. Ты увидишь, что власть над миром дана мне по праву.

…

Всю ночь Аль Кемран провел без сна в методичных поисках.

Джалгет оказал ему неоценимую услугу брошенным вызовом. Он заставил Рашида задуматься, применить насильственно имплантированные ему знания, заставить себя сесть за терминал компьютера и позволить потусторонним голосам войти в разум…

Утром он знал, что и как следует делать.

Глобальная сеть, соединявшая кибернетические центры созданных Ахмановым резервных планетарных баз, отдала свой секрет, передав в рассудок Аль Кемрана коды управления, после введения которых все кибернетические механизмы будут подчиняться его воле.

Демонстрация собственного могущества оказалась столь успешна и наглядна, что власть Рашида в течение последующего месяца распространилась еще на пять обитаемых миров скопления Ширана, а постоянные мнемонические усилия примирили рассудок воина с имплантированными ему знаниями, показав насколько те важны и полезны.

Джалгет сдержал данное слово. Он привел воинов своего рода и публично признал верховную власть Рашида Аль Кемрана. По своей значимости это событие стало не менее важным, чем "укрощение" оставшихся без надлежащего надзора парков боевой планетарной техники. Благодаря предприимчивости адмирала Рахманова род Джалгета, под властью которого первоначально объединялись все племена пяти планет скопления, пользовался заслуженным уважением, и покорность Юсуфа автоматически передалась другим.

Рашид обрел иную власть. Благодаря принятому вызову, он смог навести порядок в собственном рассудке, потерял остатки суеверного страха перед машинами, совершил десятки межзвездных перелетов, появляясь на разных планетах скопления, и что немаловажно – существенно пополнил свой арсенал разнообразных кибернетических механизмов, одновременно осознав, что власть над *группой миров* требует от него не определенных качеств и навыков. Мало быть полководцем, он впервые понял суть термина «администратор». Многочисленные племена нужно было организовывать, обучать воинов, решать споры, *утверждать* свою верховную власть.

Неожиданно Джалгет оказался тем человеком, кто встал рядом, давая советы, усиливая авторитет Рашида, а порой и выполняя часть необходимой организаторской работы.

Два воина постепенно начали доверять друг другу, и пол года спустя Аль Кемран объявил, что отныне Джалгет может говорить и действовать от его имени, так если бы говорил и действовал сам Рашид.

Он понял, что талант полководца ничего не значит без организаторских способностей.

Настоящий лидер не только руководит своей армией в бою, он решает множество иных проблем, лишь косвенно связанных с предполагаемыми боевыми действиями.

Теперь получив новый опыт, Рашид постоянно укреплял свою власть, подбирал себе верных и способных людей из числа которых формировал два вида элиты – административную и боевую.

…

– Говори, Юсуф.

Джалгет сделал шаг вперед, склонил голову в почтительном приветствии и с достоинством произнес:

– Я выполнил задание. Воины моего рода проникли на другие планеты. Некоторые из разведчиков погибли, не сумев справиться, но большинство вернулось с честью. Все, о чем поведали говорящие демоны –

правда. За Великой Пустотой лежат прекрасные миры. Некоторые из них разрушены войной, но большинство процветает. Там другой климат, нет пустынь, много пресной воды и невиданная природа.

– Их охраняют?

– Да. Мои люди видели огромные корабли, способные за короткий срок перемещаться между разными звездами. У нас нет таких. Они превосходят по своим размерам самые большие оазисы, а внутри таких кораблей ждут своего часа множество демонов, похожих на тех, что укрощены тобой, великий Рашид аль Кемран.

– Они знают о нас?

– Нет. Неверные озабочены своими делами. Они оставили демонов сторожить границы звездных систем, а сами наслаждаются жизнью. Они не ждут удара, но чтобы нанести его нам потребуются большие корабли. Я выяснил, где мы можем их захватить. Есть еще один мир, похожий на Сауд или Ширан. Его называют Ганио.

– Там живут неверные?

– Нет. Кланы Ганио похожи на наши племена, но они долго воевали в рядах неверных, и даже позабыли имя всевышнего, произнося его совершенно иначе, чем велят священные книги.

– Расскажи подробнее, Юсуф.

…

Выслушав Джалгета, Рашид задумался.

Похоже, время подготовки закончилось, настала пора нанести первый удар.

– Ты принес хорошие вести, Юсуф. Мы поступим как истинные воины, – ударим внезапно, как делали это наши предки, воюя между собой. Только вместо стремительных земуров, пищи и женщин мы захватим большие корабли, и рабов. Те, кто забыл истинную веру вернуться на истинный путь.

– Наш удар может послужить предупреждением. Там, за Великой Пустотой, существует союз планет, победивших в долгой войне. У них много воинов и армады кораблей.

– Ты беспокоишься о мирах скопления? Думаешь, они пойдут по нашему следу?

– Да.

Аль Кемран задумался.

– Тогда мы сделаем так. – Спустя некоторое время произнес он. – Чтобы они ушли по ложному пути, ни один захваченный корабль не станет напрямую возвращаться в скопление. Мы пожертвуем частью трофеев,

чтобы направить армады по ложному следу, а сами исчезнем, растворимся в пустоте. Нам нужно найти не занятый никем мир, где будет построена первая крепость Халифата, – там мы будем содержать космический флот и готовить великое вторжение.

– Ты велишь мне найти такой мир?

– Да.

* * *

Август 2638 года. Система звезды Халиф…

Планета Ганио была колонизирована с борта транспорта "Мириам", совершившего посадку 2280 году.

Система звезды Халиф располагалась на небольшом удалении от группы высокоразвитых колоний, победивших Земной Альянс.

Центральные Миры [13] (в частности картографический отдел Флота Свободных Колоний) были осведомлены о существовании планетной цивилизации Ганио, но в силу ряда причин никто не догадывался, что жаркий пустынный мир был вторично открыт и активно использовался силами Земного Альянса.

В Обитаемой Галактике после капитуляции Альянса складывалась сложная ситуация [14]: подавляющее большинство обитаемых миров не стремилась к немедленному объединению. Планетные цивилизации, жестоко пострадавшие от вторжений роботизированных серв-соединений Альянса, балансировали на грани отката в пучину регресса. Поколением людей, родившихся и выросших в условиях войны, владел прочно въевшийся в сознание, инстинктивный ужас перед машинами. Фобии, воспитанные жестоким противостоянием с метрополией, поневоле распространялись на все кибернетические системы, возникла стойкая тенденция к неприятию машин, наделенных той или иной степенью свободы.

Однако дальнейшее развитие, возрождение разрушенных инфраструктур без участия кибернетических механизмов и систем было немыслимо.

Страхи приходилось преодолевать, но, возрождая собственную промышленность, каждый из обитаемых миров старался сделать это самостоятельно, опасаясь, что на иных планетах процесс роботизации вырвется из-под контроля. Следствием таких опасений стала декларация планетных суверенитетов. Цивилизации на многие годы замыкались в

рамках своих систем, и только Центральные Миры сохраняли неизменную общность. Они являлись несомненной силой, обладающей мощным флотом и развитой промышленностью, но политика невмешательства, вынужденно объявленная адмиралом Воронцовым, серьезно осложняла процессы послевоенного объединения миров.

Отдельные колонии (расположенные на периферии освоенного людьми пространства) опасались репрессий со стороны Флота Колоний, стараясь всеми доступными способами скрыть факт оккупации их территорий силами Земного Альянса. Иногда население таких миров на треть состояло из бывших офицеров метрополии, скрывавшихся от возмездия со стороны победителей.

В Обитаемой Галактике на годы воцарился хаос. Центральные Миры, продолжали динамичное развитие, в то время как на периферии наметились явные градации – одни колонии вырывались вперед, иные действительно скатывались на путь регресса.

В пространстве постоянно шли стычки, кроме остаточных серв-соединений многие планеты подвергались атакам со стороны каперских флотов, возникших в результате переизбытка оставшейся не у дел боевой техники.

В этих условиях Центральные Миры не могли приступить к масштабному объединению планет периферии, без риска спровоцировать гражданскую войну. Силами Флота Колоний в те годы осуществлялись лишь разовые акции по поиску и уничтожению хорошо укрепленных планетарных баз Альянса, продолжавших функционировать после капитуляции Земли.

"Война всех против всех" – так характеризовали ситуацию на окраине политики Центра.

В свое время Флоту Колоний не удалось обнаружить и захватить навигационные кристаллы с информацией по точной дислокации многочисленных баз Земного Альянса, – оставалось лишь вести осторожную картографическую разведку и ждать, когда последние демаскируют себя тем или иным образом.

В сложившихся условиях совершенно неудивительно, что недалеко от границ Центральных Миров продолжали функционировать бывшие опорные пункты уже несуществующих ВКС Земли.

Одна из таких баз располагалась на планете Ганио.

Именно о ней докладывал Рашиду вернувшийся из разведывательного рейда Джалгет.

* * *

Штурмовые модули класса "Нибелунг" [15] появились в утренних небесах Ганио, когда ярко-желтый свет зари, предвещавший скорый восход беспощадного Халифа, едва пробился золотистой полоской у далекого горизонта.

Плодородные долины предгорий, расположенные на границе со знойными пустынями, еще спали: небольшие поселения, похожие на города Междуречья древней Земли, мирно дремали в окружении возделанных полей.

Цивилизация Ганио, как и большинство колоний Великого Исхода не смогла вторично пройти путь научно-технического прогресса, на четыре столетия застыв в развитии.

Все резко изменилось полтора десятилетия назад, когда планета была вторично открыта разведывательными кораблями Земного Альянса.

Спустя несколько месяцев после посадки АРК, здесь появились специальные подразделения – они не вступали в открытый вооруженный конфликт с ганианцами, напротив, местные кланы были щедро одарены, в обмен на право строительства среди бесплодных пустынь обширной ремонтно-технической базы, предназначенной для обслуживания пострадавших в боях космических кораблей.

Как на Галмате или Сауде, местные жители широко привлекались к работам по строительству и последующему бытовому обеспечению планетарной базы, с той существенной разницей, что система технических космодромов возведенных на Ганио, в десятки раз превышала по своим масштабам резервные базы ВКС на планетах скопления Ширана.

Масштабное строительство привело к резкому повышению уровня жизни ганианцев. Их общественный строй не претерпел изменений, правящие Кланы получали от Альянса щедрые компенсации за свою лояльность, но в повседневной жизни ганианцев наступили серьезные перемены. На рынках городов появились новые товары: огромной популярностью среди ганианцев пользовались человекоподобные машины, многие земледельцы, ставшие служащими базы, получили возможность двойного заработка – на клочках возделанной земли теперь трудились андроиды, охотники, воины и клановая знать теперь сменили примитивное оружие на автоматические штурмовые винтовки "АРГ-8".

Ганианцам, вполне довольным наступившими переменами, было невдомек, что и андроиды, и оружие, которым щедро расплачивались сотрудники базы, было заимствовано из консервационных хранилищ

колониального транспорта "Мириам", обнаруженного разведкой в глубинах гибельных пустынь.

Таким образом, военно-космическая база флота процветала, а ганианцы, получившие новый толчок в развитии, пользовались механизмами и оружием четырехсотлетней давности, которое и без этого по праву принадлежало им.

К исходу Галактической войны, когда Земной Альянс начал испытывать чудовищный дефицит личного состава, работы по ремонту и обслуживанию боевых единиц флота, так же как и охрана планетарной базы, производились уже с широким привлечением местного населения. Почти пятьдесят процентов мужчин прошли имплантацию и были обучены по разным специальностям, а для охраны технических космодромов командование Альянса сформировало отдельную бригаду ганианских наемников.

Жизнь на Ганио текла размеренно. Даже после капитуляции Земли и подписания Элианских протоколов [16] технические площадки продолжали функционировать, с той лишь разницей, что отремонтированные корабли флота оставались на стартовых полях: из глубин космоса более не поступало приказов на их передислокацию.

Проходили месяцы, затем годы, но никто больше не вмешивался в размеренный уклад жизни ганианцев.

Кибернетические системы и обилие боевой техники не вызывало у них страха или раздражения. Два крейсера несколько ракетных [17] и конвойных [18] носителей, а так же десяток фрегатов давно вошли в энергосберегающий режим, застыв на местах вечной стоянки. Возможно ганианцы, из числа обученного технического персонала, смогли бы поднять в космос грозные боевые единицы, но им не приходило в голову использовать оставшуюся не у дел космическую технику.

Не получая привычной заработной платы, выраженной в регулярных поставках бытовых дройдов, они постепенно начали растаскивать оборудование сложных технических комплексов, приспосабливая его для бытовых нужд.

Так продолжалось вплоть до раннего утра рокового дня, когда в небесах Ганио, предваряя восход звезды Халиф, не появились штурмовые носители, двигавшиеся в режиме атакующего атмосферного полета.

* * *

Анвар Зираб пребывал не в лучшем расположении духа.

Во-первых, накануне вечером глава клана Зехреб объявил, что отзывает своих воинов из состава охранявшего стартопосадочные поля сводного батальона наемников. Это означало, что больше Анвар не сможет нести привычную службу, не получит свободного доступа к складам. Видимо среди кланов начался передел собственности, потому что воины Джамарфат выгнали весь технический персонал, и не пускают никого на территорию базы.

Ванг Шиист… Почему Зехреб испугался, не встал на защиту интересов своих воинов? Чем Джамарфат купил или запугал его?

Как не кстати, – раздраженно думал Анвар, после нескольких безуспешных попыток вернуть функциональность внезапно остановившемуся андроиду. Проклятый механизм. Вместо того, чтобы вскапывать землю он застыл, как статуя посреди невозделанного поля. Несколько раздраженных ударов прикладом по разным частям корпуса человекоподобной машины не возымели желаемого воздействия.

Придется после восхода идти к Ашбеку. Он имел дело с кибернетическими механизмами и умеет разбираться с ними. Однако для ремонта могут потребоваться запасные части, а откуда их взять, если теперь все склады охраняют воины Джамарфата?

Раздраженные мысли Анвара прервал знакомый, но уже давно не появлявшийся в небесах Ганио звук: с востока, где золотистой полоской проявилось сияние рассвета, доносился низкочастотный утробный гул, от которого вдруг тонко задребезжали стекла в доме, а по сухой почве потрескавшегося от жары поля вдруг тонкими струйками поползла пыль.

Гул нарастал, превращаясь в вибрирующий утробный вой двигателей планетарной тяги, движение потревоженного воздуха стало явственнее, резче, утренняя прохлада вдруг порвалась тугими, ритмичными хлопками, вслед которыми пришел сильный толчок ударной волны, опрокинувший андроида, и со звоном выбивший стекла в доме.

Проклятие Шииста!..

Что еще за напасть? Разве мало у него проблем этим утром?

Злые растерянные мысли метались в рассудке Анвара не находя вразумительного объяснения.

Впрочем, он недолго пребывал в состоянии злой, недоуменной растерянности. Повторная серия хлопков прозвучала громче, явственнее, в доме заголосили проснувшиеся женщины, а в нескольких километрах от невозделанного поля опытный взгляд Зираба безошибочно различил взметнувшуюся стену частых мощных разрывов, пришедшихся как раз на тот участок периметра, где обычно несли караульную службу воины его

клана.

На секунду все оборвалось внутри.

Не от страха – от ярости. Кто посмел атаковать хорошо укрепленную базу?

Анвар тут же позабыл о только что волновавших его проблемах, – перешагнув через корпус опрокинутого взрывной волной андроида, он бегом кинулся в сторону разрушенного взрывами участка высокой стеклобетонной стены периметра базы ВКС.

* * *

Спустя четверть часа, Анвар достиг огромной бреши.

Окрестные здания были разбиты, на стеклобетоне стартопосадочного поля валялись огромные обломки строений, и курились кисловатым дымом многометровые воронки от ракетных попаданий.

Рев, и частые ритмичные звуки очередей из автоматических орудий крупного калибра доносились теперь со всех сторон, казалось, что он находиться в самом центре схватки взбесившихся мифических великанов.

Проклятие Шииста… Анвар испытывал недоумение. В его душе не было страха, – благодаря знаниям, полученные за годы охраны и обслуживания военной базы, он не испытывал мистического ужаса при знакомстве с образчиками высочайших технологий. Ганианцы обладали особым складом характера, их кажущаяся деградация на самом деле являлась осознанным откатом в прошлое, к более простым общественным отношениям. Их предки покинули Землю во времена Великого Исхода, но память поколений сохранила образ далекой прародины. Поэтому, когда на Ганио появились военно-космические силы Альянса, это не стало шоком. Воины кланов знали и помнили историю собственного народа.

Предки Анвара бежали от цивилизации, которая грозила растворить его народ, сделать частицей глобальной субкультуры. Да, за четыре столетия на планете не возникла утопии, но сформировалась обновленная религия, допускающая материализм взглядов, поэтому в основе бесстрашия, которым прославились ганианские наемники, лежала не мрачная дикость регресса, а истинное мужество, понятие чести воина, и религиозно-философский взгляд на мир, который ганианцы принимали таким, каков он есть.

Внутренний мир Анвара был именно таков: он верил, что все судьбы в руках Шииста, и земной путь каждого человека предопределен. Это помогало бороться со слабостями, недостойными истинного воина.

Что касается высших сил, то предки Анвара, покинувшие Землю на

борту колониального транспорта "Мириам" отличались тем, что выработали новую (не принятую традиционной религией) концепцию высшей силы.

Они утверждали, что Бог един. Не важно, как его называли представители разных конфессий, в любом случае по утверждению религиозных лидеров Ганио речь шла об одной и той же силе, имеющей космическое происхождение.

На Ганио утвердился собирательный образ Шииста – бессмертной вездесущей силы, принимающей различные обличья в зависимости от ситуаций, объединяющей в себе и разрушительное и созидательное начало.

Вот и сейчас, прижавшись спиной к устоявшей под ударами бетонной секции периметра, Анвар подумал: все в руках Шииста.

Он обладал достаточной долей здравомыслия, чтобы связать между собой два события: накануне вечером клан Джамарфат взял под свой контроль всю территорию базы ВКС. Зираб не был настолько глуп, чтобы не понимать: остальные кланы не потерпят подобной узурпации, они объединяться против Джамарфата, тем более, что до Ганио дошли слухи об окончании войны и поражении Альянса. Технику, оставшуюся на планете следовало справедливо разделить между кланами и пользоваться ей.

Нет, старейшины Джамарфата не решились бы бросить вызов, не чувствуй они за своей спиной поддержки. Два события легко можно связать – вчерашние события являлись лишь прелюдией к утреннему вторжению, какие-то внешние силы сумели убедить главу клана, в своей поддержке в обмен на *предательство*. Люди Джамарфата имели прямое отношение к техническому обеспечению защитного периметра базы, и только они могли отключить автоматические системы, позволив кораблям пришельцев беспрепятственно маневрировать в атмосфере. Без явного предательства ни одна внешняя сила не сумела бы безболезненно прорваться к стартопосадочным полям, превратив в обломки основные узлы обороны.

В душе Анвара после недолгих, мрачных раздумий вскипел гнев. Да, он слабо разбирался в технике, но хорошо разбирался в людях. До того, как стать воином, его готовили к судьбе священнослужителя и психология, равно как и логический анализ не являлись для него чуждыми рассудку дисциплинами.

Волей Шииста он все же стал воином, но полученные в период отрочества знания не пропали, помогая ему свободно ориентироваться в сложных жизненных ситуациях.

И еще одна немаловажная деталь: Анвар Зираб умел мыслить глобально, не замыкаясь на узких интересах собственного клана. Сейчас он

ощущал, что предали его народ, а это требовало от воина немедленного возмездия, наказания, как предателей, так и их пришлых "союзников".

Перехватив "АРГ-8", он рывком преодолел зону разрушений, затаившись за проломом стены одного из технических зданий, граничащих со стартопосадочными полями.

Защитный периметр действительно молчал. Основные узлы обороны, как он и предполагал, оказались разрушены. Они не произвели ни единого выстрела по пришельцам, чьи корабли сейчас снижались, явно намереваясь совершись посадку.

Взгляд Анвара, устремленный в утренние небеса, насчитал десять штурмовых носителей класса "Нибелунг". Опасные корабли. Но еще опаснее их содержимое. Обычно "Нибелунги" служили для доставки на планеты серв-соединений, каждый из снижающихся кораблей нес в десантных отсеках планетарные серв-машины, бороться с которыми при помощи древней штурмовой винтовки, то же самое что выходить на охоту против пустынных хищников, вооружившись игрушечным оружием, каким забавлялись дети.

Штурмовые носители тем временем начали перестроение. Они образовали расширяющееся кольцо и начали расходиться в разные стороны, с явным намерением совершись посадку с равными интервалами, перекрыв весь периметр базы.

Ближайший "Нибелунг", изрыгая столбы ослепительного пламени из подвижных, закрепленных на специальных вращающихся ложементах двигателей планетарной тяги снижался на площадь перед зданием, в котором затаился Анвар.

Не смотря на кипевшую в душе ярость, он мог лишь наблюдать за посадкой.

Шаранг…

Через пару минут взгляду Зираба открылась картина, полностью подтвердившая его умозаключения: как только яростное пламя планетарных двигателей умерило свое ослепительное сияние, а выдвинувшиеся посадочные опоры штурмового носителя коснулись стеклобетона, со стороны диспетчерской башни тут же появилась группа вооруженных людей. Это были воины клана Джамарфат, он шли к севшему кораблю, издали выказывая знаки уважения и приветствия.

Палец Анвара заныл на сенсоре огня штурмовой винтовки. Он мог бы скосить предателей одной очередью, но сумел обуздать клокотавшую в душе ярость.

Инстинкт воина подсказывал: нужно дождаться развития событий,

воочию увидеть тех, кто так самонадеянно вторгся на Ганио, а затем выбраться отсюда, чтобы донести правдивую весть до Совета Кланов.

Пока в душе Зираба шла короткая борьба между здравым смыслом и горячим, обжигающим желанием немедленной мести, штурмовой носитель тяжко утвердился на опорах, планетарные двигатели смолкли и в корме севшего "Нибелунга" начала открываться аппарель.

Еще несколько секунд и из недр штурмового носителя раздалась тяжкая поступь. Открывшийся проем десантной рампы на миг заслонила зловещая тень, и горячего стеклобетона коснулся механический ступоход серв-машины класса "Хоплит".

Судорога тактовой поступи заставила вздрогнуть постройки. Из трещин в стенах разрушенного здания посыпался мелкий бетонный щебень и удушливыми змейками начала выползать едкая пыль.

Вслед за "Хоплитом" из недр штурмового носителя показались фигуры воинов.

Анвар был потрясен увиденным.

Захватчики практически не отличались от жителей Ганио, несомненно, в прошлом у них были единые предки, мгновенную, догадку тут же подтвердили слова, прозвучавшие на вполне понятном, языке, отличавшегося от языка ганианцев лишь некоторыми незнакомыми речевыми оборотами.

Впрочем, первыми заговорили *предатели*:

Низко склонив головы в почтительном приветствии, они продолжали выказывать знаки смирения:

– Клан Джамарфат приветствует великого эмира, Рашида Аль Кемрана.

Вперед выступил смуглолицый воин. Он пристально посмотрел на ганианцев, а затем медленно, внятно произнес:

– Мы прибыли сюда по воле Всевышнего. Сегодня начинается великое завоевание. Баграм Джамарфат обязался передать в руки посланников эмира коды управления находящимися здесь кораблями. Кто из вас является техником?

Вперед выступили два человека из клана Джамарфат. Анвар знал обоих и мог мысленно подтвердить, что они проходили специальную подготовку, – в последние годы корабли Альянса прибывали на Ганио с серьезными повреждениями, для быстрого и эффективного ремонта не хватало кибермеханизмов, и тогда часть воинов, с разрешения кланов, ненадолго покинули планету, чтобы пройти обучение. Вернувшись, они заменили офицеров Альянса, которые покинули Ганио и больше уже не

появлялись…

– Хорошо. – Незнакомый воин, не удосужившийся даже назвать своего имени в ответ на подобострастные приветствия, сделал знак рукой, и двух технических специалистов тут же взяли в плотное кольцо, отделив от других воинов клана Джамарфат.

– Этих, – незнакомец указал на группу ганианцев – убейте. Они больше не нужны.

Никто не успел схватиться за оружие.

Очередь, выпущенная из зенитного орудия "Хоплита", в одно мгновенье превратила тела людей в уродливые, кровавые ошметья.

Свирепый незнакомец обернулся к двум побледневшим техникам и произнес:

– Так будет со всеми, кто забыл имя Всевышнего. Предатели и отступники веры нам не нужны. Их смерть покажется вам легкой по сравнению с тем, что я сделаю с вами, если корабли вдруг не смогут подняться в Великую Пустоту.

Пленных увели.

Анвар, наблюдавший за событиями, начал медленно отходить вглубь полуразрушенного здания и это стало его ошибкой.

Сенсоры "Хоплита" тут же зафиксировали движение, и Зираб услышал, как с ноющим визгом сервоприводов повернулась его рубка, одновременно оружейные пилоны серв-машины выдвинули подвесные орудия, которые тут же разрядились тактовыми очередями, превращая полуразрушенное здание в гору дымящегося бетонного щебня.

Анвару повезло, – взрывная волна подтолкнула его в спину, буквально вышвырнув из-под обломков рушащихся стен и перекрытий.

Контуженный, задыхающийся от едкой бетонной пыли, он все же нашел в себе силы вскочить и бежать, не разум, но инстинкты управляли в эти мгновения его телом, помогая избежать смерти.

Вопреки подсознательному ожиданию серв-машина не бросилась в погоню за человеком, "Хоплит", произведя залп, остался на месте, не расходуя более боекомплект на столь ничтожную цель.

Анвар не видел, как незнакомец, поморщившись от оглушительного грохота орудий, раздраженным жестом отправил в погоню нескольких прибывших вместе с ним воинов.

– Убить. – Коротко приказал он, и отвернулся, тут же потеряв всякий интерес к произошедшему инциденту.

У него имелись более важные и неотложные дела, чем погоня за случайным свидетелем.

* * *

Анвар пришел в себя, только очутившись вне периметра.

Не смотря на последствия контузии, он как зверь чувствовал, что его преследуют. Бежать дальше, пересекая несколько километров пространства пустыни, лежащей между базой и густонаселенными долинами предгорий не имело смысла, – на открытой местности его быстро заметят и уничтожат.

Он инстинктивно встряхнул головой, тщетно пытаясь изгнать иссушающий звон контузии, затем обернулся, присел, достав метательный нож, и осторожно выглянул в провал разрушенной бетонной секции периметра.

Его преследовали трое смуглолицых воинов.

Кто они? Откуда явились на Ганио?

Анвар спокойно смотрел на приближающихся преследователей.

Одного из них нужно взять живым для допроса.

Убрав нож, он вскинул "АРГ-8" и дал короткую очередь по ногам бегущих.

Двое с проклятьями и стонами повались на землю. Третий, проявив ловкость и хладнокровие, даже не ответил огнем, молниеносно укрывшись за крупным бетонным обломком.

В следующий миг Анвар услышал хлопок и увидел, как из-за уродливой глыбы выметнуло черную падающую по короткой дуге точку.

Граната! – Мгновенно сообразил он, скатываясь в ложбину между двумя нанесенными ветром барханами.

Взрыв полыхнул рядом, из ушей Анвара вдруг обильно потекла кровь, мир застило кровавой пеленой, но он даже не шелохнулся.

Пусть так. Вражеский воин непременно придет, чтобы проверить, мертв ли беглец.

Зираб не ошибся. Он почти ничего не слышал из-за повторной контузии, но ему было достаточно тех ощущений, что воспринимало тело. Легкое почти неуловимое движение песка… размытая тень, мелькнувшая на фоне секции периметра. Запах человеческого тела…

Он ударил, когда чуждый воин склонился над ним, желая посмотреть, что за оружие накрыл своим телом мертвый, по его мнению, ганианец.

Нож разрубил кадык и обратным движением фактически отделил голову противника от шеи.

Теперь нужно вернуться. Добить одного из раненых и забрать второго.

Зираб не сомневался, что у него хватит сил на преодоление

неширокого языка пустыни.

Он принесет дурные вести, но допрос пленного прояснит ситуацию. Кланы Ганио не простят подобного вторжения, но атаковать вслепую – самоубийство. Нужно предупредить о наличии у противника серв-машин и вероятном захвате кораблей.

Он лишь принесет нужную информацию. Решение будут принимать старейшие воины.

* * *

Знойная ганианская пустыня и раскаленные, источающее струящееся марево стартопосадочные поля технических космодромов не произвели на Рашида ровным счетом никакого впечатления.

Эмира, решившего завевать все освоенное людьми пространство, неприятно поразили, можно сказать что испугали, огромные космические корабли.

Он полагал, что уже поборол в своей душе все страхи, но вид семикилометровых исполинов, возвышавшихся над крохотными человеческими фигурками, как горные хребты, вызывал невольное чувство неуверенности, – даже серв-машины выглядели на фоне крейсеров и фрегатов не более чем насекомыми.

Толпа пленных ганианцев, согнанных на свободное стартопосадочное поле, выглядела горсткой жалких трусов, Аль Кемрану было неприятно допускать в сознание мысль, что эти трясущиеся от страха за свою жизнь ничтожества знают и умеют больше, чем он.

И, тем не менее, они уверяли, что способны не только ремонтировать исполинские корабли, но и командовать множеством населявших их демонов.

Проклятое, навязчивое слово!.. Рашид старался, но не мог избавиться от него. Безликий для ширианца термин "киберсистема" не вызывал в душе ответных чувств, а вот понятие "демон" неизбежно возвращало толику суеверного ужаса, который сейчас вдруг усилился от грозного вида исполинских кораблей.

– Джалгет!

Юсуф оказался рядом, не нужно было и повышать голоса.

– Да, господин?

– Приставь к каждому пленнику двух воинов. Пусть идут внутрь. Нужно немедленно готовить корабли к старту.

– Ты позволишь изменникам, предавшим свой клан, управлять ими?

– Я же сказал, приставь к каждому по два воина, и пусть только попробуют что-нибудь сделать неправильно! – Раздраженно ответил Рашид.

Джалгета не смутил яростный тон эмира.

– Я не понимаю, как воины смогут узнать, что правильно, а что нет?

Аль Кемран вдруг понял, – ему нечего ответить на прозвучавшее замечание, разве что разразиться проклятиями.

Нет. – Мысленно прикрикнул он сам на себя. – *Ярость не поможет, она лишь выдаст испуг и бессилие*.

Рашид действительно не мог понять, что нужно делать. В его рассудке не укладывалось наглядное сравнение габаритов штурмовых носителей и *настоящих* космических кораблей, разум эмира совершал в этот момент роковую ошибку, связывая размеры вожделенных трофеев с какими-то принципиально иными качествами многочисленных кибернетических систем, управляющих исполинами.

– Хорошо. Я сам проконтролирую пленников. Начнем с одного корабля, – вот с этого, – рука Аль Кемрана указала на возвышавшийся неподалеку крейсер.

– Что делать мне?

– Обеспечь охрану. Расставь посты так, чтобы наши воины контролировали все подступы к стартовым полям. После забери моего механического слугу и приходи. Нам нужно держаться вместе.

Джалгет ничего не ответил, лишь кивнул в знак понимания и повиновения.

Аль Кемран достал импульсный пистолет и направился к группе пленных ганианцев. Еще издалека он выбрал самого высокого, мускулистого и свирепого на вид воина.

Еще с детства Рашид усвоил одно безотказно действующее правило – нужно устрашить врагов, низвести их разум до уровня инстинкта самосохранения, раздавить волю, чтобы у противника возникло неистовое желание: во что бы то ни стало сохранить собственную жизнь.

Несколькими неделями ранее Джалгет, тайно посетивший Ганио, сумел добиться встречи со старейшинами клана Джамарфат и склонить их к сотрудничеству, действуя угрозами, обещаниями и лестью. Аль Кемран не знал, что именно говорил Юсуф старейшинам клана, но по возвращении тот лишь презрительно фыркнул, сказав, что склонить их к предательству было нетрудно.

Впрочем, Рашид не интересовался подробностями тайного сговора, его волновал конечный результат, и сейчас видел перед собой лишь кучку

предателей, которые изменили своим братьям по крови, а значит с еще большей легкостью предадут и его, пришельца из иного мира.

Вскинув "Гюрзу" он выстрелил в голову избранной для демонстрации жертве.

– Так будет с каждым, кто хотя бы в мыслях посмеет солгать, или *подумать* о предательстве. – Он поднял импульсный пистолет, приставив его ко лбу посеревшего от страха (или, быть может, от ярости) ганианца. – Ты – обратился он к потенциальной жертве своего дурного расположения духа – что ты знаешь об управлении кораблями?

– Они полностью во власти человека, знающего технические коды доступа… – Скороговоркой выпалил ганианец.

– Как тебя зовут?

– Зормат.

– Ты знаешь технические коды, Зормат?

– Нет. Он знает их – Рука пленника слегка приподнялась, указав на одного из своих соплеменников.

– В таком случае ты для меня бесполезен. – Прозвучал еще один сухой выстрел, Рашид резко обернулся, не обращая внимания на брызги крови, попавшие на его запястье и щеку. – Ты действительно знаешь коды технического доступа, которым подчиняться… – он едва не произнес "демоны", но вовремя одернул себя, повторив начало фразы, – коды, которым подчинятся киберсистемы?

– Да, господин.

– Веди. – Рашид свободной рукой указал на крейсер. – Корабль готов к старту в космос?

– Да, господин. – Казалось, что ганианец забыл все остальные слова.

* * *

Громада крейсера росла по мере продвижения немногочисленной группы людей. Рашид, его телохранители, и несколько пленников, молча последовавшие за своим родичем, приближались к открытому вакуум-доку, через который на борт исполинского корабля швартовались грузовые суда и штурмовые носители.

Створы модульных ворот были открыты, внутри царил мрак, и оттого казалось, что группа людей приближается к мрачному входу в таинственную пещеру.

Глотка демона… – навязчивая мысль крутилась в голове Рашида. Он пережил за час, истекший после посадки, столько, что с лихвой хватило бы еще на одну жизнь.

Им, великим и неустрашимым воином, все больше овладевало бесившее его же самого чувство неуверенности, ощущения собственной ничтожности… разум отказывался верить, что корабли, чьи корпуса простирались на многие километры, поднимались к небу, обтекаемыми формами надстроек, готовых соперничать с иными горными образованиями, созданы людьми, и безропотно будут исполнять его волю…

Рассудок саботировал, он не мог постичь этой мощи, потому что в поле зрения постоянно находились объекты для сравнения, – тот же "Нибелунг" из его "флота" или серв-машина, мощь которой он до сегодняшнего дня считал несокрушимой, – они выглядели букашками, на фоне исполина…

Не в душу, но в разум вкрался страх, он трепетал, не в силах сдерживать древние инстинкты, не в состоянии унять волну дрожи, когда пришлось шагать, преодолевая желоб десяти метров в поперечнике – по нему скользил створ вакуум-дока…

…Аль Кемран стоически переносил свои мучения, он боролся со страхом, с внезапным приступом настоящей дурноты, когда пленники смело шагнули в темноту предстартового накопителя внутреннего космодрома. Рашид двигался вслед за ними, в плотном сумраке, ориентируясь на звук шагов, готовый в любой момент отреагировать выстрелами на любое резкое движение проводников, а обострившееся периферийное зрение фиксировало смутные, исполинские очертания затворных механизмов стартовых катапульт, другие незнакомые взгляду агрегаты, которые казались сейчас не функциональными узлами готового ожить корабля, а какими-то окаменелостями…

Аль Кемран выдержал и это испытание. Если бы он словом или жестом выказал нерешительность, то пленники, являвшиеся такими же, как и он, прирожденными воинами, почувствовали бы это и…

Он не мог объяснить, почему они струсили, почему покорно ведут его, не пытаясь воспользоваться сумраком и напасть, отомстить за убитых на их глазах родичей?

Отгадка была проста, но разум Рашида еще не в состоянии был постичь ее. Ганианцы в отличие от него уже успели свыкнуться с мощью боевых кораблей, они мысли в ином масштабе и в свою очередь были подавлены *храбростью* человека, посмевшего посягнуть на имущество Альянса, прилетев сюда всего с несколькими «Нибелунгами» и десятком серв-машин.

Наконец нелегкие испытания завершились, или, быть может, они только начинались, когда скоростной лифт вознес их на высоту горных

вершин, и раздавшиеся в разные стороны створки дверей открыли проход к главному посту управления крейсера.

Аль Кемран собрал всю свою волю, опасаясь, что пленники заметят землистую бледность на его смуглом от природы лице, и вдруг… его губ коснулась усмешка.

Он вышел из темноты на свет. Его взгляд скользил по бесчисленным постам управления, компьютерным терминалам, и, уже не акцентируя внимания на размерах помещения и количестве аппаратуры, он начал узнавать отдельные системы, блоки управления, комплексы систем, знакомых по опыту многократных полетов на борту "Нибелунга" и непосредственного пилотирования серв-машин.

Страх не исчез, масштабы по-прежнему подавляли воображение, но легко узнаваемые *частности* помогли ему загнать свои фобии вглубь сознания, снова уверенно и свирепо взглянуть на пленных ганианцев и произнести, не терпящим возражений тоном:

– Сейчас вы будете готовить корабль к старту. Каждое действие пояснять вслух. Если я замечу что-то неправильное, – застрелю виновника на месте.– Взгляд Аль Кемрана заметил, что у большинства терминалов кибернетических систем, управляющих различными исполнительными подсистемами корабля, выдвинуты специальные лотки, а кристалломодули лежат рядом на специальных подставках, накрытые прозрачными полусферами из бронепластика.

– Что это значит?! – Гневно осведомился он, хотя не понимал, *как должно быть на самом деле?*

Однако властный окрик подействовал. Один из пленных ганианцев, за движениями которого следили короткие стволы штурмовых автоматов личной охраны Рашида, обернулся, и, указав рукой на кристалломодули, пояснил:

– Господин, все корабли попадали на Ганио поврежденными в результате боев. Здесь производился их ремонт и реконструкция. Мы восстанавливали корпуса, ставили новые системы вооружений, заново тестировали все кибернетические цепи управления. Во время технического обслуживания кораблей все модули "Одиночка" по правилам извлекаются из своих гнезд. Они устанавливаются на место только в последний момент, по особому приказу, и тогда технический режим бортовой сети переключается на боевой.

– Корабль может покинуть планету в техническом режиме? – Аль Кемран знал, что модули искусственного интеллекта обладают собственной волей. Еще не хватало, чтобы они не признали власть эмира. А так и

случиться, если ганианцы не лгут.

– Сейчас на всех кораблях включен технический режим. Кибернетические системы работают исправно, но без подключения "Одиночек" им нужно отдавать приказы, К сожалению, мы не знаем кодов боевого доступа, господин.

– Автопилоты кораблей можно объединить в сеть. – Не терпящим возражений тоном произнес Рашид. Он знал это по опыту управления "Нибелунгами". Существовал такой режим, когда подчиненные корабли просто повторяют действия ведущего. Однако он сильно рисковал, не будучи уверен, что подобный режим действует и на этих исполинских кораблях.

– Да, господин. – С облечением услышал он ответ ганианца. – В техническом режиме автопилоты могут работать в составе навигационной сети.

Нужно убираться отсюда. Увести корабли и затаиться на избранной планете, пока я не найду способ подчинить своей воле боевые модули. – Лихорадочно соображал Рашид. – *Для охраны и сопровождения эскадры достаточно Нибелунгов. Они в случае опасности смогут отбить атаку незначительных сил.*

Перспективы, внезапно открывшиеся перед Аль Кемраном в огромном зале ходовой рубки исполинского крейсера, кружили голову, вызывая помутнение рассудка. Он не мог до конца осознать, какая неимоверная мощь попала к нему в руки, но уже не оглядывался на то обстоятельство, что само вторжение на Ганио изначально попахивало безумием и ему просто повезло, что здесь после капитуляции не осталось офицеров Альянса, а модули искусственных интеллектов оказались механически отрезаны от бортовых сетей.

Интуиция подсказывала: тебе улыбнулась удача, эмир, и важно не упустить момент, удержать ее в своих руках.

– Начинайте готовить корабли старту. Когда будет нужно, я передам координаты для гиперсферного прыжка. Проследите за ними. – Приказал он охранникам, чувствуя, что едва стоит на ногах от пережитого с потрясения.

* * *

Джалгет в отличие от Аль Кемрана не испытывал суеверного ужаса перед исполинскими кораблями. Он уже пережил свой шок в момент первого посещения пыльной и жаркой планеты, когда вел разведку, осторожно наводил справки, маскируясь под путешественника,

прибывшего из дальних земель. Схожесть ганианского и ширианского языков позволили ему втереться в доверие к нескольким, не особо разборчивым в знакомствах охранникам порта. Вскоре он выяснил, что на Ганио кроме городов, расположенных в долинах, существуют и кочевые поселения.

Остальное оказалось делом не трудным. Простые и суровые нравы местных жителей резко контрастировали с роскошью, в которой жили старейшины Кланов. Исподволь выяснив, какая из родовых общин Ганио выделяла людей для обучения на иных мирах, он, воспользовавшись запасами, хранящимися на борту севшего в пустынных регионах планеты "Нибелунга", преобразился в богатого купца. Благодаря природному уму и смекалке Джалгет быстро понял, что главным товаром на рынках Ганио служит оружие, бытовые андроиды и некоторые образцы бытовой техники, не особенно сложные в обслуживании, но существенно облегчающие жизнь на границе жаркой, смертоносной пустыни.

Тщательно продумав линию поведения, он попросту сыграл на жадности старейшин клана Джамарфат.

В его словах ни разу не прозвучал термин "предательство". Он убедил старейшин, что является межзвездным торговцем (благо те оказались прекрасно осведомлены, что за пределами системы Халиф существуют иные миры). Джалгет привел их к своему кораблю, и посетовал, что вынужден был сесть вдалеке от городов, ибо опасался, что его собьют защитные устройства военной базы. Юсуф видел, как при взгляде на оружие и андроидов разгораются жадностью глаза старейшин. Этих людей нельзя было запугать, но можно обмануть, решил он.

– У меня много такого товара. Десять кораблей. – С достоинством заявил Джалгет. – Я бы мог торговать с вами, но кто даст мне гарантии безопасности?

– А что мы получим в обмен на твою безопасность? – Задал вопрос один из старейшин, осматривая особо приглянувшийся ему короткоствольный штурмовой автомат.

– Если мои корабли смогут сесть не в пустыне, я рядом с городом, где удобно торговать, я отдам весь товар, что привез в этот раз. – Не смущаясь баснословной ценой за услугу, с проницательностью настоящего торговца, понимающего, что будущая прибыль окупит взятку, произнес Джалгет.

Старейшины совещались недолго. Жадность быстро взяла верх над здравым смыслом. Они видели перед собой несметные сокровища, горы оружия, десятки человекоподобных машин, и не смогли одолеть искушения.

– Давай договоримся о дне твоего прилета. Наши люди временно отключат защитные системы военной базы. Когда твои корабли совершат посадку, мы объясним другим кланам, что ты прилетел торговать. Они будут рады нашему мудрому решению.

Так изворотливость Джалгета обеспечила штурмовой группе беспрепятственную посадку.

Однако, Юсуф недооценил ганианцев.

Люди клана Джамарфат, побывавшие на иных мирах, действительно сильно изменились, они постепенно привыкли к комфорту кондиционированных помещений, синтезаторам пищевых концентратов, опреснителям воды, постоянно пользуясь этими устройствами, и постепенно забывая трудный быт охотников и земледельцев, но кроме них в предгорьях, на краю пустыни, проживали десятки тысяч их менее удачливых собратьев, вкусивших лишь толику той "цивилизованности", что демонстрировала космодромная обслуга.

Они оставались воинами, – весть о предательстве клана Джамарфат и творящихся на территории огромной военной базы бесчинствах пришельцев, мгновенно облетела округу, масла в огонь добавил Анвар Зираб, который привел пленного ширианца и дополнил сведения, полученные при допросе собственными впечатлениями от увиденного.

– Это не торговцы. Клянусь Шиистом, они хотят угнать корабли Альянса. Что мы скажем, когда вернутся люди неба и спросят куда подевались их огромные корабли?

Его короткая речь вызвала бурю негодования. Воины кланов рвались в бой, и никто не препятствовал им.

…

Если бы не сенсорные системы "Хоплитов", Юсуф ни за что бы не обнаружил подбирающихся к периметру базы ганианцев. Дети пустыни чувствовали себя в песках, как в родной стихии, они двигались бесшумно и незаметно, как делали их предки, подкрадываясь к скудной добыче, от поимки которой зачастую зависело выживание рода.

Глядя на постоянно движущиеся барханы, Джалгет не смог отличить ползущих воинов от струящегося песка, ганианцы носили одежды в тон окружающему рельефу, их оружие было искусно выкрашено в цвета пустыни, и только датчики серв-машин сумели поднять тревогу…

В следующий миг Джалгету показалось, что он попал в ад.

Сотни ганианцев появились, будто из ниоткуда: звено "Хоплитов" успело лишь один раз огрызнуться очередями из орудий, как пустыня буквально взорвалась, – десятки запусков из ручных реактивных

комплексов опрокинули одну серв-машину, превратив две другие в пылающие факелы.

Людей Джалгета буквально выкосил шквальный автоматический огонь, и только ему, да еще двоим воинам, удалось укрыться за броней БМК.

Ганианцы, ободренные явным успехом, поднялись в атаку, стремясь одним рывком преодолеть отделявшие их от периметра базы несколько сот метров, но удача внезапно отвернулась от них: кибернетические системы подбитых "Хоплитов" успели транслировать по сети сигнал общей тревоги и серв-машины оцепления со всех сторон устремились к точке прорыва.

Атакуй ганианцы с разных сторон, возможно, их внезапный удар имел бы не временный, а полноценный успех, но ярость и жажда мести гнала опытных воинов вперед и вперед, окрыленные видом горящих "Хоплитов", они стремительно приближались к постройкам базы, не встречая сопротивления, но, как оказалось, за проломами в бетонном ограждении их ожидала засада – серв-машины оцепления двигались намного быстрее пеших воинов, и подоспели к точке прорыва периметра фактически одновременно с толпой разъяренных ганианцев.

Силы в стихийно разгоревшейся схватке были явно неравны. В бой вступили "Одиночки", – укрощенные кибернетические демоны, которых направляла воля избранных ширианских воинов, не знали пощады, они атаковали, сметая все на своем пути, не считаясь с повреждениями от нестройных залпов ручных реактивных комплексов, – снаряды их орудий крошили бетон, рвали плоть, ступоходы превращали в кровавое месиво агонизирующие тела; бой длился менее десяти минут, но его последствия ужаснули даже повидавшего многое Джалгета.

Ярость ширианских воинов-пилотов, находящихся в прямом нейросенсорном контакте с киберсистемами, не позволила "Одиночкам" применить стандартную противопехотную тактику, расстреляв противника с безопасной дистанции, – нет, повелители кибернетических демонов гнали их веред, словно земуров, топча врага ступоходами машин, что привело к неоправданным потерям: среди мертвых или агонизирующих тел ганианцев застыло порядка десяти сервомеханизмов, получивших критические повреждения от произведенных в упор залпов реактивных установок, по сути, здесь, на краю технического посадочного поля погибли все подготовленные Аль Кемраном пилоты, и только двум из них удалось выбраться из своих машин.

Джалгет смотрел на ужасающие картины, совершенно потеряв ориентации во времени и пространстве.

Пески пустыни и стеклобетонное покрытие стартопосадочного поля представляли жуткое зрелище: сотни окровавленных тел, обломки зданий, дымящие обломки механизмов, разбросанное оружие, все смешалось в единую картину *бойни*.

Юсуф, который еще в начале схватки попал под шквальный огонь, был вынужден прятаться под днищем изреченной снарядами БМК, ибо обезумевшие от крови ширианцы не разбирали целей, снося преграды, заботясь лишь о том, чтобы убить как можно больше врагов.

Когда к месту схватки подоспели отряды, отставшие от стремительной поступи ринувшихся к месту прорыва серв-машин, Джалгет уже выбрался из своего укрытия, и мрачно смотрел на раскинувшуюся перед ним панораму бойни.

Он почти ничего не слышал от множественных контузий, его одежду густо заляпала кровь, лицо казалось страшной маской, из за порезов осколочных ранений и покрывавшей его копоти.

– Соберите оружие, и отыщите тех, кто еще дышит. Нам нужны пленные для допроса… – прохрипел он, и, пошатываясь, пошел прочь.

Через минуту, немного придя в себя, он потребовал у находившегося поблизости воина коммуникатор, взамен своего, разбитого шальным осколком, и связался с Аль Кемраном.

– Рашид, мы отбили атаку. Потеряли пять серв-машин и почти всех пилотов.

Он думал, что эмир разразится проклятиями в его адрес, но тот произнес спокойным, почти ледяным голосом:

– Пусть воины поднимаются на борт "Нибелунгов". Возьми с собой один отряд и спеши к крейсеру. У нас осталось мало времени. Все готово к старту эскадры.

…

Спустя тридцать минут неистовый огонь объял стартопосадочные поля технических космодромов планеты Ганио.

Технические носители поднимали в космос два крейсера и десять фрегатов.

Ракетные носители, системы которых не подчинились дистанционным командам, остались неподвижны, и только два десятка "Нибелунгов" с серв-соединениями на борту, присоединившись к строю вновь сформированной эскадры, сопровождали зловещий старт.

Часть 2. Проклятье войны.

Глава 4. Наследницы "Сакса".

Планета Афина. Год спустя после посадки транспорта «Ширан»…

Сегодня Шайгалову захотелось побыть одному.

Бывает такое: накатит вдруг непонятная тоска, – не то усталость от напряженных работ накапливается, не то душа куда-то рвется… Не поймешь.

Прошел год с момента их появления на планете, которую Святогор предложил окрестить Афиной.

Название понравилось, хотя с древней мифологией были знакомы далеко не все.

…Многое изменилось за истекший год. Иван не удивлялся тому, что люди работают почти с такой же самоотдачей, как и киберсистемы.

Он был самым старшим из них. Шайгалову исполнилось пятьдесят, начало войны он застал девятнадцатилетним парнем, и. признать откровенно, не думал, что за тридцать один год, прошедший с того момента, как он перешагнул порог пункта вербовки, его душа сохранила способность жить не мерками одного дня, не гибельным напряжением боев, а… *иначе*, воспринимая каждое наступающие утро, как собственное обновление…

На Ширане казалось, что жизнь закончилась, пришла к своему закономерному финалу и впереди лишь несколько лет, (а может всего месяцев) напряженного, томительного ожидания, за которым последует беспощадный удар из космоса.

Удар пришел, но не от Флота Свободных Колоний.

Шайгалов часто спрашивал себя: почему они целый год провели в ожидании неизбежной развязки? Зачем ждали, когда можно было эвакуировать базу намного раньше, раствориться в льдистом сиянии звезд, начать новую жизнь?

Инерция мышления?

Да, наверное, так. Война стала для них если не смыслом существования, то привычным мерилом всех ценностей, среди которых уже не находилось места таким понятиям как "жизнь" или "любовь". Слишком много страшных эпизодов хранила память, рассудок оперировал въевшимися в него мотивами поступков, и лишь где-то в тайниках души у каждого из них еще теплился уголек человечности.

Прошедший год изменил многое, если не все, но, оглядываясь на

сделанное и прожитое, Шайгалов каждый раз начинал невольную борьбу с призраками, словно ему не верилось, что окружающая реальность не сон, а явь, созданная, в том числе, и его руками…

Год назад здесь кружил поднимаемый ветром пепел, возвышались похожие на окаменелые скелеты фантастических чудовищ решетчатые вышки древнего периметра, а потрепанные посадкой колониального транспорта джунгли казались абсолютно чуждыми, враждебными.

Сейчас на склонах двух искусственных насыпей, ограничивших рукотворную долину, зеленела трава.

Пресноводный ручей, берущий свое начало далеко в предгорьях, проходил через дамбу, возведенную за местом крушения колониального транспорта "Сакс", и, пройдя через систему фильтров, нес свои воды через долину, попутно орошая генетически модифицированные лесопосадки, успевшие за двенадцать месяцев вытянуться на полтора метра ввысь.

Зелень радовала, ласкала глаз, двухэтажные дома с многоскатными крышами, крытыми энергопоглощающей черепицей, постепенно *тонули* в ней, скоро кроны деревьев, кустарники, высаженные на гребне возвышенностей, и вездесущая трава окончательно скроют шрамы от посадки двух космических кораблей, маскирующие поля надежно скроют изолированное поселение от обнаружения орбитальными сканерами и тогда…

Мысль Шайгалова осеклась.

Он каждый раз останавливал свое воображение, когда дело касалось вопросов будущего. Нельзя далеко и категорично загадывать наперед. От этого правила, воспитанного войной, он уже не сможет избавиться до конца своих дней.

…Поднявшись по пологому склону, Иван на минуту остановился.

Сегодня он позволил себе сделать выходной. Дела в колонии уже не требовали пристального, постоянного внимания, критический момент развития давно пройден, восстановлено большинство аппаратуры, с борта колониального транспорта "Сакс", и обстановка под куполом статис-поля, полностью контролируется системами искусственного поддержания климата. Древние машины на поверку оказались хороши, неоценимы в вопросах преобразования небольшой территории.

На гребне пологих возвышенностей была заметна ровная цепочка уходящих к зеркальной глади защищенного скалами залива устройств, препятствующих взаимопроникновению двух биосфер. Воздух над своеобразной разделительной полосой струился подобием марева. Защита казалась призрачной, эфемерной, но Шайгалов знал, что ее не сможет

одолеть и ураганный порыв ветра.

Дальше простирались пустоши, между джунглями и долиной постоянно поддерживалась многокилометровая зона адаптивных посадок. Специальные культуры бактерий постепенно вытесняли исконную микрожизнь, готовя почву для земных видов растений, но пока пустоши выглядели довольно мрачно: земля потрескалась, лишь кое-где видны пожелтевшие султанчики травы, в некоторых местах еще возвышаются одинокие, похожие на папоротники растения, но они долго не выдержат под открытым солнцем, вне влажной, удушливой атмосферы, царящей под сумеречным пологом первобытных джунглей Афины.

Взгляд Ивана зацепил несколько свежих воронок, скользнул по громадным тушам звероящеров, вокруг которых галдели стаи стервятников. Ночью он слышал короткие отрывистые очереди автоматических орудий, и теперь не удивился открывшемуся зрелищу, вид воронок лишь напомнил ему о том, что до слияния двух биосфер еще очень далеко. Не так много у людей сил и средств, чтобы вести глобальное освоение больших участков поверхности, да и к чему? Колония малочисленна, места в долине хватает и для комфортного проживания, и для выращивания необходимых пищевых культур, так какой смысл враждовать с исконной биосферой, пытаясь отвоевать у джунглей не нужные пока гектары?

Думая об этом, Иван подошел к небольшой постройке, наполовину заглубленной в грунт.

Открыв двери, он оказался в прохладном помещении склада. Здесь имелась вся необходимая экипировка для выхода за пределы терраформированной зоны, даже небольшой одноместный вездеход с герметичной кабиной.

Съезжу, проверю станции биологического контроля. – Решил Иван, не изменяя привычке по возможности совмещать приятное с полезным.

* * *

За границей зоны ассимиляции начинались джунгли. Раньше они стояли плотной стеной, подступая к месту посадки, но теперь из-за постоянного прессинга расширяющейся площади экспансивного распространения земных микроорганизмов граница чуждой растительности отступила и начиналась редколесьем.

Шайгалов вел вездеход по знакомой просеке, проложенной кибермеханизмами. Сеть "лесных" дорог приходилось постоянно обновлять, джунгли не терпели свободных пространств, заполняя вырубки с удивительной скоростью.

Станции биологического контроля были расположены в глубине труднопроходимого лесного массива, где влияние земных форм жизни сходило на нет.

Проверять их следовало постоянно, – плотная стена растительности блокировала связь, а тянуть кабели казалось занятием бессмысленным, – жизнь в глубинах влажного тропического леса кипела не только на земле, но и под ней, так что надежной защиты для информационных каналов здесь не существовало в принципе. Чем постоянно искать и устранять порывы, проще было периодически посещать точки дислокации полевых лабораторий, снимая собранные анализаторами данные.

Для Шайгалова подобная вылазка являлась отдыхом. В последние месяцы Иван внезапно начал ощущать себя стариком. Сначала он гнал прочь обострившееся чувство возраста, резонно напоминая самому себе, что пятьдесят лет – это еще не старость, но аутотренинг не помогал. Глядя на своих бывших подчиненных, которым было по двадцать – двадцать пять лет, он почему-то продолжал чувствовать себя стариком.

Конечно, можно было поговорить со Святогором, тот наверняка дал бы полезный совет, но война сделала Шайгалова нетерпимым к слабостям, особенно к своим. Он ничего не мог с этим поделать. В былые годы проявление внутренней слабины закономерно вело к одному итогу: смерти.

Сейчас все воспринималось не так критично, но все же дискомфортно, болезненно. Он по-прежнему оставался руководителем колонии, никто не оспаривал руководящей роли полковника, тем более, что в структуре поселения по-прежнему поддерживались понятия субординации и дисциплины. Не смотря на явные успехи, никто не мог забыть жестокого опыта войны, в каждом жило понимание того, что они находятся в далеко не безопасном и отнюдь не дружественном окружении. За границами периметра начиналась иная Афина, чуждая человеку, готовая взять жестокую мзду за малейшую оплошность или небрежность.

Шайгалов лучше других понимал это. Вероятно, обострившееся чувство возраста не имело ничего общего с физическим тонусом организма, корни дискомфортного чувства крылись в глубинах отравленного войной сознания: каждый день, прожитый на войне, по количеству и эмоциональному напряжению приобретаемого жизненного опыта, несомненно, приравнивался к двум-трем неделям мирной жизни, а может и больше… так что оценить истинный возраст своей *личности*, Иван попросту не мог.

Его рассудок остро ощущал пропасть, возникшую между несколькими старшими офицерами и молодым поколением. Они сумели отвергнуть

жестокий опыт войны, их души постепенно оттаивали от вселенского безумия, молодежь как будто начала жизнь с нуля, отбросив прошлое, радуясь настоящему и не сильно тяготясь неопределенностью будущего. Шайгалов так не мог, не умел. Ему казалось, что в душе пройдена некая точка невозвращения. И дело заключалось вовсе не в том, что среди личного состава после памятных событий на Ширане осталось всего двенадцать женщин. Наверное, он разучился любить. Иван часто ловил себя на том, что может любоваться травой, деревьями, лаково провести ладонью по клейкой, едва распустившейся листве, но в общении с представительницами противоположного пола, его душа не испытывала никаких острых чувств.

Все они по-прежнему оставались его подчиненными, он испытывал одинаковое беспокойство и одинаковое чувство ответственности за каждого человека, будь то мужчина или женщина. Он радовался тому, что в колонии возникли семьи, вскоре должен был родиться первый *коренной* житель Афины… но что-то глубокое, личное, ускользало от понимания…

…Вездеход преодолел очередной участок просеки и оказался в замкнутом со всех сторон пространстве геометрически правильной вырубки.

Комплексный исследовательский аппарат биологического мониторинга представлял собой установленную на прочном фундаменте пирамиду высотой в полтора метра.

Все сканеры и датчики были надежно спрятаны под монолитом керамлитовой брони, на которой виднелись следы многочисленных попыток "несанкционированного доступа" в виде глубоких царапин, оставленных когтями местных "зверушек".

Иван подогнал машину вплотную к исследовательскому комплексу.

В глубинах джунглей следовало соблюдать осторожность, особенно при выходе из бронированного вездехода.

Прежде чем открыть люк Шайгалов некоторое время смотрел на показания датчиков, но не обнаружил ничего подозрительного.

Вокруг, судя по отчетам сканирующих систем, кипела обычная жизнь.

Открыв люк, он выбрался наружу, специальным ключом вскрыл сегмент обшивки пирамидальной конструкции и быстро сменил носители информации, изъяв кристаллодиск с данными и установив на его место чистый.

* * *

Событие, в корне изменившее жизнь Шайгалова, произошло

внезапно.

Он мог поклясться, что ни один сканер не подавал тревожного сигнала до того момента, как на набольшую вырубку из поднебесья внезапно не спикировала стремительная тень летающего звероящера.

Когда аларм-процессор скафандра вдруг выдал сигнал опасности, реагировать оказалось слишком поздно: стремительная тень уже материализовалась в кошмарное существо с кожистыми перепончатыми крыльями, размах которых перекрывал всю площадь вырубки.

Иван успел уклониться от удара расположенных на стыке сегментов перепончатых крыльев рудиментальных когтистых конечностей, но, отпрянув в сторону, он оказался отрезан от вездехода, теперь путь к машине преграждало массивное туловище летающей рептилии.

Шайгалов внутренне был готов к отражению внезапной атаки, и потому он не растерялся, мгновенно выхватив оружие, но выстрелы из импульсного пистолета не возымели на летающую тварь никакого действия: шариковые пули с визгом рикошетили от костяных пластин, покрывавших туловище и голову рептилии, – результатом стрельбы стали лишь несколько отверстий в кожистых крыльях, на которые хищная тварь не обратила никакого внимания.

Маленькие горящие глазки, не отрываясь, следили за добычей, длинный "клюв", усеянный с внутренней стороны огромными зубами, предназначенными отнюдь не для пережевывания растительной пищи, издавал злобное пощелкивание.

Почему молчит орудие вездехода?! – Промелькнула в сознании Ивана злая, недоуменная мысль.

Секундой позже тварь ринулась в атаку, и полковник, уклоняясь от удара, успел заметить, что автоматическое орудие разбито. Вес огромной рептилии вдавил вездеход в землю, сломав не выдержавшие внезапной нагрузки, наполовину выдвинувшиеся из корпуса спаренные стволы.

Все… – Шайгалов мгновенно понял, что попал в безвыходную ситуацию. Его личное оружие бесполезно, автоматика машины повреждена, огромная, но весьма подвижная тварь перекрывает направление на спасительную просеку. Нелепость. Он еще раз увернулся, целясь в крохотные глазки рептилии, но пули опять лишь содрали грубую кожу и оцарапали непробиваемый череп…

В следующий момент удар перепончатого крыла сбил его на землю.

Легкий скафандр не выдержал, полоснувшие по нему когти, вспороли двойной слой гермоткани; Иван почувствовал, как тут же онемела нога, взгляд полковника помутился, он еще пытался привстать, но внезапная,

необъяснимая слабость не позволила ему даже приподнять голову.

Рассудок захлестнула боль. Шайгалов не чувствовал, что ранен, скорее всего, острые когти рептилии выделяли какой-то токсин, попавший в незначительные порезы.

Мир стал тусклым, реальность стремительно теряла краски, но Иван даже в таком положении продолжал сопротивляться, если не физически, то морально, удерживая свое сознание на грани небытия.

Он не мог действовать иначе.

Иногда, в боях приходилось и хуже, но сейчас он не мог трезво оценить свои шансы. Рептилия могла поступить двояко – либо попытаться его сожрать, либо (в силу инстинктивного восприятия) отказаться от сомнительной пищи, и улететь, бросив умирать странную добычу.

Скорее последнее… – Иван надеялся, что сможет доползти до пирамидального комплекса аппаратуры и включить тревожный сигнал. Такими устройствами оснащалась каждая полевая лаборатория.

Меня найдут…

Тщета.

Тварь, похоже, не желала отказываться от завтрака. Чудовищной силы удар клюва по гермошлему разбил забрало, поранил лицо, теперь уже не кровавая пелена, а густая, сочащаяся из многочисленных порезов кровь заливала глаза Шайгалова.

Сознание начало меркнуть, но на фоне красноватой мглы его взгляд рефлекторно продолжал воспринимать смутные, неявные, уже проходящие на уровне бреда картины.

Тонкий свист рассекаемого воздуха…

Непонятная вибрация почвы, словно атаковавшая его тварь вдруг изменила намерения, судорожно и тщетно пытаясь взлететь, но у нее ничего не вышло – Шайгалов явственно ощутил глухой удар, сопровождаемый жалобным клекотом…

Сознание все еще теплилось, не покидало измученный рассудок, на фоне багряной, застилающей взгляд пелены смутно очертился контур *человеческой фигуры…*

Женщина.

Странная, нереальная, будто призрак.

В первый момент сердце Ивана глухо стукнуло, он было подумал о подоспевшей вовремя помощи, сознание на миг прояснилось от последнего волевого усилия, на какое оказался способен его теряющий силы организм и…

Он понял, что бредит.

Над ним действительно склонилась женщина, но на ней не было ни скафандра, ни элементарного костюма биологической защиты. Стройное, гибкое тело, почти обнаженное, если не принимать за одежду короткую травянистую тунику, смуглая кожа, тонкие черты лица, на фоне которых ее глаза казались преувеличенно-большими, короткая трубочка в руках и несколько миниатюрных дротиков за поясом…

Бред…

Он чувствовал легкие прикосновения, будто кто-то снимал с него порванный скафандр, а в сознании звучал далекий повторяющий шепот:

Спи… Спи.. Спи…

* * *

Колония Афины. Зона терраформированных земель…

Павел Кайманов находился в подавленном настроении.

Говорят, что беда не приходит в одиночку. Точнее не скажешь. Накануне пропал командир, теперь в самый разгар его поисков, внезапно отказал оставленный на орбите спутник-ретранслятор, и мобильные группы оказались без связи.

К вечеру все поисковые партии вернулись на базу, без потерь, но весть, которую они принесли, не могла обрадовать: в джунглях подле одного из комплексов биологического контроля был обнаружен разбитый вездеход, порванный, испачканный кровью скафандр, и труп огромной летающей рептилии над которой уже вовсю трудились стервятники.

Тело полковника Шайгалова отыскать не удалось.

Павел понимал, что в джунглях без скафандра не выжить. Раненый полковник мог, конечно, уйти с места схватки, бросив бесполезную гермоэкипировку, возможно он даже сумеет продержаться некоторое время, благодаря иммунным прививкам и метаболическому импланту, но единственная проходимая для человека дорога вела к базе. Просеку дважды прочесали сначала люди, затем механизмы, оснащенные боевыми сканирующими комплексами, но следов Ивана найти не удалось.

Либо он исчез, улетел по воздуху, либо его тело сожрали стервятники.

Павел хотел бы поверить в чудо, но война научила его мыслить реально. Не мог раненый Шайгалов уйти по кронам деревьев.

Пока он мрачно размышлял над теорией вероятности, сработали тревожные датчики периметра.

– Что там еще, Риган?!

– Паша, на нас со стороны океана идет пятиметровая волна.

– Проклятье… Но все метеопрогнозы были благоприятными!

– Да. – Риган ответил раздраженно, он сам плохо понимал что происходит. – Жду тебя на командном, Тут непонятное зарево у горизонта. Слишком далеко для эффективного сканирования, положительный сигнал есть только от термальных датчиков. Возможно, в океане идет извержение группы вулканов.

– Иду.

…

На командном пункте в этот час не было никого кроме Ригана.

Посмотрев на показания приборов, Кайманов не испытал облегчения.

Он не очень-то верил в фатальные цепочки случайностей. Сначала пропал командир. Это горько, больно, но объяснимо. Затем вдруг исчезла связь со спутником. И почти сразу за этим начинается стихийное бедствие с эпицентром, расположенным за тысячи километров от побережья.

Одно из двух – либо там действительно началось извержение группы вулканов, либо…

– Ты просчитывал вероятность того, что волна и зарево вызвано не извержением?

– А чем, по-твоему, они вызваны?

– Посадкой крупного космического корабля к примеру. – Ответил Павел, пристально глядя на датчики сканирующих комплексов. – Не верю я, что спутник внезапно и необъяснимо ушел с орбиты.

– Не знаю, Паша. Ты не слишком драматизируешь?

– Нет. У меня плохое предчувствие, Риган. – Кайманов сел в кресло, ввел пароль и начал набирать директивы на текстоглифных клавиатурах

– Что ты делаешь?

– Отменил старт дублирующего спутника.

– Почему?

– Потому что мы начали терять осторожность.

– Перестраховываешься?

– Пусть так. Если там извергаются вулканы – я с облегчением вздохну. Но если на острова совершил посадку космический корабль, его сканирующие комплексы зафиксируют старт, и тогда к нам явиться не пятиметровая волна, а что похуже.

– Ладно. Не будем спорить. Кстати, о волне. С ней нужно что-то делать.

– Риган, я не узнаю тебя сегодня. Забыл, что подобный вариант прорабатывался еще в самом начале?

– Все я помню. Только кто теперь отдает приказы?

– Я. Пока не найдено тело командира приказы отдаю я.

– Хорошо. Мы взрываем скалы?

– Да. Только подпустим волну поближе, чтобы взрыв не зафиксировали сенсоры противника.

– Павел, не перегибай. Это обычное извержение.

– Я тебе уже сказал все, что хотел. Подрыв зарядов только по приближению волны на критически допустимую дистанцию. И следи за этим заревом, мне думается через час– полтора оно исчезнет, так же внезапно, как и появилось.

Риган лишь кивнул в ответ, воздержавшись от дальнейших комментариев. Исчезновение командира больно ударило по всем, и не удивительно, что Кайманов вдруг начал "охоту на ведьм". Все действительно складывается одно к одному, а нервы, как выясняется не железные. Тем более что за год мирной жизни они все начали понемногу *забывать о войне…*

…

Через тридцать минут, когда исполинская волна цунами приблизилась к побережью, Риган подорвал заряды, установленные в основании скал, образующих узкую "горловину" залива.

Тонны камня обрушились в воду, создав мощную дамбу высотой в тридцать метров. Залив, таким образом, превратился в подобие лагуны. По результатам компьютерного моделирования поселению в долине ничто не угрожало: удар цунами, конечно, разрушит надводную часть преграды, но при этом волна потеряет свою энергию. По флангам поселение защитят искусственно возведенные насыпи, которые, по расчетам, так же выдержат напор воды.

Закончив моделирование ситуации, Риган, довольный прогнозом кибернетической системы, посмотрел на датчики сканирующих комплексов, чтобы окончательно поставить точку в мысленном споре с Пашей.

Ральф несколько раз сморгнул, затем зачем-то сменил несколько каналов телеметрии, но результат остался прежним: зарево, ясно различимое в ночи, у самого горизонта исчезло так же загадочно, как и появилось.

– Лейтенанта Кайманова на командный пункт. Срочно. – Выдохнул Риган в коммуникатор, понимая, что извержение, вызвавшее пятиметровую волну в океане, не могло прекратиться так быстро.

* * *

Иван пришел в сознание необычным образом.

Для полковника процедура возвращения в реальность после длительного беспамятства была знакома, он не раз приходил в себя после тяжелых ранений, но никогда еще это не происходило так легко, словно он спал глубоким, здоровым сном, и просто проснулся, не ощущая тяжелых постэффектов ранения.

А было ли оно?

В чудеса Шайгалов не верил. Память сохранила недвусмысленные травматические воспоминания, сообразуясь с которыми он вообще не мог выжить, придти в себя.

Если только… его бред не являлся реальностью.

Стараясь не шевелиться, он осмотрелся, двигая только зрачками глаз.

Он лежал в лесу.

Влажный воздух нес незнакомые запахи, незнакомые в силу того, что ни один человек не выходил в джунгли без защитных костюмов, с обязательными дыхательными фильтрами, которые отсеивали все флюиды запахов.

Я выбрался с вырубки самостоятельно?

Мысленное предположение показалось сомнительным. Полковник ощущал, что его тело обнажено, и лежит он не на голой земле, а на какой-то мягкой приятно пахнущей подстилке.

Пришлось пошевелиться, слегка повернув голову.

Так и есть. Первое впечатление не обмануло, хотя оно оказалось справедливым лишь наполовину.

Он действительно лежал на мягком, приятно пахнущем ворохе травы, но все остальное стало для Ивана внезапным откровением: под ним протиралась сумеречная бездна, вокруг плотно смыкался шатер листвы и ветвей, его импровизированное ложе имело в своей основе конструкцию, сплетенную из тонких, но прочных прутьев, прикрепленных лианами к надежной развилке толстых ветвей.

На какой высоте он находиться, определить было невозможно, – вокруг царили таинственные сумерки, и лишь высоко над головой в прорехи листвы проникали косые столбы солнечного света, в которых с назойливым звуком роилась мошкара.

Ни оружия, ни одежды…

Убедившись, что за ним не наблюдают, Иван попробовал приподняться, опираясь на локоть. Это удалось, и он получил возможность осмотреть свою ногу.

Три параллельно изгибающихся розовых шрама тянулись от колена к бедру. Значит, та тварь все же успела глубоко вонзить когти, не только

порвав скафандр, но и нанеся глубокие раны. Теперь ему было неудивительно, что он так быстро начал терять силы после рокового удара. Судя по шрамам, ранение оказалось глубоким, что неизбежно наводило на мысль о быстрой кровопотере.

Я вообще не мог выжить в джунглях при таком ранении.

Прислушавшись к ощущениям своего организма, Иван с возрастающим недоумением понял, что не чувствует никаких последствий тяжелейшей травмы. Нога не болела, даже кожу в районе шрамов не стягивало, а мышцы, которые наверняка были порваны ударом когтистой лапы, послушно сокращались. Да и сознание, вернувшись к нему, оставалось ясным с первой секунды после удивительного "пробуждения".

Ситуация резко выходила за рамки обыденности. Все произошедшее с ним нельзя было объяснить с позиций привычной логики.

Шайгалов был в курсе всех проводимых в джунглях исследований и прекрасно отдавал себе отчет, что организм человека, даже после иммунных прививок не способен справиться с вредоносным воздействием исконной биосферы Афины.

Ему явно помогли, он уже не ставил под сомнение тот необычный женский образ, что сохранила память, но откуда в джунглях могли взяться люди, и почему они стали помогать ему?

* * *

Ответ на заданные самому себе вопросы Иван получил спустя четверть часа, когда его сомнения и чувство неопределенности достигли своего апогея.

Завеса листвы внезапно раздвинулась, и под своеобразный полог вошла та самая женщина, образ, которой сохранила память Шайгалова, ничуть не изменился, он сразу узнал ее, хотя сумрак скрывал многие детали.

Увидев, что Иван пришел в сознание, незнакомка улыбнулась, но он чувствовал, что несколько разделяющих их шагов похожи на бездну. Она замерла в нерешительности, затем осторожно приблизилась.

Шайгалов решил, что проявлять инициативу преждевременно.

Она человек, вне сомнения. – Он размышлял с внутренним напряжением, чувствуя, как организм возвращается в привычное состояние собранности, концентрации внимания, разум работал ясно, словно не было тяжелого ранения и длительного беспамятства.

За годы войны полковнику Шайгалову не раз приходилось общаться с представителями разных (порой совсем не дружественных) планетных

цивилизаций, возникших в результате Велико Исхода и прошедших четырехсотлетний путь развития, либо деградации в условиях чуждых биосфер. Борьба за выживание накладывала неизгладимый отпечаток на энное поколение колонистов, а порой прессинг чуждого мира оказывался столь силен, что видоизменял людей не только психологически, но и физически.

…Она тоже несла в своем облике печать изменений. Шайгалов сразу заметил некоторые своеобразные черты незнакомки. Например, ее уши выглядели заостренными, как у мифического эльфа, брови чуть приподняты, разрез глаз широкий, взгляд пристальный не моргающий…

С точки зрения мужчины она красива… – невольно оценил облик незнакомки Иван. Стройная, гибкая фигура, спокойное симпатичное лицо, вот только взгляд непонятный, двоякий, в нем за несколько секунд успело промелькнуть выражение радостного удивления, настороженности, уверенности в своих силах и… растерянности.

Такая гамма чувств, которую она даже не попыталась скрыть, для полковника, который в силу должности и жизненного опыта хорошо разбирался в людях, говорило о сильной, но противоречивой натуре его спасительницы.

Конечно, он не был столь самонадеян, чтобы претендовать на полное понимание: они еще не сказали ни слова, лишь обмен взглядами выдал некоторые *узнаваемые* оттенки чувств.

Она не стала приближаться, а присела на мягкий ворох свежей благоухающей терпкими ароматами травы. Ее движения были плавными, тягучими, но не медлительными, их наполняла необъяснимая грация и сила.

Вообще-то Иван не забывал, что они находятся на приличной высоте, где-то в гуще древесных крон. Если местные жители, присутсвия которых на планете не смогла определить ни одна кибернетическая система, живут среди "верхнего" яруса джунглей, то они по определению должны быть сильными, ловкими, привычными к акробатике…

Звук ее речи прозвучал неожиданно: два слова, произнесенные на незнакомом Шайгалову языке, не резанули слух, а лишь отозвались звенящей наряженной нотой: вне сомнения это был один из языков древней Земли…

– Я не понимаю. – Ответил Шайгалов на интеранглийском.

Она внимательно выслушала ответ, некоторое время продолжая испытующе смотреть на Ивана своим проницательным, немигающим взглядом.

Он внезапно поймал себя на ощущении, что его собственный взгляд тонет в ее глазах. От этого вдруг начинали путаться мысли, становилось не по себе, странная, непривычная дрожь пробегала вдоль позвоночника.

Тем временем незнакомка протянула руку и словно по волшебству извлекла из гущи листвы тонкую ветвь, на которой, как на обыкновенной вешалке, крепилась такая же, как у нее, сплетенная из трав туника.

Неадекватная замена скафандру. – Подумал Иван. – Удивительно как я вообще до сих пор жив?

Он все же рискнул одеться, хотя предполагал, что любая из трав может вызвать внезапную аллергическую реакцию организма.

Пока он облачался в странную и непривычную одежду, его спасительница приблизилась и, заметив, что Иван закончил с нехитрым гардеробом, взяла его за руку, настойчиво поманив за собой.

Ее ладонь была мягкой и теплой.

Сердце вздрогнуло от прикосновения, да и она внезапно побледнела, словно испытала в этот момент своего рода шок.

Не смотря на явное взаимное смущение, она не отпустила его руки, только ее пальцы вдруг передали дрожь, а ладонь сжалась еще крепче.

Свободной рукой она отодвинула полог листвы.

Иван увидел некое подобие плавного спирального спуска, со всех сторон защищенного густым сплетением ветвей и лианоподобных растений.

У него не вызывало сомнений, что они идут по толстой причудливо изогнутой ветви дерева.

Босые ноги ощущали шероховатую фактуру коры, сколько метров до земли – совершенно непонятно. Вокруг смыкается зелень, и везде видны следы человеческих рук, тщательно переплетавших между собой различные растительные формы.

Иван понимал: бесполезно задавать вопросы, между ними пролегла незримая семантическая пропасть, но многое становилось понятно и без комментариев. Дорога, по которой они шли, была явно сформирована искусственно, но чтобы вырастить такой удобный, широкий "серпантин", сформировав его из молодого побега, который постепенно, по мере роста закручивали вокруг ствола исполинского дерева, наверняка потребовался не один десяток, а может и добрая сотня лет. Количество ответвлений спирального спуска, наводило на мысль о развитой инфраструктуре искусственно созданных дорог, или улиц, проложенных сквозь кроны деревьев на высоте нескольких десятков метров от земли.

Город. Город на деревьях – подумал Иван. Само слово "город"

означало крупное поселение, значит людей, переживших катастрофу колониального транспорта "Сакс" было много, несколько тысяч человек, как минимум.

Они сохранили знания и сумели выжить без явных защитных устройств, пользуясь только приемами прогрессивной ассимиляции [19].

Не удивительно, что мы не смогли обнаружить сохранившийся очаг цивилизации. – Подумал Шайгалов, по ходу поражаясь странному, изощренному, порой даже причудливому виду живых конструкций, о предназначении которых можно было лишь догадываться. – Слияние с исконной природой планеты послужило идеальной маскировкой, – продолжал мысленно рассуждать он, – учитывая, что все «ярусы» влажного тропического леса переполнены жизнью, на фоне проявлений которой очень сложно выявить небольшую группу людей, сосуществующих в тесном контакте с исконными биологическими формами.

…

Спиральный спуск привел их к основанию исполинского дерева. Пространство обширной площадки было тщательно очищено от ветвей, опавшей листвы и прочего "естественного" мусора. Плотно утрамбованная земля не сохраняла следов, в этом Шайгалов убедился сразу, и потому он не мог судить, насколько многолюдно бывает у основания дерева.

Секундой позже Иван услышал характерный присвист сервомоторов и, присмотревшись, увидел, как из сумрака со стороны еще одного исполинского древовидного растения к ним приближается человекоподобный кибернетический механизм, – андроид серийной модели "Хьюго БД-12" какими оснащались все без исключения колониальные транспорты эпохи Великого Исхода.

– Доброе утро, сэр. – На безукоризненном интеранглийском произнес дройд, у которого, судя по силовой кобуре и наличию оружия в ней, был активирован третий уровень программной свободы [20]. – Меня зовут Антей. У вас есть ко мне вопросы или просьбы?

Звуки интеранглийской речи, откровенно порадовали Шайгалова. Многие встреченные им на жизненном пути народы отвергали язык урбанизированной прародины. *Значит* – он взглянул на свою спасительницу – *дройд будет нашим переводчиком… Отлично*.

Она произнесла несколько слов, и андроид действительно перевел их, с удивительной точностью передав голос и интонации своей хозяйки, будто говорила она сама:

– Не бойся. Твои ранения уже зажили, а наша одежда не причинит

тебе вреда. В ней травы полезные для любого человека.

– Я не боюсь. – Ответил Иван. Он понимал, что первые фразы сыграют решающее значение, – чем дружелюбнее он будет себя вести, тем больше шансов наладить контакт, который приведет к конструктивному диалогу.

Он не замечал, что мыслит сухими практичными критериями, сказывалась многолетняя привычка командовать, отвечать за людей, принимать сложные решения. Если бы Шайгалов мог взглянуть на себя со стороны, оценить не только внешность, но и внутренний мир, он бы многое понял, но увы…

– Как тебя зовут, спасительница? – Произнес Иван и сам удивился необычному речевому обороту, несущему не просто дружелюбие.

– Лада. – Ответила она и тут же добавила, с притворным, как показалось Шайгалову лукавством:

– Ты странный. Я подумала, что ты – машина, а когда раздела – оказалось – человек. Но, не такой, как мы… – уточнила она.

– Нет, я не машина. Я человек. – Ответил он, внезапно осознав, что не знает, как вести разговор. Ему, конечно, следовало поблагодарить свою спасительницу, но…

– Ты спасла меня. – Не уверенно начал он.

Лада улыбнулась.

– Это было несложно. – Неожиданно ответила она.

– Несложно? – Шайгалов усмехнулся. – Я бы так не сказал.

– Большой хищник не так опасен, как маленький. Его легко победить, зная уязвимые места. – Лада коснулась тонкой трубки, закрепленной на поясе ее травянистой туники.

– Ты убила ящера таким дротиком? – Шайгалов намеренно использовал два нечасто употребляемых специфических слова, но андроид прекрасно справился с переводом.

– Да, мы пользуемся духовыми трубками и дротиками. Старое оружие неудобно и бесполезно. У любого ящера есть несколько мест, не защищенных панцирем. Чтобы убить большое животное нужно тихо подкрасться и точно попасть. Дротик летит не так далеко, как пуля, но он бесшумен, и его легко обработать ядом.

Теперь Шайгалову многое стало ясно.

– Ты не назвал себя. – Напомнила Лада, пресекая его попытку проанализировать услышанное.

– Иван. – Он неловко поежился, вспомнив, что одет в травянистое "платье".

– Красивое имя. У нас то же есть такое. – *Ивана.*

– Женское имя?

– Да. Мы все женщины. Мужчин не осталось. – В ее голосе прозвучала хорошо знакомая Шайгалову горечь – так мог говорить человек, познавший цену невосполнимых утрат.

Племя лесных амазонок? Но как они поддерживают свой род?!

– Ты хорошо знаешь историю своего народа?

– Да. – Не задумываясь, произнесла она.

– Недалеко отсюда я видел обломки колониального транспорта "Сакс".

– Мои предки прилетели на этом корабле. – Согласно кивнула Лада.

– Значит, вы сохранили сумму исторических и технических знаний?

Она задумалась, прежде чем ответить. Казалось, в ее глазах промелькнула тревога, но Иван не мог судить с уверенностью…

– Я понимаю тебя. – Наконец ответила Лада. – Да, мы помним о событиях прошлого, пользуемся некоторыми механизмами.

– А что лежит в основе вашей жизни?

– Лес. Он наш дом.

Их диалог с одной стороны казался все более непринужденным, а с другой становился похож на игру в одни ворота, – Лада только отвечала на вопросы, не задавая встречных.

Шайгалов едва ли обратил внимание на этот аспект, ему казалось очень важным выяснить как можно больше об исконной цивилизации Афины.

– Ты сказала: "мужчин не осталось". – Он понимал, что задает болезненный для нее вопрос. – Что случилось с ними?

Глаза Лады потемнели.

– Я знаю больше, чем ты думаешь – произнесла она. – В космосе шла война. Я была девочкой, когда сюда прилетели люди на больших кораблях. Они забрали всех мужчин, даже детей, объявив, что на нашей планете будет база. Они обещали, что все вернуться сюда невредимыми, после того как пройдут "обучение" – она произнесла это слово с запинкой.

– И?

– Война закончилась. Никто не вернулся.

– Сколько же вас осталось?

– Мало. – Неопределенно ответила она. – Очень мало… А базу они так и не построили, – предупреждая вопрос Шайгалова добавила Лада. – Их машины что-то делали на островах, но потом куда-то исчезли.

Иван понимал, что должен выразить сочувствие, но, прислушавшись к себе, он вдруг с внутренним холодком понял, что просто не умеет утешить,

не может подобрать *правильных* в такой ситуации слов, а те, что приходили на ум, казались затасканными, пошлыми, не искренними...

Я похож на машину. – С внезапной, необъяснимой тоской подумалось Ивану, когда его взгляд коснулся древнего дройда,

Война превратила его в морального калеку, но, чтобы осознать это, ему нужно было повстречать Ладу, а затем взглянуть на древнего дройда.

Чудес не бывает…

Он не мог расслабиться. Его губы улыбались в ответ на улыбку Лады, в душе действительно пробивались ростки неведомых ранее чувств, но на фоне мелких незначительных изменений шла постоянная холодная, рассудочная оценка ситуации, он машинально, по привычке анализировал каждый свой шаг, каждое слово, то есть внешние проявления и внутренние оценки вдруг пошли в разрез, порождая ощущение двойственности, моральной лжи что ли?

Ему было неудобно в этой дурацкой, травянистой тунике, в душе росла саднящая тревога: *ну не могли мы пропустить явные признаки цивилизации пусть даже они полностью ассимилировалась с исконной жизнью планеты*…

Лицо Лады настораживало, ему казалось, что он уже однажды видел подобные черты, но где, когда и при каких обстоятельствах, вспомнить не мог, и потому собственное поведение казалось ему сплошной фальшью, которую полковник не терпел у других и тем более не выносил в собственной душе.

Не выдержав, он сказал, обращаясь к Ладе:

– Извини, но я должен буду уйти. Далеко отсюда до места крушения "Сакса"?

Она отреагировала достаточно спокойно:

– Километров двадцать. Я понимаю. – Она опустила взгляд. – Есть люди, которые беспокоятся о твоей судьбе, верно?

Шайгалов медленно кивнул. Чувство моральной ответственности перед людьми, которые либо не перестают искать его, либо считают мертвым, довлело над рассудком.

– Я должен идти. – Повторил он.

– Потом ты придешь опять? – Лада посмотрела на него с нескрываемой надеждой.

Шайгалов в такие моменты терялся. Он отвык, что чувства могут быть *не контролируемыми*, отражающимися в глазах, жестах мимике… Все кого он знал и помнил были… другими. Суровые в любви и дружбе, сдержанные, скупые на эмоции.

– Да. Я вернусь. – Ответил Иван после недолгой паузы, машинальным жестом одернул тунику, словно та была полевой формой. – Выведешь меня на просеку?

Она кивнула, и Шайгалову показалось, что Лада сделал это раньше, чем дройд перевел его просьбу.

Где же я видел ее лицо?

– Может быть, ты пойдешь со мной? Мои друзья были бы рады.

Лада отрицательно покачала головой.

– Позже. – Односложно ответила она. – Мне нужно поговорить с подругами, и все рассказать им.

* * *

Лейтенант Кайманов находился в компьютерном центре колонии, когда датчики дальнего обнаружения зафиксировали движение на южной границе зоны ассимиляции и джунглей.

Взглянув на показания приборов. Павел переключился на визуальный контроль.

В первый момент он не поверил своим глазам: со стороны лесного массива к границе защитного периметра шел человек.

Мгновенно отработала система идентификации, утверждая, что биометрические данные соответствуют матрице полковника Шайгалова.

Павел давно разучился верить в чудеса, но сейчас он смотрел на укрупненное по его команде изображение и…

Впервые за последние годы Кайманов не знал, что ему делать, – радоваться, удивляться или запустить самотестирование систем наблюдения на предмет программного сбоя.

Иван…

Однозначно Иван!... Но он идет босиком, без скафандра в какой-то непонятной сотканной из трав хламиде…

Фрайг побери, там же опасная для жизни биосфера!

Палец лейтенанта так и не коснулся сенсора общей тревоги. Стояла глубокая ночь, в колонии сейчас бодрствовал только он, да равнодушные, не умеющие удивляться кибернетические системы.

С этим надо разобраться по-тихому. – Придя в себя от изумления, решил лейтенант.

Через минуту, захватив оружие и запасной комплект экипировки, он вышел из компьютерного центра и бегом направился к той части периметра, где сработали тревожные датчики.

* * *

Шайгалов понимал, что его приближение заметят, потому остановился за несколько шагов до струящегося марева обозначающего границу маскирующих и защитных полей.

Из плотного сумрака, который лишь слегка рассеивал свет звезд, да отраженное сияние бледной маленькой луны – спутницы Афины, внезапно раздался знакомый чуть настороженный и хрипловатый от волнения голос:

– Командир?

– Привет, Паша. – Шайгалов представил себе ощущения лейтенанта и усмехнулся. – Грешишь на сбой систем? Решил, что надо бы проверить все по-тихому?

– Иван мы считали тебя мертвым.

– Как видишь, я жив. Или ты не рад?

– Рад. Извини, но…

– Не комплексуй лейтенант. Я вернулся. Согласен, вид у меня несколько необычный. Спасибо, что не поднял тревогу. Давай так, – ты подгонишь сюда полевую стерилизационную камеру, я пройду через нее, чтобы не принести какой заразы на территорию колонии. А потом мы с тобой поговорим начистоту, но все, что я расскажу, пока останется между нами. Идет?

– Без проблем. Я захватил для тебя человеческую одежду.

Шайгалов только усмехнулся, но на душе вдруг стало тревожно. Так тревожно, словно его возвращение действительно могло принести колонии какие-то проблемы.

Глава 5. Механические воины.

Борт трофейного крейсера. То же время…

Рашид Аль Кемран в тяжелой задумчивости стоял посреди огромной рубки боевого поста крейсера, медленно переводя взгляд с кристаллосхем, накрытых прозрачными колпаками из бронепластика, на экраны внешнего обзора, где раскинулась панорама безжизненной пустыни, занимавшей девяносто процентов поверхности огромного острова.

В его сознании царили сумерки.

Он старался, но не мог постичь тех сил, что двигали огромными космическими кораблями, они, – взгляд Рашида неприязненно скользнул по многочисленным индикационным сигналам на приборных панелях, – они жили своей жизнью, не подвластной его понимаю.

Он по-прежнему ощущал себя букашкой, случайно забравшейся сюда, в недра электронно-механического мира.

Рассудок отказывался принимать данность. Он был беспомощен что-либо предпринять, все действия автоматических систем происходили без его участия, и нет никакой победы в том, что ему удалось увести корабли с Ганио, передислоцировав их на эту планету.

Один фрегат разбился при посадке. Корабли сели так тесно друг к другу, что их легко уничтожить одним массированным ударом с орбиты. Боевые системы крейсеров и фрегатов бездействуют.

Где та призрачная победа, к которой он стремился? Где величие и власть? Что ему толку в неимоверной мощи, которой он не может осмысленно воспользоваться?

Чем глубже Аль Кемран погружался в собственные мысли, чем пристальнее смотрел на кристаллосхемы модулей "Одиночка", тем сильнее, явственнее ощущал свой страх перед искусственными интеллектами.

Они воистину *демоны*. Количество открытых гнезд, ждущих, когда в них вставят модули «Одиночек» угнетало его.

Мысли путались, сознание расслаивалось, знания, насильственно полученные при имплантации, смешивались с возродившимися предрассудками, от этого начинала разламываться голова…

Десять избранных воинов, прошедших вместе с ним мнемоническую подготовку, погибли, отражая бесноватую атаку ганианцев.

Невосполнимая для Рашида потеря. Теперь только он сам, да еще Джалгет обладали навыком вождения серв-машин, но что проку в этом,

когда Рашиду внезапно открылась иная специализация "Одиночек" – только они были способны эффективно управлять огромными кораблями в бою, мгновенно отдавая сотни приказов, исполняя тысячи действий. Его знаний хватало, чтобы осознать проблему, но дальше все – тупик. Он не знал и не мог предсказать, как поведут себя искусственные интеллекты, если он сейчас подключит их к кибернетической сети корабля.

Рашид боялся "Одиночек". Он не верил в их лояльность и не знал, как гарантировать их беспрекословное подчинение.

Проклятье.

Его планы рушились, и это происходило в тот момент, когда он должен был радоваться победе.

Мысли окончательно смешались, он не знал, что такое психологические срывы, часто наступающие после имплантации и мнемонического обучения. Его рассудок вновь видел в искусственных интеллектах и иных кибернетических системам, темную неподвластную и непонятную силу.

Отродья шайтана… – Мысленно выругался он, оборачиваясь к Джалгету, который все это время сидел в кресле, играя четками.

На лице Юсуфа не было даже намека на испуг. Наоборот он выглядел вполне довольным.

– Чему ты радуешься? – раздраженно спросил Аль Кемран.

– Победе. – Ответил Джалгет, не понимая причины мрачного настроя эмира..

– Это не победа. – Наконец произнес Рашид. – Мы воспользовались услугами предателей. А дальше двигались по воле шайтана, полагаясь на его молчаливых приспешников.

– Разве корабли не подчинились нашей воле? – Резонно заметил Юсуф, красноречиво указав взглядом на экраны, где раскинулась панорама мира, заранее избранного для тайного убежища эскадры.

Глаза Рашида налились кровью.

– Ты что, действительно ничего не понимаешь, Джалгет?! Как управлять кораблями в бою?!

Юсуф искоса посмотрел на кристалломодули.

– Подчини их своей воле.

– Может, попробуешь сам? – Рашид был недалек от того, чтобы задушить Юсуфа голыми руками. – Я потрачу годы жизни, укрощая горсть демонов. Мои воины… – Он перешел на хриплый шепот – похожи на стадо диких земуров. Они боятся всего на свете, их пугают большие машины, они, как женщины, бледнеют при виде Великой Пустоты!

– Ты прав. – Помрачнев, согласился Джалгет. – Но у нас есть пленники. Часть рабов умеют *правильно* управлять машинами. Нужно еще раз их допросить.

– Допросить их конечно нужно. – Гнев Рашида понемногу улегся, но хаос в рассудке прогрессировал. – Мне не разорваться на части! – Внезапно выкрикнул он. – Почему мои воины так нерешительны и глупы? – Разве их не обучали тому же, что и предателей с Ганио?

– Ты же сам сказал: они страшатся демонов. Их пугает Великая Пустота.

– В таком случае они не воины… – Голос Аль Кемрана осип от крика. – Мне нужны преданные и решительные люди, а не стая скулящих эшаргов, которые однажды вцепятся мне в спину, напав исподтишка, только потому, что им страшно.

– Была великая война, Рашид. В ней принимали участие не только люди. Я спрашивал пленных, и они ответили – в душу любого демона можно вселить свою волю.

– Как? – Спросил Аль Кемран. Он водил серв-машины, но думал, что способность повелевать огромными шагающими механизмами дана ему, и еще полутора десяткам избранных ширианцев по приказу покойного адмирала Рахманова.

– Я не могу объяснить, как это происходит. – Развел руками Джалгет. – Пленники, допрошенные мной по отдельности, называют таинство подчинения демонов "нейросенсорным контактом". Они говорят, что любой воин, имеющий имплант, способен соединить свой разум с кибернетической системой и излить в нее свою волю.

– И что дальше?

– Дальше демон начинает действовать так, словно он человек.

– Ты точно понял слова пленников?

– Точно. Я задавал много вопросов и получал один и тот же ответ. Даже под пытками.

– Я подумаю над этим. – Ответил Рашид., перед которым, впервые за последние сутки робко блеснул лучик надежды. Все воины, которых он взял с собой, прошли имплантацию в полевом хирургическом центре на Сауда. Значит, еще не все потеряно. Если Юсуф все правильно понял, то они смогут стать повелителями доброй сотни механических убийц, захваченных на Ганио вместе с кораблями.

Мысль Аль Кемрана, наконец, обрела нужную направленность.

– Теперь скажи, – вновь обратился он к Джалгету – ты видел машины похожие на нас?

– Конечно, видел. Мы захватили около тысячи таких механизмов.

– Найди среди пленных человека, который знает, как они устроены.

– Могу я спросить зачем? Эти "андроиды" хорошо копают землю, прислуживают за столом, некоторые могут ремонтировать другие машины.

– На Сауде есть другой вид. Я побоялся брать их с собой. Они умеют воевать и беспрекословно исполняют любой приказ. Если захваченные механизмы будут послушны моей воле и при этом смогут не только копать землю, но и носить оружие, я создам из них иную армию. Нужно добыть необходимую информацию. Ты понимаешь меня, Юсуф?

– Да, эмир. Я понимаю. Но истинные воины могут взбунтоваться, узнав, что им предпочли механических детей шайтана.

– А вот это уже не твоя забота, Джалгет. Найди мне необходимые сведения, а устройством армии я займусь сам. Все останутся довольны, ничья родовая честь не пострадает.

* * *

Рашид был близок в своих рассуждениях к истине.

Он, не смотря на имплантированные знания, не мог постичь всех тонкостей кибернетических систем, высокие технологии по-прежнему оставались для него загадкой, зловещей тайной, но Аль Кемран обладал одним преимуществом: он всеми силами старался побороть свой инстинктивный страх и жаждал власти. Неограниченной власти над попавшими в его руки машинами.

В нем шла постоянная борьба между брезжащим на горизонте сознания миром хай-тек и теми верованиями, что он унаследовал от предков.

Теперь, встав на путь великого завоевания, он должен был решить внутреннюю дилемму, устранить губительную двойственность восприятия.

Но что могло позволить вчерашнему кочевнику шагнуть через пропасть, равную целому тысячелетию прогресса?

При всем желании, учитывая незаурядную волю Рашида, его бесстрашие, он не смог бы понять ни принципов конструирования механизмов, ни основ их программирования.

Он невольно трепетал перед силой готовой подчиниться ему, он физически ощущал неимоверную мощь огромных кораблей, способных преодолевать бездну пространства, появляясь подле звезд, вокруг которых обращались планеты, призванные стать основой новой империи, его Халифата!

Однако хоть Рашид и не слышал о колосе на глиняных ногах, но

интуитивно он опасался возникновения именно такой ситуации, когда захваченные территории фактически начнут выходить из-под его власти. Нет. Он желал завоевать весь мир, всю Вселенную и сжать созданную империю в железном кулаке собственной воли, чтобы никто не смел даже помыслить о сопротивлении.

Зураб Рахманов совершил великое зло.

Заботясь о личном благополучии, мечтая создать утопию из нескольких миров скопления Ширана, он перешагнул границу дозволенного, применил технологии насильственного обучения к людям, сознание которых отторгало часть знаний, подменяя их суевериями, по сути, он вложил современное оружие в руки беспощадных бойцов, привыкших решать любую проблему с позиции силы.

Действия адмирала Рахманова проторили дорогу в Обитаемую Галактику для людей, поступки которых по-прежнему мотивировались на уровне племенных междоусобиц, и вот наиболее сильные попрали слабых, и теперь стояли на пороге принятия жуткого решения – вкусив от первой победы, не поняв, но ощутив неимоверную мощь боевых кораблей, осознав, что могут убивать и властвовать, если сумеют получить неограниченную власть над разнообразными "демонами", такие как Рашид или Юсуф уже были морально готовы продать свои души той силе, что едва не уничтожила человечество.

Беда заключалась еще и в том, что технологии, выработанные в ходе Галактической войны, не препятствовали их замыслам. Модули "Одиночка", способные принимать сознание человека, обучаться на основе сканирования биологических нейросетей, вполне могли стать кибернетическими копиями Аль Кемрана или Джалгета.

Такой оборот событий означал лишь одно – реанимацию прошлого, в самом наихудшем, беспощадном варианте развития событий.

* * *

Рашид все еще мучительно размышлял над создавшимся положением, когда Джалгет привел в рубку управления одного из пленников.

Ганианец оказался совсем молодым, лет двадцати не больше. На воина не похож, лицом и сложением – полукровка.

– Он признался, что прошел нужную нам подготовку и умеет обращаться с *любыми* машинами. – Юсуф толкнул пленника в спину и тот едва не разбил себе голову о выступ переборки.

– Остынь Джалгет. Развяжи ему руки.

Когда приказание было исполнено, Рашид указал взглядом на

пустующее кресло и спросил:

– Ты молод для воина. Кто твой отец?

– Моим отцом был главный инженер всех военно-технических баз планеты Ганио. – С трудом шевеля разбитыми губами, ответил тот.

– Твое имя?

– Ашбек. Так назвала меня мать.

– Скажи, Ашбек, ты действительно можешь раскрыть нам тайны кибернетических систем? Или ты солгал, чтобы прекратить пытку? – Рашида смущал возраст пленника. В его годы можно стать хорошо проявившим себя воином, но путь мудрости долог, это удел старцев.

– Я знаю о машинах почти все. – Ашбек облизал начавшие кровоточить губы. Увидев это, Рашид поморщился, протянув ему кусок материи.

– Вытрись. Сейчас принесут еду и напитки. Ты расскажешь мне, как повелевать механическими созданиями?

Ашбек затравленно осмотрелся.

Бежать некуда. Помещение имеет только один вход, подле которого, усмехаясь, застыл этот садист, Юсуф.

В отличие от других воинов, плененных на Ганио, Ашбек не принадлежал ни к одному из кланов. Он родился и вырос на военной базе, там же получил образование, а затем и специальность. Выбор профессии казался очевиден и не вызывал сомнений. Ашбек с малых лет имел дело с компьютерами, сначала это являлось забавой, увлекательным времяпровождением, спасением от скуки и злых, драчливых сверстников, затем, заметив склонность сына к миру электроники, отец, постоянно проживающий на Ганио, решил, что из Ашбека выйдет толковый кибернетик, – так в десятилетнем возрасте, в самый разгар Первой Галактической, Ашбек после имплантации базовых знаний попал в планетарные ремонтные доки, где ему пришлось обучаться на практике, постепенно превращаясь в специалиста широкого профиля. Война не оставляла выбора, ему приходилось ремонтировать и отлаживать кибернетические сети не только отдельных механизмов, но и огромных космических кораблей.

Впрочем, Ашбек никогда не жаловался на свою судьбу. Он охотно занимался любым делом, на практике постигая азы настоящего мастерства, и к двадцати годам уже мог разобраться с большинством серьезных неполадок, возникающих у различных типов и модификаций кибернетических устройств. На базе Ашбека уважали, и это позволяло ему сохранять независимость даже после того, как умерла мать, а отец не

вернулся на Ганио после очередной командировки.

Жизнь продолжалась, к нему приходили мужчины кланов, с просьбами отремонтировать тот или иной механизм, Ашбек не отказывал никому, и вскоре, поняв, что война окончилась, а созданная Альянсом инфраструктура понемногу начинает приходить в упадок, разворовываться местными жителями, он, воспользовавшись моментом, самовольно занял один из ремонтных боксов, где собрал нужное оборудование и открыл собственную мастерскую.

Его жизнь понемногу начала складываться, он становился известным и уважаемым человеком, не смотря на свое сомнительное происхождение и молодость. За два десятилетия присутсвия на планете тайных ремонтно-технических баз Земного Альянса, ганианцы привыкли к обилию техники, существенно облегчавшей их быт, и не желали расставаться со своими машинами из-за незначительных поломок, поэтому знания Ашбека всегда были востребованы, и молодой компьютерный техник начал привыкать к своему привилегированному положению и спокойному, безбедному существованию.

Так было до рокового утра, когда на Ганио, при явном предательстве со стороны Клана Джамарфат не обрушилась эта дикая, полоумная орда кочевников, каким-то чудом сумевшая добыть коды управления штурмовыми носителями, и базирующимися в ангарах "Нибелунгов" серв-машинами.

Ашбек откровенно не мог понять этих людей.

Его просто пугала смесь диких нравов и непонятно откуда взявшихся обрывочных знаний, которые демонстрировали воины Звездного Халифата (так называли себя люди Аль Кемрана).

Что мне делать теперь? – Мучительно размышлял Ашбек, пока бытовой андроид, несносно визжа скверно отлаженными сервомоторами, сервировал стол. В данный момент помышлять о каком-то сопротивлении было бессмысленно. Да и не хватит у него смелости. Сейчас Ашбек почему-то особенно ярко вспомнилось детство, когда выйти за пределы военно-космической базы означало для него быть избитым и обобранным своими же сверстниками, из числа чумазых, драчливых мальчишек, которым он не мог дать достойного отпора.

Глядя на ужасные (с его точки зрения) варварские блюда, состоящие из кусков мяса, зажаренных на костре, воняющих дымом и местами сочащихся кровью, он внутренне содрогался, воображение, простимулированное бессонной ночью и изощренными пытками, рисовало абсолютно безрадостные картины.

Когда стол был накрыт, Ашбек понял, что будет давиться, но глотать эти отвратительные куски мяса, расскажет все, что знает и сделает все, что прикажут, лишь бы избежать повторных пыток и избиений.

Над последствиями своих поступков он не задумывался. Двадцать лет он прожил, выкручиваясь между грубой силой кланов и снисходительным отношением штатного персонала планетарной базы. Если разбираться беспристрастно, у него не было ни родины, ни привязанностей, ни чувства долга перед кем или чем-либо. Единственная жизненная ценность, не вызывавшая в душе Ашбека никаких сомнений, было его личное, сиюминутное благополучие.

* * *

Приступая к трапезе, Рашид был мрачен как никогда.

Ему только что доложили, что на борту одного из штурмовых носителей ночью возник пожар, в дыму из-за внезапно опустившихся герметичных переборок задохнулось полтора десятка воинов. Собственно, они сами были виноваты в случившемся. *Тупые отродья пустынного маграка*. – Зло думал он них Аль Кемран. Он запретил людям покидать борт кораблей, понимая, что планета, на которой укрылся флот, враждебна и опасна. Люди просто передохнут, как заразившийся красной чумой скот, если будут вдыхать не очищенный воздух. Однако дети пустыни, которых он взял с собой, чтобы приучить их к обстановке космических перелетов, додумались развести костер в грузовом отсеке, а затем в дыму и панике перестреляли кибермеханизмы, выдвинувшиеся по системе технических коридоров к месту возгорания.

Подобных проблем хватало с избытком и это не приносило Аль Кемрану ничего, кроме лишних хлопот, и мрачных предчувствий.

Отогнав тяжелые мысли, он взглянул на пленника с Ганио.

Слишком молод, чтобы оказаться полезным, – промелькнула в сознании раздраженная оценка.

– Ну, расскажи мне, что ты умеешь?

Вопрос заставил Ашбека вздрогнуть, невольно втянув голову в плечи. Он растерялся. Как ответить на такую размытую, обобщенную формулировку? Сказать что "умею все"?

Предательская дрожь ползла по спине. Щекотливые капли липкого пота скатывались под одеждой.

Меня убьют, если я буду молчать.

Взгляд Ашбека внезапно впился в бытового андроида, древней, уже давно снятой с производства серии.

Модель «Хьюго БД-12». – Безошибочно определил Ашбек. Он часто сталкивался с подобными механизмами на Ганио, и был прекрасно осведомлен о трехуровневом программировании таких машин.

Этот дройд, судя по характерным особенностям поведения и некоторым, понятным лишь грамотному технику признакам, до последнего времени пребывал в консервационном хранилище. Его приводы издавали слишком громкий звук, координация движений была нарушена из-за отказа половины датчиков пространственной ориентации. Да и поведение говорило само за себя. Завершив бесхитростную сервировку стола, он отошел в угол отсека и застыл там, будто изваяние. Явно у него был активирован первый уровень программной свободы, без определенной привязки к конкретной личности. В таком состоянии сервомеханизм исполнял лишь четко сформулированные приказы, относящиеся к сфере бытового обслуживания, и подчинялся любому человеку.

В сознании Ашбека все вышесказанное промелькнуло за доли секунды. Ему не нужно было раздумывать над конструкцией и особенностями программного обеспечения человекоподобного механизма – он знал их как свои пять пальцев.

– Джелави [21], – осторожно и почтительно обратился он к Рашиду. – Много ли пользы приносит этот механизм?

– Он вообще не приносит пользы. – С прежним раздражением ответил Аль Кемран. – Любой пастух справился бы лучше и быстрее.

– Я мог бы сделать его великим, непобедимым воином, который в точности исполнит любой приказ Великого Эмира, не заботясь о своей жизни. – Ашбек старался говорить спокойно, специально избегая технических терминов, излагая мысли простым, понятным языком. – Он никогда не предаст своего хозяина, не причинит ему вред, никогда не устанет, не уснет на посту, выполнит любое задание.

– Ты лжешь. – Насупился Рашид. – Я видел сотни таких машин на планетах Ширана, но ни одно из этих тупых исчадий шайтана не принесло мне пользы.

– Я не лгу.

– Тогда докажи свое мастерство. – Зловеще усмехнулся Аль Кемран. – Сделай так, как сказал и будешь вознагражден. А нет – Юсуф с удовольствием вырвет твой лживый язык.

Ашбек встал из-за стола, чувствуя, что дрожит всем телом, опасливо покосился на равнодушного к происходящему, скрестившего руки на груди Джалгета, и понял, что отступать уже поздно, да и некуда…

Животный ужас, который он испытывал перед этими людьми, внезапно придал Ашбеку сил.

Подойдя к андроиду, он точным, заученным до автоматизма движением подцепил ногтями фрагмент защитного кожуха, легко снял его с креплений, обнажив миниатюрную панель встроенного программатора.

Будь Ашбек настоящим воином, воспитанным в духе кланов Ганио, через пару минут звезда Рашида Аль Кемрана закатилась бы навсегда. Однако полукровка не думал о мести. Он заботился лишь о собственной шкуре, прекрасно понимая, что удачный, а главное эффективный способ демонстрации произведет на эмира самое благоприятное впечатление, и тогда – кто знает, – возможно, что судьба Ашбека Рогманова совершит очередной поворот, возвысив его, снова превратив в незаменимого специалиста, которого станут почитать эти дикие люди, вознамерившиеся завоевать всю Обитаемую Галактику?

Ашбек совершенно не думал о том, что сейчас, "великие завоеватели", мягко говоря, не состоятельны в плане удовлетворения заявленных амбиций, а он своими действиями в буквальном смысле вкладывает им в руки мощнейшее оружие, способное изменить ход истории.

Нет. Он был слишком напуган, чтобы мыслить в таком русле.

Дрожащими пальцами он вскрыл кожух второго корпуса, за которым в грудной полости андроида был надежно скрыт дымчатый шар ядра системы, рядом с которым располагался главный сервомоторный узел.

– Ну? – ударил в спину голос Рашида.

Ашбек обернулся.

– Мне нужна специальная графитовая смазка, некоторые инструменты и кристаллодиски, хранящиеся в сейфе, который встроен в переборку отсека управления каждого штурмового носителя.

– Эти сейфы не открываются. – Мрачно произнес Джалгет, которому возня с андроидом казалась всего лишь попыткой никчемного юнца оттянуть время своей смерти.

Ашбек, повидавший за десять лет работы и обучения не одну сотню искалеченных штурмовых носителей, знал универсальный аварийный код технического доступа к сейфу, где обычно хранились диски с резервным программным обеспечением. Среди прочего там находились программы, предназначенные для андроидов пехотной и технической поддержки. От страха за собственную жизнь Ашбек соображал быстро, он знал, что у него будет только одна попытка произвести благоприятное впечатление на свирепого эмира, и потому его рассудок выдавал одно нестандартное решение за другим: Рогманов знал, что современные боевые машины

человекоподобного типа конструировались на основе серийной модели "Хьюго БД-12", а значит "продвинутое" программное обеспечение при умелом подходе может быть проинсталлировано в систему дройдов, которыми оснащались колониальные транспорты. Такой ход был необходим Ашбеку, чтобы, включив третью степень программной свободы, он мог продемонстрировать Рашиду Аль Кемрану не только полное послушание сервомеханизма, но и его несомненные боевые качества.

Такого сочетания, как узкоспециализированные боевые программы современных пехотных дройдов и гибкость мышления, способность к саморазвитию, присущие моделям "Хьюго", до этого момента не создавал никто.

Ашбек вовсе не был уверен, что у него все получиться, но когда на кон поставлена собственная жизнь, любой риск оправдан. Слишком внятно ему объяснили, что ждут чуда, наглядного, определенного, а не нудной лекции с массой непонятных терминов и цифр.

– Говори код доступа. – Раздался хрипловатый голос Джалгета. – Я сам схожу и проверю.

Рогманов четко выговорил цифробуквенную комбинацию и, не надеясь на память Юсуфа, тут же записал ее в память электронного планшета, который без толку валялся на столе.

Когда Джалгет вышел, Рашид, в ожидании дальнейшего развития событий, начал задавать Ашбеку вопросы, касающиеся его прошлого.

Ашбек отвечал быстро, даже не запинаясь, хотя внутри все изнывало от страха и сомнений, – код он назвал верный, но вдруг этот тупой садист что-то напутает и сейф не откроется?

Наконец в коридоре за приоткрытым овальным люком раздались приближающиеся шаги.

– Щенок не соврал. – Джалгет боком протиснулся в узкий зазор приоткрытого люка. В руках он держал неудобный, поделенный на ячейки герметичный пакет, в котором находилось около сотни кристаллодисков.

Рашид одобрительно кивнул.

– Ты говорил про какие-то инструменты? – Напомнил он Ашбеку, который едва не лишился чувств от невероятного облегчения при виде стандартной упаковки с носителями информации.

– Да, эмир. Все что мне необходимо находиться на технической палубе крейсера.

– Юсуф проводи.

* * *

Спустя час один из технических отсеков крейсера, куда из любопытства перебрался Рашид Аль Кемран, превратился в аналог полевой технической лаборатории. Посреди помещений стоял, подпертый двумя стойками, наполовину разобранный андроид. От переносного устройства чтения кристаллодисков к дымчатому шару, в котором было скомпоновано ядро кибернетической системы дройда, тянулись несколько оптоволоконных кабелей.

Таинственно взмаргивали искорки индикаторов, тихо шелестели отремонтированные сервоприводы, проходящие стандартный тест на подвижность.

Загрузка боевых программ успешно завершилась, и сейчас Ашбек колдовал над древней панелью ручного ввода команд.

Собственно он уже был практически уверен в успехе. В свое время, еще на Ганио, чтобы оградить себя от поползновений со стороны наиболее жадных и наглых воинов кланов, он написал программу, позволяющую дройдам серии "Хьюго" использовать обучающие виртуальные модули рукопашного и стрелкового боя. В результате, два бытовых андроида, принадлежавших лично Ашбеку, однажды продемонстрировали такие не свойственные им навыки, что отбили всякую охоту нагло вваливаться в "офис" к Рогманову с требованием бесплатно отремонтировать тот или иной агрегат.

Жаль тех дройдов. Из-за активированной третьей степени программной свободы они бесславно и бессмысленно пали под огнем орудий штурмового носителя, осуществившего посадку неподалеку от мастерской Ашбека.

Разница между программным обеспечением пехотного дройда и виртуальными обучающими модулями, конечно, была, но не зря Рогманов занимался кибернетикой с десяти лет. Сейчас он добился главного – ядро системы человекоподобного механизма восприняло его программу, при помощи которой были обнаружены и успешно инсталлированы новые виртуальные модули, описывающие модель боевого поведения пехотного дройда.

Наступал решающий момент. После установки на свои места всех компонентов, перепрограммированный "Хьюго" должен будет получить третью степень программной свободы, и продемонстрировать хозяину свои боевые качества.

Ашбек работал очень тщательно.

От этого зависела его жизнь.

…

– Ну? – Рашид, раздраженный долгим ожиданием, все же стоически вытерпел, пока Ашбек не закрепил на место последний из снятых кожухов, оставив открытой только панель встроенного ручного программатора. – Что теперь?

Рогманов коснулся известного ему сочетания сенсоров и кибернетический механизм "ожил": раздался едва слышный шелест исправных сервомоторов, фигура человекоподобного механизма более не напоминала манекен или статую, он выпрямился, затем повернул голову, фиксируя бесстрастным взглядом двух видеокамер окружающую обстановку, запоминая лица людей.

– Джелави… Вы не могли бы подойти сюда? – Почтительно попросил Ашбек.

– Зачем? – Рашид сделал знак Джалгету и тот поднял оружие готовый в любой момент изрешетить и дройда и Ашбека. Штурмовая винтовка "АРГ-8" хоть и устарела морально, но по сравнению с импульсным оружием обладала одним неоспоримым преимуществом – "классическая" пуля не рикошетила, как шариковый боеприпас. Она прошибала металл и рвала плоть, не оставляя шансов отделаться легкими повреждениями или ранением.

– Я полностью подготовил механизм, эмир, – дрогнувшим голосом пояснил Ашбек. – Теперь нужно чтобы вы завершили процесс, став его полновластным хозяином.

– Что я должен сделать? – Рашид смело шагнул к андроиду и добавил, обращаясь к Ашбеку: – Запомни, щенок, я пока не твой эмир. Эту честь нужно заслужить.

Рогманов побледнел.

Ничего – мысленно успокаивал он себя. –*Сейчас все изменится.*

– Так что мне делать? – Аль Кемран вновь начал терять терпение. Возня с андроидом ему порядком надоела.

– Маленькое техническое чудо, – пробормотал Ашбек, активируя третью степень программной свободы.

Человекоподобный механизм вдруг тремя четко разделенными движениями повернул голову, переводя взгляд с одного лица на другое.

Внезапно в напряженной тиши отсека раздался голос, произносящий слова на чистом арабском языке, который лежал в основе языков Ширана и Ганио:

– Активирован третий уровень программной свободы. Для успешного завершения процедуры инициализации, необходим образец ДНК и эталон голоса для ввода речевых команд.

– Джелави, нужно приложить сюда свой палец – Ашбек указал на тускло подсвеченное окошко встроенного в панель программатора сканера.

– Держи его на прицеле, Джалгет. – Рашид подошел к андроиду и приложил указательный палец правой руки к окошку сканера.

Не прошло и секунды, как подсветка погасла.

– Прошу образец голоса для распознавания речевых команд.

На этот раз Рашид сам сообразил, что кибермеханизм уже обращается лично к нему.

– Ты бесстрашный и непобедимый воин. Мое имя Рашид Аль Кемран. Я твой хозяин и повелитель.

Ничего сверхъестественного не случилось, лишь андроид мягко, но требовательно отстранил Ашбека, самостоятельно закрыл последний элемент декоративного кожуха и произнес:

– Образец голосового ряда записан. Какие будут приказания, сэр?

Знакомое слово, заимствованное из интеранглийского языка, резануло слух Рашида.

– Называй меня "эмир" или "повелитель".

– Данные приняты. – Дройд по-прежнему проявлял бесстрастность в поведении.

Рашид был немного разочарован.

– Я не вижу, чтобы он стал бесстрашным и непобедимым воином. Ты пытаешься обмануть меня?

Ашбек подошел в Аль Кемрану и прошептал:

– Повелитель мы можем провести испытания. Я все продумал. Если вы облачитесь в тяжелый бронескафандр, то мы сможем дать легкое стрелковое оружие нескольким пленникам. Шариковые пули не пробивают титано-керамлитовый сплав, но пленники не станут думать об этом. Они захотят мести. Пусть андроид проявит себя.

– Ты предлагаешь мне встать под пули? – Рашид гневно обернулся, но когда смысл сказанного дошел до него, лицо эмира вдруг просветлело. – Да, это будет забавно.

* * *

Колония Афины. Тоже время…

Наступал рассвет когда полковник Шайгалов в сопровождении Кайманова, вышел из медицинского отсека.

– Значит прошло двое суток с моего исчезновения?

– Да. Мы не прекращали поисков.

– То есть поисковые группы проходили буквально "в двух шагах" от

древесного города?

– Выходит так.

– И ни один сканер не зафиксировал сигнатуру андроида? Странно. Тебе не кажется это подозрительным, Паша?

– Мне все кажется подозрительным. – Признался Кайманов. – Вопросов слишком много. Почему исконные обитатели Афины не вступили с нами в контакт? Года, по-моему, вполне достаточно, чтобы присмотреться к нам и понять, что мы такие же люди и прилетели сюда с вполне ясными мирными намерениями.

– Здесь я с тобой не соглашусь. Джунгли Афины их дом, а мы занялись терраформированием, то есть уничтожением исконной растительности на определенных площадях.

– Тогда какой смысл спасать тебя, лечить, а затем отпустить назад?

– Я же сказал тебе – их осталось мало, может всего несколько десятков человек. Личное общение со мной привело к некоторому взаимопониманию, сняло часть вопросов и страхов.

– Все же что-то не стыкуется командир. Твое ранение лечили не местные знахарки, вывод сканирующего комплекса однозначен – тебя врачевал модуль полевой хирургии. Налицо регенерация тканей…

– Я знаю, Паша. Но всему может быть найдено разумное объяснение. Город на деревьях не мой вымысел. Вот увидишь, – утром возьмем с собой Святогора и сходим туда.

– Есть более срочное дело командир. – Кайманов открыл дверь командного пункта колонии, пропуская Шайгалова вперед.

– В чем проблема? – спросил Иван, занимая свое обычное место.

– Сошел с орбиты спутник. – Осведомил его Павел. – Чуть позже над океаном наблюдалось зарево, одновременно с этим за полторы тысячи километров отсюда зародилась пятиметровая волна.

– Как долго наблюдалось зарево? – Шайгалова не просто неприятно поразила новость, он по-настоящему напрягся от мгновенного дурного предчувствия.

– Отсветы были видны на протяжении четырех часов пятнадцати минут.

– Система анализа?

– Система дает два равно вероятных прогноза: учитывая, что в том направлении расположена группа крупных островов, можно предполагать кратковременное, но интенсивное извержение вулканов, либо посадку крупных космических кораблей, с применением технических носителей.

– Почему так неопределенно?

– Слишком далеко. Без спутника наблюдать острова мы не можем, а зарницы у горизонта дают минимум информации.

– К чему склоняешься ты? – Шайгалов уже идентифицировался и включил глобальную тактическую систему компьютерного центра.

– Я склонен поддержать версию извержения вулканов – ответил Кайманов.

– Почему? Аргументируй.

– Если на острова совершила посадку группировка единиц флота, мы почувствовали бы это еще в процессе их схода с орбиты. Сам понимаешь, прошло уже три года после капитуляции, уцелеть могли только "Одиночки", а их тактика известна. Они не начнут проводку крупных кораблей через атмосферу не разведав обстановку на поверхности планеты.

– Значит, АРК не появлялись?

– Нет, командир. Только зарево у горизонта. Боевые соединения так не действуют.

– Нужно проверить Паша. – Тон Шайгалова не допускал возражений. – Вариантов много больше, чем ты только что перечислил. Сход спутника с орбиты – важная деталь, которой нельзя пренебречь. Теперь посмотри сюда, – Иван жестом указал на виртуальный голографический дисплей системы анализа. – Зарево можно разделить на составляющие, по степени интенсивности свечения. Согласен, в сумме картина довольно обыденная, и ее можно объяснить извержением. А вот частности свидетельствуют о противоположном. Во-первых, нет явных признаков выброса вулканического пепла. Посмотри, изображение чистое, сияние не тускнеет, хотя облака пепла должны создавать неравномерные помутнения, а то и вовсе блокировать район извержения. Во-вторых, спектральный анализ указывает на полное отсутствие продуктов извержения в атмосфере. Теперь по отдельным элементам составляющим "зарево". – Шайгалов говорил короткими, отрывистыми фразами. – Смотри, оно легко делиться на источники разной интенсивности. Теперь их можно рассматривать по отдельности. – Он сделал несколько переключений на пульте. – Видишь периодичность в свечении отдельных источников? Сам проанализируешь или дать карту сигнатур?

Кайманов побледнел. Его кулаки невольно сжались. Как же я мог так…

– Спокойно Паша. Все мы расслабились, успокоились относительно вопроса завершения войны. Я понимаю тебя. Мне легко – пришел со свежим взглядом, а у тебя была куча проблем с моим исчезновением, с волной, угрожавшей смыть колонию.

– Командир, отдельные вспышки идентифицируются как отсветы от работы планетарных двигателей "Нибелунгов". Есть еще источники, совпадающие с сигнатурой посадочного режима технических носителей.

– Вижу. Два десятка штурмовых носителей и как минимум двенадцать крупных кораблей. Вот тебе и извержение…

– Поднимать группу немедленного действия?

– Поднимай. Нужно проверить, кто к нам пожаловал.

* * *

Район островов. Несколькими часами позже…

Выжженное огнем планетарных двигателей пространство уже не истекало сизыми струйками дыма. Огромные корабли твердо стояли на остекленевшей поверхности; в сумерках они казались темными горными образованиями.

Тактика осуществившей посадку группировки космического флота вызвала массу недоуменных вопросов. Не работали маскирующие поля, не был развернут защитный периметр, вокруг кораблей не наблюдалось обычного движения технических сервомеханизмов, надстройки сканирующих систем двух крейсеров и десяти фрегатов оставались в свернутой позиции, и только сканеры "Нибелунгов" работали, хотя взаимное расположение штурмовых носителей создавало множество "мертвых зон".

Если бы кораблями управляли модули искусственного интеллекта, картина была бы совершенно иной.

Группа Шайгалова вот уже пол часа как наблюдала за темными громадами, пытаясь выяснить, кто и с какой целью осуществил посадку целого флота на территории островов.

В сторожкой предрассветной тишине особенно четко слышался каждый звук.

У горизонта наметилась робкая полоска зари, когда заработала десантная аппарель одного из штурмовых носителей.

Глухо стукнула об остекленевшую поверхность плита многотонного подъемника, и окрестности огласил знакомый до дрожи ноющий визг тактовой поступи боевой серв-машины.

Шайгалов почувствовал, как знакомый холодок смертельной опасности ползет по телу.

Нет, что-то не так.

Серв машина двигалась неуклюже, ее тяжелая поступь была неуверенной, словно у механизма сбоил гироскоп самостабилизации.

Сделав несколько шагов "Хоплит" остановился в опасной близости от обшивки "Нибелунга" и как результат, – едва не задел выступ надстройки штурмового носителя при попытке совершить торсовый поворот.

Проклятье… Кто же управляет техникой? «Одиночками» тут даже не пахнет…

Шайгалов, соблюдая радиотишину, жестом отдал распоряжение бойцам разведгруппы, а сам начал осторожно смещаться вбок, чтобы иметь возможность заглянуть хотя бы издали в проем открытой десантной рампы.

Близость "Хоплита", сенсоры которого вполне могли обнаружить фигуру в бронескафандре, постоянно держала полковника в напряжении. Фототропное покрытие хорошо защищает на дистанции в двадцать-тридцать метров, а Шайгалову предстояло проползти в нескольких шагах от серв-машины.

Он двигался осторожно, но достаточно быстро.

"Хоплит", начал разворачиваться.

Иван мгновенно оценил последствия такого маневра. Ступоходы машины находились в неправильном положении, похоже, что вся бортовая автоматика по непонятной причине бездействовала, не вмешиваясь в неумелые действия таинственного пилота.

Шайгалов успел поменять направление и, уже не маскируясь, рывком ушел из опасной зоны, прежде чем землю потряс глухой удар – соракапятитонный "Хоплит" потерял равновесие и рухнул, подмяв стойки автоматического подъемника аппарели.

Дальше события развивались предсказуемым образом: прошло не менее минуты, прежде чем в днище опрокинувшейся серв-машины открылся люк, и оттуда появилась фигура пилота, облаченного в легкий полевой скафандр.

Шайгалов покосился в сторону притаившихся неподалеку бойцов.

Берем? – Красноречивым жестом предложил Кайманов.

Иван ответил отрицательно.

Обнаружить свое присутствие на планете означало подписать смертный приговор колонии.

Тем временем пилот, не пострадавший при падении серв-машины благодаря амортизационным механизмам пилот-ложемента, выпрямился в полный рост, и вдруг… с неистовой злобой пнул огромный ступоход, разразившись потоком бессвязных ругательств.

Аудиосистема его скафандра оказалась включена в режим "громкой связи", и Шайгалов с невероятным удивлением понял, что слышит знакомые речевые обороты.

Пилот изрыгал проклятия на ширанском языке!

Иван мог предполагать все что угодно, но только не это. Откуда у кочевников с Сауда или Ширана взялись "Нибелунги" он еще мог объяснить, однако на острова осуществил посадку целый флот, причем, как успел определить полковник, крейсера и фрегаты не имели видимых повреждений. Обычно крупные корабли вообще не входили в атмосферы планет, подобные маневры были оправданы только в двух случаях: либо флот нуждался в серьезном стационарном ремонте, либо группировка космических кораблей скрывалась от превосходящих сил противника.

Они прячутся. Теперь, услышав проклятия, адресованные строптивому механическому демону, Иван понемногу начал понимать ситуацию. Естественно на кораблях имелись все положенные автоматические системы, именно автопилоты, а не люди осуществляли процедуру посадки. Неверная дислокация кораблей диктовалась в этом случае ограниченной площадью суши и нарушением очередности входа в атмосферу отдельных кораблей. Зная натуру ширианцев, Шайгалов не сомневался – сразу после посадки все автоматика была отключена суеверными воинами, которые видели в кибернетических системах проявление злых потусторонних сил.

Общая картина складывался противоречивой и абсурдной.

Теперь полковнику не было смысла рисковать, и он отступил к позиции группы. Нужно было принимать решение, и оно, на взгляд Шайгалова казалось очевидным. Они выяснили, кто совершил посадку на острова, однако информации явно недоставало для планирования дальнейших действий.

Нужно попытаться снять информацию через технические порты доступа. – Подумал полковник, делая знак Кайманову.

Соприкоснувшись забралами гермошлемов, они получили возможность говорить, не нарушая радиотишины.

– Паша возьми двух человек, задача: подключиться к сети штурмового носителя через внешний технический порт. Скопируй всю доступную информацию. После этого тихо уходим. Никакой стрельбы, а тем более диверсий.

– Автоматика тревогу не поднимет?

– Нет. Она отключена. Но все же будь осторожен. Копируй данные, не перемещая их. Воспользуйся аварийным кодом технического доступа.

– Понял, сделаю.

…

Павел не успел приступить к исполнению полученного приказа.

В броне исполинского крейсера, возвышавшегося над "Нибелунгами" и опрокинувшейся набок серв-машиной, внезапно открылся люк шлюзовой камеры, и на остекленевшую поверхность, обожженную огнем планетарных двигателей, спустилась группа, состоявшая из шести человек и одного андроида.

Разведчики замерли, фототропная броня надежно укрывала их от визуального обнаружения.

Рассвет уже полностью вступил в свои права, сумерки истончились, вот-вот над горизонтом должен был появиться край солнечного диска, вокруг между застывшими кораблями по-прежнему царила тишина, и звуки ширианской речи разносились отчетливо, гулко, повторяясь многократным эхом.

По непонятной причине воины в скафандрах пользовались устройствами громкой связи. Шайгалов на всякий случай включил автоматическое сканирование частот связи, но в эфире царила тишина.

– Выведите пленников! – Зычный, усиленный аудиосистемой скафандра голос звучал, подобно рыку дикого обитателя джунглей Афины.

Из шлюзовой камеры появились еще три человека облаченные в легкие скафандры, какие обычно носили служащие из состава технического персонала.

Дальнейшие события произошли в считанные секунды.

Трое пленников, оказавшись в тесном кольце конвоиров, вооруженных легкими штурмовыми автоматами системы "ИМ-25" внезапно, не сговариваясь, бросились на них, мгновенно разоружив не ожидавших нападения ширианцев.

Ловкость и бесстрашие выдавали в пленниках опытных бойцов. Они не потеряли ни секунды, используя эффект внезапности: три щедрые очереди полоснули по закованным в тяжелую титано-керамлитовую броню фигурам. Нужно сказать, что Ашбек недооценил опыта ганианских бойцов – трое конвоиров были убиты из-за собственной беспечности, – они не удосужились закрыть вторые бронированные забрала боевых шлемов. Этому помешал суеверный страх: ширианцы чувствовали себя крайне дискомфортно, когда визуальное восприятие окружающего вдруг сужалось до рамок небольших проекционных экранов внутри наглухо бронированного шлема.

Три фигуры в тяжелой броне повалились на землю, прозрачное стекло внутреннего забрала боевой экипировки не выдержало попаданий, возможно, та же участь ждала бы и Рашида, но державшийся рядом андроид внезапно, еще до первого выстрела сделал резкий шаг вперед, –

система анализа предугадала событие, и он успел заслонить Аль Кемрана своим корпусом.

Шариковые пули щедро хлестнули по броне "Хьюго", оставляя вмятины на его кожухах, но это не остановило дройда, – его реакция оказалась быстрее, чем мгновенный испуг Рашида или попытка Джалгета открыть ответный огонь.

Продолжая прикрывать Аль Кемрана собственным телом, дройд резко вытянул руку, бесцеремонно вырвав у Юсуфа "АРГ-8".

Пленники уже разбегались в разные стороны, на ходу грамотно укрываясь за посадочными опорами "Нибелунга", когда им вслед грохнуло три одиночных выстрела, произведенных с четко различимым на слух интервалом.

Три пули с нечеловеческой точностью поразили бегущие цели.

Андроид опустил штурмовую винтовку и, повернув голову, произнес, обращаясь к Рашиду:

– Опасность миновала, господин. Противник уничтожен.

Рашид, откровенно потрясенный произошедшим, посмотрел сначала на неподвижные тела троих беглецов, затем на трупы незадачливых конвоиров, потом его взгляд скользнул по вмятинам, оставшимся на корпусе дройда и, наконец, спросил:

– Как ты узнал, что они станут стрелять?

– Мои сканеры зафиксировали некоторые движения, предшествовавшие произведенному действию. Эти люди готовились захватить оружие. Я предпринял упреждающий шаг.

– Ты спас мою жизнь. – Рашид не мог скрыть потрясения. – И ты истратил всего три пули… – его взгляд вновь скользнул к неподвижным фигурам в серых технических скафандрах. Лужицы крови, натекшие под телами убитых, немо свидетельствовали о результате стрельбы андроида.

– Рашид, давай вернемся на корабль. – Раздался голос Джалгета. – И скажи своему демону, пусть вернет мне оружие.

– Возьмешь себе новое. – Ворчливо отозвался Рашид, заходя в шлюз. Он был доволен увиденным и пережитым. Очень доволен.

Спустя несколько секунд внешний люк шлюзовой камеры крейсера закрылся.

* * *

– Что это было? – включив защищенный канал связи, зло осведомился Кайманов.

– Похоже, мы только что присутствовали при боевых испытаниях

андроида. – Ответил Шайгалов. – Все записано, подробности обсудим дома. Проверь тела. Пора убираться отсюда, пока они не активировали кибернетические комплексы.

Кайманов подал знак двум бойцам группы, указав на тела в технических скафандрах.

Через некоторое время на частоте связи пришел доклад:

– Один жив. Но ранение смертельное. Нужна срочная операция.

– Забираем его.

– Командир, это насторожит ширианцев.

– Не думаю. Вряд ли они станут убирать трупы. А вот, кстати, и наше "прикрытие" – Шайгалов легким кивком указал на трех зверозубых ящеров, которые, почуяв запах крови уже подбирались к лежащим у шлюза телам. – Забираем раненного и отходим.

* * *

В отсеке, который облюбовал для себя Рашид, в это время происходил разговор, имевший огромное значение в плане его последствий.

Аль Кемран возбужденно расхаживал по просторному (относительно иных помещений крейсера) командному пункту артиллерийской палубы, искоса поглядывая на дройда, неподвижно застывшего у входа.

Да именно таким он представлял себе идеального воина.

– Что он еще умеет делать? – Обратился Рашид к Ашбеку, терпеливо дожидавшемуся решения собственной участи, под раздраженным присмотром Джалгета, который чувствовал себя ущемленным.

– Все, что пожелает господин.

– Все?! – Недоверчиво фыркнул Аль Кемран. – Почему тогда эти машины не подчинились мне раньше? Почему они либо не умеют ничего, либо действуют по своей воле?

– Можно я поясню? – Ашбек низко склонил голову, демонстрируя полное смирение и покорность. – Человекоподобные машины похожи друг на друга, но они разные, господин. Те, что действуют по своей воле – это сервомеханизмы пехотной и технической поддержки. Их выпускал Земной Альянс в период войны. Такие машины изначально снабжены инструкциями, какие действия им следует совершать. Например, если они обнаружат противника, то атакуют его.

– Допустим, они победили. Что дальше? – Задал вопрос Джалгет.

– Они остановятся, и будут ждать, пока снова не обнаружат цели, если потребуется в период ожидания они отремонтируют друг друга.

– Значит, они никогда не станут преданными лично мне? – Прервал

Ашбека Рашид.

– Для этого нужно много трудиться.

– Но сегодня ты справился за час.

– Господин, это другая машина. Такие модели выпускали на Земле много веков назад. Они конструировались так, чтобы служит конкретному хозяину. К тому же они могут обучаться.

– Ты сможешь обучить их управлению космическими кораблями? – Тут же переспросил Аль Кемран, внезапно ощутив, как у него вновь возрождается надежда. Если человекоподобные машины, *преданные лично ему* смогут заменить сомнительные в плане лояльности модули корабельных «Одиночек», то тогда….

– Да, господин. – Прервал его мысль ответ Ашбека. – Для этого мне потребуется большая мастерская и много времени. Я буду трудиться…

– *Этот человек передает ложную информацию.*– Внезапно раздался синтезированный голос перепрограммированного Рогмановым «Хьюго БД-12».

Рашид широко улыбнулся.

– Говори! – Приказал он андроиду.

– Господин, для обучения любой машины моего типа управлению сложными кибернетическими комплексами достаточно нескольких часов, в зависимости от сложности предполагаемой задачи. Пока вы разговаривали, я сканировал информацию с кристаллодисков. Здесь есть все необходимые программы, чтобы обучить андроидов моего типа эффективному управлению различными подсистемами крейсера.

Рашид, который несколько лет назад прошел процедуру имплантации, а затем и насильственной "закачки" знаний, понял, о чем говорит дройд.

Ашбека не стоит убивать. – Подумал Аль Кемран, глядя, как мелко трясутся губы Рогманова. Верное доказательство того, что дройд говорит правду. – *Пусть этот недоносок с Ганио помучается, гадая, какая судьба его ждет. А я тем временем проверю способности нового слуги.* – Юсуф, уведи этого лжеца. Запри его где-нибудь, чтобы не смог сбежать. Я потом решу что с ним делать.

Аль Кемран ликовал, но не показывал вида, как возродившаяся надежда стремительно растет, превращаясь в уверенность: он сможет осуществить свое завоевание!

Глава 6. Решение свыше.

Колония Афины. Основное поселение…

Группа вернулась без потерь.

Приближался полдень, когда Кайманов, передав раненого Святогору, вошел в зал совещаний, оборудованный на втором уровне древней бункерной зоны.

– Ну? – Встретил его усталый взгляд Шайгалова. – Удалось что узнать?

– Мыслесканер не добавил ничего нового. Как мы и предполагали – боевые корабли были захвачены на одной из засекреченных ремонтно-технических баз Альянса. Этот человек не имеет никакого отношения к Ширианцам. Его родина – планета Ганио.

– Ганио? – Шайгалов обернулся, – Риган подключись к навигационному кристаллу. Посмотри базы данных.

Кайманов сел в свободное кресло.

– Непонятно, командир. – Ральф Риган включил стек-голограф, демонстрируя двум десяткам присутствующих на совещании офицеров схему рассеянного звездного скопления. Узор звезд, появившийся внутри пространства голографического монитора, был хорошо знаком каждому из них.

– Скопление Центральных миров. Вот планета Ганио, система звезды Халиф. Колонизирована с борта транспорта "Мириам" в период Великого Исхода.

– Действительно непонятно. Такая мощная база на краю скопления. Неужели ее дислокацию удавалось скрывать все эти годы?

– Выходит так. Там вообще искать базы Альянса не было никакого смысла. Все боевые действия последнего десятилетия велись на удалении в сотню световых лет от скопления Центральных Миров.

– Да уж… – Согласился с замечанием Ригана майор Шелдон. – Как говорится – хочешь что-то спрятать – положи это на видное место.

– Ладно. – Шайгалов остановил обмен репликами. – У нас есть факты, которых следует придерживаться. Уже понятно, что в руки командующего флотом Свободных Колоний не попали навигационные кристаллы с базами данных, относительно дислокации опорных пунктов Альянса. Иначе Ганио подверглась бы зачистке в первую очередь.

– Интересно, а откуда Ширианцы узнали о планете?

– Дело рук адмирала Рахманова. – Предположил Павел. – Он имел доступ к секретной информации. Сбежав в скопление Ширана, он должен был позаботиться о защите своего "эмирата". Частично уничтожив и частично захватив местные опорные пункты, он наверняка рассчитывал постепенно вывести в скопление энное количество законсервированной техники, в том числе и единицы флота, чтобы создать мощный оборонительный кулак.

– Оборонительный ли? – С сомнением переспросил капитан Лашутин.

– Из допросов ширианцев очевидно, что Рахманов не вынашивал никаких экспансивных планов. Он пытался сыграть на суевериях местных жителей и обеспечить себе власть над скоплением. – Ответил Шайгалов. – Очевидно, он подготовил некоторое количество местных полевых командиров из числа знатных воинов, имплантировав им минимально необходимый уровень технических знаний.

– Зачем, когда в его распоряжении были кибернетические механизмы? – Задал резонный вопрос Хорватов.

– Кибермеханизмы хороши для захвата территорий, – отмел его довод Риган. – Рахманов хотел создать государство, объединяющее все миры скопления Ширана. Для этого не годятся "Одиночки". Ему была необходима поддержка влиятельной знати, из которой можно сформировать "местную администрацию". Но дикие кочевники плохо подходят для исполнения таких задач. Вне сомнения, он создавал группу преданных, по его мнению, офицеров, которые после внезапной кончины адмирала подхватили инициативу и развили идею создания Халифата.

– Думаю, Риган прав. Кто-то ведь планировал и готовил акцию по захвату кораблей на Ганио. Для этого мало иметь навигационную информацию. Нужна предварительная разведка. – Кайманов, который видел образы, считанные при помощи мыслесканера с сознания раненного пленника, говорил уверенно, он обладал достаточным опытом, чтобы сделать верные выводы из фрагментов травматических воспоминаний. – Неясно, почему защитные комплексы базы не оказали сопротивления, но "Нибелунги" садились достаточно неуклюже, что прямо свидетельствует о полуавтоматическом режиме.

– Давайте вернемся к существу вопроса. – Шайгалов сцепил пальцы рук в замок, так что побелели костяшки. – С нюансами событий на Ганио разберемся позже, когда раненый ганианец придет в сознание и сможет говорить. Мы собрались, чтобы обсудить конкретную ситуацию. На повестке дня вопрос о наших дальнейших действиях. Исходить следует из предположения, что Афина стала временным прибежищем для флота

Ширианцев. Они покинут планету, как только под их контроль перейдут все кибернетические системы захваченных кораблей. Вы должны понимать, что технические коды управления, без которых ни один корабль не поднялся бы со стационарных космодромов Ганио, они имеют. Но, видимо, их командир не может или просто еще не решился перейти из технического режима в боевой. Я хорошо знаю Ширианцев и представляю их психологию. Для большинства воинов кибернетические системы и механизмы – это демоны, наделенные волей потусторонних сил. Они не решаться начать крупномасштабные боевые действия, полагаясь на киберсистемы. Однако в распоряжении человека, принявшего верховную власть после смерти адмирала Рахманова, наверняка есть грамотные специалисты, способные добровольно или под угрозой смерти адаптировать управление подсистемами под психологию Ширианцев. Мы своими глазами видели, что они используют андроидов серии "Хьюго БД-12" в качестве преданных слуг. Тот механизм, что производил расстрел пленников, явно находился на третьем программном уровне свободы. Нельзя забывать, что андроиды этой серии имеют возможность к самообучению. Они вполне могут стать тем недостающим звеном, надежными посредниками между командирами ширианцев и кибернетическими системами боевых кораблей. Возможно, андроиды серии "Хьюго", программно привязанные к определенным личностям из числа ширианцев, сформируют экипажи кораблей, выполняя приказы своих хозяев, которые, таким образом, будут лишь диктовать волю, исполнение которой гарантируют "преданные" им машины.

– Это серьезная опасность. – Заметил Риган.

– Да. – Согласился Шайгалов. – Но мне кажется, что еще большая степень угрозы кроется в модулях "Одиночка". Во главе Ширианцев стоит решительный человек. Он пойдет по пути "укрощения демонов". Думаю мне не нужно объяснять, что происходит при прямом нейросенсорном контакте между разумом человека и боевым модулем искусственного интеллекта. "Одиночки", сканируя разум пилотов, перехватывают не только конкретные приказы, но и их моральную окраску. Таким образом, управляющие системы серв-машин, истребителей, и автономных палубных подсистем крупных космических кораблей в процессе "укрощения" будут перенимать свойственные воинам Ширана понятия добра и зла, они примут образ мышления ширианцев, уподобятся им в мотивации действий, не утратив при этом своих боевых качеств.

– Ну, ты загнул командир…

– Я размышлял над этим. – Коротко ответил Шайгалов. – Овладение

боевой техникой будет проходить на уровне "подвига". Скорость, с которой происходит обмен данными при прямом нейросенсорном контакте, известна. Мы видели, как один из ширианцев выводил "Хоплита" из ангара "Нибелунга". То, что он не справился с управлением и в конечном итоге опрокинул серв-машину, не играет решающей роли. Главное – они уже пытаются овладеть боевыми механизмами, и "Одиночки" прямо сейчас, в эти минуты перенимают от ширианцев их дикий нрав.

– Это понятно, я согласен с приведенной логикой, – произнес майор Шелдон, который в свое время командовал серв-батальоном. – "Одиночки" и так прославились чрезмерной жестокостью, а если их искусственные нейросети будут обучаться в прямом контакте с рассудками Ширианских воинов, в итоге получиться не "укрощение", а натуральное "создание" демонов, с внедрением идеи формирования Космического Халифата, а это для исполнительной киберсистемы уже может стать мотивом к началу крупномасштабных действий. Подобное "психологическое программирование" превратит управляющие модули "Одиночек" в диких, необузданных убийц, которые начнут "Великое Завоевание".

– Вторая Галактическая? Так понимать твои слова Шелдон? – Угрюмо осведомился Кайманов.

– Понимай, как хочешь. – Пожал плечами майор. – Я знаю "Одиночек". Они не останавливаются на пол пути, и никогда не обходятся половинчатыми мерами. Скажу больше: если в искусственные нейросети внедрить понятие религиозного фанатизма, остановить такие машины сможет разве что аннигиляционная установка "Свет".

– Короче. Вопрос стоит о нашем прямом вмешательстве? – Вслух подытожил сказанное капитан Лашутин.

– Это нереально. – Покачал головой Кайманов. – Серж, ты не хуже меня знаешь, семьдесят человек против нескольких сот Ширианцев – еще куда ни шло, но там *боевые корабли*. Дети пустыни сейчас находятся под защитой брони и орудийных комплексов. Если мы начнем штурм любого из крупнотоннажных кораблей, кибернетические системы мгновенно ощерятся, войдут в автономный режим и тогда им вообще никто не указ: ни мы, ни ширианцы. «Одиночки» пока еще не прониклись идеей подчинения воинам Ширана у них свои инструкции на случай попытки штурма или уничтожения базового корабля.

– Павел прав. – Неожиданно произнес Шайгалов. – У нас на данный момент нет ни сил, ни средств для успешной атаки. В такой ситуации само собой напрашивается решение – отсидеться по-тихому, полагаясь на системы маскировки. Ширианцы в ближайшее время либо покинут Афину,

либо, не справившись с задачей "укрощения" погибнут.

– Выход, конечно, разумный. – Произнес Шелдон. – Войной мы сыты по горло. Но… – он на некоторое время умолк, подбирая слова. – Я не представляю, что будет, если эти корабли обрушаться на уцелевшие после войны планеты.

– Ты о колониях? – Вступил в разговор, молчавший до этого капитан Исаев. – А мы против кого воевали?

– Против Колоний. – Принял Шайгалов прозвучавший в тоне Исаева вызов. – Не узнаю тебя капитан. Или мне нужно напоминать каждому, за что мы были сосланы в скопление Ширана? Никто из нас не поддерживал военной политики Альянса. В начале войны нас бы просто ликвидировали как "инакомыслящих". Теперь война закончилась. И я считаю, что есть единственный разумный выход из создавшейся ситуации. Мы не сможем оставаться в стороне. Пусть отсидимся сейчас, но где гарантия, что через год или два ширианцы не вспомнят об Афине и не захотят основать тут свое поселение или военную базу? Как мы будем выкручиваться тогда? Мое мнение, – не взирая на прошлое, мы должны прекратить мыслить критериями той войны. Теперь мы, – такая же колония, как и те миры, что в ближайшее время будут подвергнуты геноциду со стороны новых завоевателей. Мы при любом раскладе не сможем остаться в стороне.

– А где конкретное решение? – Кайманов зло посмотрел на полковника – Я его так и не услышал.

– Я предлагаю следующее, – произнес Шайгалов, проигнорировав тон лейтенанта. – У нас есть "Фантом". Старт истребителя не будет замечен. Пока Ширианцы здесь, их нужно обезвредить. По крайней мере, лишить опасных "игрушек".

– Хорошо, допустим, мы сможем обеспечить старт "Фантома". Кто, куда и зачем полетит? – спросил Риган.

– Полечу я. – Ответил Шайгалов. – Нам известны координаты Центральных Миров, в том числе и Форта Стеллар, где расположен штаб флота Колоний и ставка адмирала Воронцова. "Фантом" придется доукомплектовать накопителями энергии и генератором "плавающей" гиперсферной частоты. Я совершу прыжок по координатам ближайшей звездной системы и оттуда попытаюсь выйти на связь с Луной Стеллар.

– Договориться с Воронцовым? – Капитан Лашутин саркастически усмехнулся. – Это, по-моему, из разряда фантастики. Он не станет разговаривать с офицером Альянса. Всем известно отношение Воронцова к Земле и всему, что с ней связано.

– Тем не менее, я попытаюсь. – Спокойно ответил Шайгалов. –

Случай экстраординарный. Адмирал может ненавидеть кого и как угодно, но он отвечает за поствоенное пространство Обитаемой Галактики и должен понять степень возникшей угрозы. Не вижу причин считать его глупцом.

– Хорошо, допустим, он согласится тебя выслушать. Но для нас по большому счету все равно – бой с ширианцами или подземные уровни Форта Стеллар [22].

– Я выставлю адмиралу встречные условия.

– Да, он даст тебе гарантии, а потом наплюет на них.

– Я думал и об этом. – Кивнул Шайгалов. – Мы эвакуируем колонию.

– Куда?

– В джунгли.

После этих слов наступила неловкая пауза, лишь Кайманов в этот момент понимал, что командир не свихнулся, а предлагает реальный выход.

– Решение будет приниматься коллегиально. – Произнес полковник, нарушив воцарившуюся в помещении тишину. – Всем известно, что я несколько суток провел в джунглях и вернулся оттуда живым. Сейчас я расскажу, что произошло со мной, и только после этого мы будем планировать дальнейшие действия.

* * *

Система RQ-261 по универсальному звездному каталогу.

7 световых лет от Афины…

В рубке многофункционального истребителя класса "Фантом" царил мягкий сумрак. Сияние звезд да подсветка приборных панелей создавали привычную для полковника обстановку, которую разум долгие годы ассоциировал с понятием "уют".

Да, ему всегда было хорошо, спокойно, когда вокруг лишь исколотый точками звезд открытый космос, тело ощущает привычные, надежные объятия пилот-ложемента, височный имплант на прямой связи с кибернетической системой… в такие мгновенья кажется, что ты свободен, волен направить корабль в любом направлении, сам являешься хозяином Судьбы, а не она помыкает тобой, гоняя как строптивого скакуна по кругу, от одной смертельной схватки к другой, пока не погибнешь или не *выгоришь* изнутри, став спокойным, исполнительным, как та же машина…

Что сделала с нами война? – В мыслях Шайгалова не было горечи, даже оглядываясь назад, он не имел привычки отторгать воспоминания или стенать над ними.

Алый столбик индикации накопителя заряда энергии медленно

поднимался к нужной отметке.

Еще оставалось немного времени чтобы подумать, еще раз взвесить все "за" и "против" принятого решения, но мысли Ивана текли совершенно в ином направлении, будто через несколько минут ему не предстояло встретиться лицом к лицу с человеком, под властью которого, де факто, находилось все пространство Обитаемой Галактики.

Мысли Шайгалова не отпускал образ Лады – удивительной женщины, встреченной им в смертоносных джунглях Афины.

Теряя привычную логику рассуждений, он думал не только о ней, в рассудке полковника возникал противоречивый риторический вопрос: что все-таки важнее, жизнь или любовь?

Два понятия, не сравнимых друг с другом.

Но он их сравнивал, начиная понимать, что прожил жизнь, не зная любви, и сейчас, когда в груди зародилось робкое, трепетное чувство, он ловил его тревожные эманации, порой смущаясь собственным мыслям, но снова и снова желая их, словно призрачный образ *женщины* смутной тенью скользил на обзорных экранах, делая мягче, теплее, понятнее ледяную бездну бесконечности.

…

Тихо, сдавленно пискнул предупреждающий сигнал.

Накопители энергии зарядили генератор гиперсферных частот. Кибернетическая система "Фантома" докладывала, что можно начинать сеанс связи.

Шайгалов ввел координаты Форта Стеллар, и застыл в ожидании.

Сейчас вызов, адресованный непосредственно командующему флота Свободных Колоний через локальный пробой метрики пространства ушел в аномалию космоса, чтобы спустя несколько секунд реального времени попасть на приемопередающие устройства стационарной станции ГЧ системы Рори.

* * *

Адмирал Воронцов только что закончил утреннее совещание в штабе флота и сейчас стоял у панорамного окна конференц-зала, откуда открывался вид на панораму Луны Стеллар.

Глядя на сложный рукотворный рельеф спутника планеты Рори, он находил его привычным и приятным для взгляда.

Призраки войны, которую Воронцов прошел от начала до конца, не отпускали даже теперь. Парадокс, но в первые дни после капитуляции Альянса он испытывал странное, гложущее чувство вселенской пустоты,

будто мир, за который он так отчаянно дрался, жертвуя порой самым дорогим, что только было в жизни, опустел, поблек, из него исчез тот смысловой стержень, на котором зиждилась его воля.

Жестокое время, не терпящее полумер, внезапно стало *прошлым*, исчез глобальный противник, победа над которым очень часто казалась недостижимой.

Все изменилось, но не вдруг, не в один день, как показалось адмиралу.

Обитаемая Галактика, в которой теперь царил флот Свободных Колоний, оказывается, многие годы жила своей жизнью. Конечно, война в той или иной степени коснулась всех планет без исключения, но даже колонии, принявшие на себя первый сокрушительный удар Альянса, за последующие десятилетия противостояния не только сумели восстановить разрушенное, создать мощные промышленные базы, – родилось и выросло новое поколение людей, для которых война не являлась шоком, она воспринималась с раннего детства как нечто объективное, само собой разумеющееся, существующее в данности.

Дети войны.

Сейчас они повзрослели, постепенно замещая "старую гвардию". Молодые, напористые, иногда чересчур циничные…

Адмирал все более ощущал, что независимые миры начинают рассыпаться, как горошины из рваного мешка. Незыблемым оставался лишь союз Центральных Планет, – колоний, что приняли первый удар Альянса, выдержали его, сгорая в пламени орбитальных бомбардировок, а затем, почти на исходе ресурсов, сил, рассудка бойцов, сумели отшвырнуть пожарище чудовищного противостояния от центра к периферии, где с каждым месяцем войны вторично открывались все новые и новые планетные цивилизации, "потерянные" в эпоху Великого Исхода.

Война накатывалась на них как огненный вал, одни попадали под власть Альянса, иные удерживались силами флота Свободных Колоний, – так в космическом пространстве начали формироваться *фронты*.

Теперь, когда все в прошлом, часть планет закрыта на бессрочный карантин из-за обилия на их поверхности автономной боевой техники, иные уже не пригодны для жизни, из-за адского накала техногенных схваток, превративших их поверхность в пустыню, но большинство систем не только уцелело в этой бойне, но и сумело развиться *благодаря войне,* которая явилась мощнейшим стимулятором роста, дала толчок развитию промышленности, высоких технологий, изучению и успешному освоению внутрисистемных пространств отдельных звездных систем.

Все это открылось взгляду адмирала, когда внезапно после последней

атаки на Солнечную систему внезапно пришла победа, Альянс капитулировал, и следующим утром Воронцов как будто очнулся в иной реальности.

Вместо пяти установивших контакт друг с другом колоний, теперь термин "Обитаемая Галактика" включал в себя почти сотню освоенных систем. Как показала практика первых послевоенных месяцев, Флот Колоний не мог эффективно контролировать пространство освоенного космоса, да и большинство планетных цивилизаций не желало военного присутствия победителей.

Адмирал, наделенный всей полнотой власти, вдруг понял, что исчезла угроза, объединявшая миры, а новое поколение, выросшее в условиях войны, жаждет свободы, и не желает терпеть какой-либо власти кроме той, что сформирована ими самими.

Воронцов мог вновь объединить миры, но не решился действовать силовыми мерами, понимая, что подобная попытка станет началом гражданской войны. Обилие боевой техники, множество демобилизованных ветеранов, вернувшихся к себе на родину, ориентированная на войну промышленность, идеология *независимости* колоний, – все это вместе взятое обернулось против адмирала, требуя от него качеств политика, но не полководца.

Он не являлся политиком и промедлил.

В итоге, спустя год, в пространстве возникли десятки временных планетных союзов, началась череда локальных войн, каждая система защищала свои интересы, действуя в худших традициях Первой Галактической…

У Воронцова не осталось никакого выбора, и он *стал* политиком, но политиком жестоким, опирающимся на силу военно-космического флота.

Сейчас в пространстве, окружающем Союз Центральных Миров происходило то, что историки будущего назовут Второй Галактической или "войной всех против всех".

Планеты, объявившие о своем суверенитете, формировали собственные военно-космические силы и применяли их по собственному усмотрению.

Адмирал понимал, что время упущено, Флот Колоний более не властен над шестьюдесятью процентами пространства Обитаемой Галактики.

Он не смирился, но сумел взглянуть в глаза реальности.

Суверенные миры, не пожелавшие присоединиться к союзу Центральных Планет, получили возможность пожинать плоды собственной

"свободы". Военно-космические силы, базирующиеся на Луне Стеллар, теперь контролировали границы рассеянного скопления звезд, и осуществляли разовые акции по ликвидации остаточных автоматизированных соединений Альянса, которые периодические проявляли активность, угрожая всему сущему.

…Адмирал смотрел на искусственную поверхность, скрывающую под собой истинный рельеф луны Стеллар, и думал, что он уже, наверное, не застанет той поры, когда тяжкое наследие войны освободит рассудок миллиардов людей…

…Тихо позвучал сигнал вызова.

Воронцов с трудом оторвал взгляд от созерцания панорамы военных космодромов, раскинувшихся от горизонта до горизонта, и обернулся.

На компьютерном терминале, рядом с рабочим столом, моргал индикатор алого цвета.

Вызов, переадресованный автоматикой станции ГЧ, шел из глубин пространства, алый цвет индикационного сигнала означал, что абонент не идентифицирован, а точка исходящего сигнала не поддается исчислению.

Такого эффекта можно добиться, только применив плавающий канал гиперсферных частот.

Адмирал не стал игнорировать вызов.

Тот факт, что с ним пытались связаться инкогнито, применяя последние разработки в сфере военных технологий связи, не мог смутить Воронцова.

Он неторопливо вернулся к рабочему столу, сел в кресло и коснулся сенсора, активируя комплекс аппаратуры.

Беззвучно вспыхнула бледная сфера голографического стереоэкрана, и в его глубинах проявилось контрастное изображение фрагмента рубки аэрокосмического истребителя класса "Фантом".

Лицо человека, вышедшего на связь из глубин неведомого адмиралу пространства (цепкий взгляд Воронцова не прошел мимо узора созвездий, хорошо различимых на обзорных экранах истребителя), было незнакомо.

На вид – лет пятьдесят. Лицо волевое, в глазах спокойствие.

– Приветствую, господин адмирал, – сухо произнес он. – С вами говорит бывший полковник ВКС Альянса, Шайгалов Иван Дмитриевич.

Воронцов кивнул, волевым усилием сдержав мгновенную вспышку раздраженной неприязни.

– Удивлены, что сумели напрямую связаться со мной? – Усмехнулся адмирал, машинально постукивая пальцами правой руки по широкому подлокотнику кресла.

– Нет, не удивлен. – В тон ему ответил Шайгалов. – Вызов по плавающему каналу ГЧ сложно проигнорировать. Наверняка подобный тип связи зарезервирован для личных докладов при возникновении чрезвычайных ситуаций, верно?

– Допустим. – Нахмурился Воронцов. – Излагайте свое дело, полковник.

– Хорошо, буду краток. – Шагалов чуть сместился, чтобы в поле зрения передающих видеокамер не попадали секции приборных панелей, связанные с гиперсферной навигацией. – Суть информации в следующем: после капитуляции Альянса, мной с планеты постоянной дислокации была выведена группа из семидесяти человек. Мы создали колонию на одной из планет в зоне не освоенного космоса.

– Вам угрожает опасность? – Осведомился Воронцов, не понимая, почему, по мнению Шайгалова, его должна взволновать судьба семидесяти беглецов, военных преступников, место которых на подземных уровнях Форта Стеллар.

– Лично нам в данный момент не угрожает ничто. Однако сутки назад на планету осуществило посадку крупное военно-космическое формирование.

– На сколько крупное?

– Два крейсера, десять фрегатов, два десятка штурмовых носителей класса "Нибелунг".

– Автоматический режим? "Одиночки"?

– Нет, адмирал. Вы слышали о некоем Рахманове, который возглавлял главное разведуправление штаба флота Альянса.

– Естественно. По моим сведениям он скрылся.

– Могу сообщить, что Рахманов мертв.

– Приятная новость. Одним подонком меньше. – Воронцову, не смотря на ставшее легендой самообладание, было очень трудно сдерживать растущую неприязнь.

– Адмирал я понимаю ваше раздражение. Однако ресурс генератора ГЧ-связи ограничен. Сейчас я перешлю пакет данных, которые должны вас заинтересовать. Рахманов не только исчез, незадолго до капитуляции, он бежал с определенной целью, уничтожив при этом навигационные базы данных по дислокации резервных баз Альянса.

– Это предмет торговли?

– Нет – покачал головой Шайгалов. Вы все поймете из полученных данных. Там отсутствуют координаты звездных систем. Я выйду на связь через три часа. Если мы сумеем договориться, координаты скопления

Ширан и колонизированной нами звездной системы будут переданы вам отдельным файлом. До связи. Я не прощаюсь.

Экран внезапно затуманился, – плавающий канал ГЧ-связи был прерван.

Несколько минут Воронцов сидел в глубокой задумчивости, затем его взгляд принял прежнее твердое и решительное выражение.

– Полковника Синцова ко мне. – Произнес он, включив коммуникатор.

* * *

Спустя обозначенное время, когда вновь заработал канал гиперсферной частоты, Воронцов был готов к принятию решений.

Форт Стеллар являлся крупнейшей военной базой в исследованном пространстве, здесь в распоряжении командующего имелись любые специалисты самого высокого уровня. Информация, полученная от Шайгалова, была проверена: она подверглась глубокому анализу, – верить бывшему офицеру Альянса было бы наивной глупостью, Воронцов не исключал, что ударную группировку флота элементарно пытаются заманить в ловушку.

За истекшие годы он не раз сталкивался с подобными поползновениями, когда остаточные группировки противника, не прекратившие сопротивление по факту подписания Элианских протоколов, пытались взять реванш, действуя либо хитростью, либо грубым напором силы.

За тридцать лет войны Альянсом были созданы сотни секретных военных баз, где по-прежнему хранилось огромное количество законсервированной техники. Отыскать и ликвидировать все опорные пункты являлось сверхзадачей – не смотря на усилия разведки, адмиралу Табанову [23] удалось уничтожить основные навигационные данные.

…В сфере стек-голографа возникло знакомое изображение фрагмента рубки "Фантома".

Лицо Шайгалова выглядело усталым, хотя Воронцов не обращал внимания на внешность, сейчас анализом видеоряда занимался целое подразделение.

Это не инсценировка, господин адмирал. – Раздался в сознании Воронцова доклад. – *Трансляция подлинная. Рисунок звезд незначительно изменился вследствие дрейфа истребителя.*

– Вы ознакомились с информацией? – Вместо приветствия спросил Шайгалов, которому была понятна задержка, возникшая сразу после включения канала гиперсферной частоты. Его пытались отследить всеми

доступными средствами.

– Да, я внимательно изучил предложенную версию событий. – Ответил адмирал. – Но у меня нет уверенности в том, что информация истинна.

– Проблема во мне? – Напрямую спросил Шайгалов.

– Вы правы полковник. У меня нет причин доверять офицерам Альянса.

– Бывшим офицерам. – Уточнил Иван. – Война закончилась.

– Для кого как. – Ответил Воронцов. – Перейдем к делу. – Неожиданно произнес он. – Для провокации слишком сложно и сильно. Список колониальных транспортов, с борта которых могло быть заселено скопление Ширана, мы проверили. Некоторая информация о группе деградировавших колоний у нас имелась, действия адмирала Рахманова так же укладываются в рамки логического развития послевоенной ситуации.

– Тогда в чем проблема? – Хмуро осведомился Шайгалов.

– Мне неясен ваш личный мотив, полковник.

– Адмирал, вы заложник собственной ненависти. – Стараясь говорить нейтральным, ровным голосом произнес Иван. – Неужели вы до сих пор мыслите пропагандистскими штампами времен войны? С вами говорит не зверь в человеческом обличье. Да я воевал, но кто из нас безгрешен? Может быть вы? Речь идет о серьезнейшей угрозе, при чем здесь личная неприязнь к офицерам Альянса? Те, кто развязал войну давно в могиле.

– Не нужно проповедей полковник. Я все равно не поверю, что вас заботит безопасность независимых планет. Оставим эту тему.

– Адмирал, я имел возможность участвовать в одном вселенском безумии, а сейчас на моих глазах зреет зародыш еще более худшего кошмара. Мой мотив, – это неприятие происходящего в принципе. Жаль, что вы не в состоянии понять – девяносто процентов тех, кто гниет заживо в подземельях Форта Стеллар – заложники войны, а не ее инициаторы.

– Хорошо полковник. Мне нужны точные координаты места события. Флот нанесет упреждающий удар. Какие гарантии вам нужны?

– Я уже позаботился о гарантиях. На планете, которую мы называем Афина, существует потерянная колония времен Великого Исхода. Колониальный транспорт "Сакс" потерпел крушение при посадке, но части пассажиров удалось выжить и пройти путь ассимиляции. Все необходимые свидетельства мной подготовлены. Если вы измените данному слову, то информация по готовящемуся вторжению будет передана мной на все действующие станции гиперсферной частоты. Таким образом, вся Обитаемая Галактика будет предупреждена об угрозе, и проинформирована

о преступном бездействии адмирала Воронцова. Защищать слаборазвитые колонии – это ведь ваш лозунг, адмирал? Я не угрожаю, а только констатирую факты. Информация, переданная вам, истинна. Я начинаю трансляцию точных координат для прыжка в систему Афины. – Шайгалов протянул руку, коснувшись сенсора на панели связи. – Кроме прочего в файле есть подробная карта поверхности, сделанная на основе орбитальных снимков. Там обозначено место, где на сегодняшний день компактно проживают потомки колонистов.

– Думаете, я стану проверять информацию, связавшись с ними?

– У них нет средств связи. Я не хочу, чтобы командиры кораблей совершили роковую ошибку, планируя схему орбитального удара. Ради безопасности мирных жителей мои люди покинули планету, поэтому охота за нами не имеет никакого смысла.

– Предусмотрели все?

– Я отвечаю за жизни людей. – Спокойно ответил Шайгалов.

– Почему вы в таком случае не вывезли с Афины поселенцев?

– Это очень сложно. Их метаболизм претерпел серьезные изменения в процессе ассимиляции. У меня нет необходимых технических средств, чтобы поддерживать их жизнь вне влажных лесов планеты.

Передача файла закончилась.

Воронцов поднял взгляд.

– Можете отключаться. Мы сделаем все что нужно. И молитесь в своей крысиной норе, чтобы я вас не достал, рано или поздно. – С этими словами адмирал отключил приемник гиперсферных частот.

…

Оставшись в одиночестве, Шайгалов сокрушенно покачал головой.

Переговоры с адмиралом произвели на него тяжелое впечатление. Конечно, Иван понимал, что у Воронцова наверняка имеются мотивы личного характера [24] для такой глубокой, почти безудержной ненависти ко всему, что связано с Землей и Альянсом. Когда-то Шайгалов слышал, что Воронцов потерял сына в сражении, где со стороны Колоний впервые была применена аннигиляционная установка «Свет».

Чужая душа – потемки. – Подумал он, разворачивая истребитель для подготовки к прыжку через гиперсферу. –*Главное, чтобы он сдержал обещание, остановил этих воинствующих фанатиков до того, как они овладеют контролем над системами «Одиночек».*

* * *

Афина. Район островов…

Рашид Аль Кемран был доволен ходом развития событий.

Сейча он находился на подъеме мысленных амбиций, все происходило намного лучше, чем рисовало воображение, – один подчинившийся ему андроид (Рашид даже нарек его именем – Гасан) в течение суток перепрограммировал две с половиной сотни подобных ему механизмов, и привел их на обширную предшлюзовую площадку крейсера для принесения клятвы верности своему повелителю.

Рашиду пришлось удостоить вниманием каждого из новых воинов. Он уже безбоязненно касался пальцем руки тусклого окошка сканера, и произносил магическую формулировку, дающую андроиду образец голоса для распознавания команд.

В его руках внезапно оказалась сила, о которой и не мечталось.

Теперь наступил черед продемонстрировать свою власть.

Из скопления Ширана в поход через Великую Пустоту отправилось семьсот воинов. В основном это были не подготовленные, способные лишь к рукопашной схватке с врагом бойцы.

Медицинские палубы двух госпиталей, базирующихся на борту захваченных крейсеров, работали в автоматическом режиме, производя пятьдесят нейрохирургических операций в час. Таким образом к концу второго дня пребывания на планете все ширианцы прошли процедуру имплантации по отточенной за годы войны технологии, которая позволяла получить имплант и вернуться в строй в течение одних планетарных суток.

Вживление кибернетических модулей не превратило диких необузданных воинов в цивилизованный народ. Жизненный уклад, суеверия, характеры, все осталось при них, но теперь Рашид знал: они способны слышать мысленные голоса машин, и повелевать ими.

Теперь ему предстояло совершить главное – дать воинам шанс пройти испытание, инициировать быстрый и жестокий по своей сути искусственный отбор.

Так посоветовал сделать Гасан.

К мнению своего нового кибернетического визиря Рашид прислушивался с особым вниманием, не смотря на явное неудовольствие Джалгета.

Проблему "оставшегося не у дел" полевого командира Рашид собирался разрешить в ближайшие часы.

Это даже хорошо, что воины Ширана сохранили свои страхи и суеверия. Они прирожденные бойцы и пусть остаются ими. Я выделю нескольких, таких как Джалгет, – мысленно рассуждал Аль Кемран, – чтобы назначить их эмирами фрегатов и штурмовых носителей. Юсуфа я

отправлю командовать вторым крейсером, а команды космических кораблей, в обход "Одиночек" сформируют преданные мне андроиды.

Мысль Аль Кемрана скользнула дальше, к неосуществленным пока планам и туманным перспективам. Он представил себе далекие планеты и подумал: Я воцарюсь в космосе, подобно всевышнему, а на земной тверди планет мою власть будут утверждать воины, прошедшие испытание по укрощению механических демонов.

Удел воина открытая схватка. Им никогда в полной степени не постичь всех знаний и умений, необходимых для космических маневров, зато на земной тверди они будут чувствовать себя уверенно, и вскоре перестанут бояться укрощенных ими смертоносных исчадий.

Так рассуждал Рашид, выходя на общее построение.

Ширианцы стояли группами, распределившись по родовому признаку. Андроиды, снабженные новыми пакетами программ, выстроились в каре, под предводительством Гасана.

– Воины Ширана! – Аль Кемран говорил громко, властно, а акустика предшлюзового накопителя крейсера повторяла его слова, разнося их многократным эхом. – Вы видите: Всевышний открыл нам путь через Великую Пустоту. Он услышал мои молитвы и дал вам всем великое испытание. Шагающие и летающие демоны теперь ждут тех храбрецов, что не побоятся доказать свою власть над ними. Отныне и навсегда только воин, укротивший механического демона, будет достоин называться мужчиной.

По нестройным рядам Ширианцев прокатился легкий ропот который, впрочем, тут же стих под ледяным взглядом Рашида, который с каждой минутой все больше и больше входил в роль, сам начиная искренне верить в произносимые слова.

Дикая смесь откровенного невежества и высочайших технологий зарождалась в эти минуты благодаря запредельно-высокой адаптивности созданных для войны кибернетических механизмов.

Аль Кемран имел в своем распоряжении сотню серв-машин, сто пятьдесят истребителей, девяносто штурмовиков, двести боевых машин планетарного класса. Вся перечисленная техника находилась в ангарах захваченных крейсеров, фрегатов и штурмовых носителей (все "Нибелунги" еще при старте с Сауда несли на борту полнокровные серв-соединения).

План Рашида был прост и жесток в своей простоте.

Он посадит в рубку каждого механизма по воину-ширианцу. В процессе предстартовой подготовки модули "Одиночек" войдут в

нейросенсорный контакт с разумом пилотов, передавая им минимум необходимых для управления знаний, по сути – имплантируя их непосредственно в рассудок каждого воина.

Дальше по глобальной сети будет отдан приказ о переходе на полуавтоматическое управление киберсистемами. Сотни "демонов" взмоют в воздух, сойдут по открывшимся аппарелям на землю огромного лежащего за океаном материка. Там, по сведениям, которые собрал Гасан, обитают огромные животные. Целью массовых учений станут именно они. Тот воин, что сумеет управлять вверенным ему демоном, Сумет подчинить его своей воле, и с его помощью уничтожить одну из местных тварей, может возвращаться на корабль.

Те, кто не справиться, и погибнет, – не достойны сожаления.

Рашид не проявлял бездумного расточительства, – он собирался сразу по окончании учений поднять в космос вновь сформированную эскадру и вернуться в скопление Ширана, где на разоренных базах Альянса оставалось достаточно боевой техники, которую отремонтируют андроиды.

Он хотел быстро и эффективно воспитать воинов, способных управлять боевыми машинами, и задуманный план казался ему хорошим, не смотря на неизбежные потери в технике и гибели людей.

Гасан сообщил ему еще кое-что, о чем Рашид пока предпочитал не говорить вслух.

Каждый кибермеханизм, даже если воин, севший в кресло пилот-ложемента не справиться с управлением, в буквальном смысле *выпьет* рассудок ширианца, и получит его ярость, боль и… преданность великому Эмиру.

Такие демоны после ремонта станут верными слугами Аль Кемрана, сформировав вместе с андроидами его личную, несокрушимую гвардию.

Дальнейшие планы Рашида пока терялись в туманной дымке вероятностей.

Он знал одно – сегодня великий день, когда звезда его славы начнет свое восхождение по небосводу.

К моменту, когда он заканчивал речь, десантные шлюзы кораблей распахнулись, чтобы выпустить штурмовые носители, для доставки серв-машин на материк, активировались стартовые катапульты готовые к запуску истребителей и штурмовиков, как только пилоты поднимутся в рубки управления "летающих демонов".

– Идите, и пусть каждый вернется с победой!

* * *

Планета Афина. Сутки спустя, после окончания переговоров с адмиралом Воронцовым…

– Командир, множественные сигналы на сенсорах!

Шайгалов облегченно вздохнул в душе. Все-таки его впечатление от общения с Воронцовым оказалось ложным, тот прислал обещанные корабли…

– Они двигаются к планете? – Иван снова, как в молодости, ощущал себя в обстановке полевого лагеря: несколько герметичных палаток, пара укреплений, низкие бронепластиковые секции временного периметра, изломанной линией проходящие меж деревьев, не нарушая естественной маскировки лесного массива, – все это возвращало чувства в далекую пору, когда лейтенант Шайгалов командовал разведвзводом космического десанта.

– Сигналы фиксируются не датчиками "Фантома" – неожиданно ответил Хорошев, исполнявший в этот час обязанности дежурного оператора сенсорных систем.

– Не понял?

– Термальные всплески концентрируются на островах, сигнатуры накладываются друг на друга, такое ощущение, что… фрайг побери, фиксирую работу стартовых катапульт! Запуск асинхронный! Идет подсчет целей…

К временному командному пункту со всех сторон бежали люди. Общий сигнал тревоги, автоматически поданный вынесенными на прибрежные возвышенности датчиками локационных комплексов, информировал о приближении к материку множественных крупнотоннажных целей.

Когда Шайгалов занял отведенное для командира место, оперативная тактическая система уже не справлялась с обработкой всех поступающих данных.

Сигнатуры множились. Казалось, что группа островов в буквальном смысле извергает все новые и новые объекты…

Не смотря на временный сбой системы, опытный взгляд полковника быстро сориентировался в царящем на экранах содоме.

В первой волне, уже преодолевшей половину расстояния от островов до материка, двигались штурмовые носители класса "Нибелунг", вслед им, в плотном, но бессистемном построении двигались ДШМ, а незримые для взгляда крейсера и фрегаты продолжали производить асинхронные запуски малых кораблей: штурмовики и истребители, выброшенные электромагнитными ускорителями стартовых катапульт, тут же

переключались на турбореактивную тягу, расходясь широким веером на разных эшелонах высот.

– Что происходит?! – Раздался над плечом Ивана голос лейтенанта Кайманова.

– Трудно сказать, Паша. – Не оборачиваясь, ответил Шайгалов. – На орбитах никого, а вот Ширианцы похоже взбесились. Либо у них случился глобальный сбой автоматических систем.

– Да не похоже это на сбой автоматики! – Раздалось эмоциональное замечание Ригана. – Смотри командир в ста километрах южнее, – ДШМ начали сброс контейнеров [25] с планетарной техникой!

– Я не вижу цели атаки… – Голос Хорошева срывался на высоких нотах. – Прут к берегу сплошным потоком, но зачем?!..

– Так, всем успокоиться, взять себя в руки. – Шайгалов уже и без посредничества приборов ощущал, как почва под ногами передает ритмичные толчки: воображение мгновенно дорисовало недостающее, – он мысленно увидел, как контейнеры с планетарными машинами врезаются в песчаный пляж, оставляя глубокие борозды, передние секции мгновенно начинают открываться, образуя аппарели, по которым из недр отделяемых сегментов появляются зловещие контуры БПМ…

…Очередная серия толчков возвестила о посадке "Нибелунгов".

– Началась выгрузка серв-машин.

– Определить вектор движения и доложить! Кайманов, Исаев, контроль периметра, установить дополнительные автоматические орудия, активировать и доложить! Шелдон, Хорватов, Лашутин, – группы немедленного действия! Экипировка – тяжелые бронескафандры, вооружение – ПРЛК [26]. – Иван обернулся, отыскал взглядом Илью Святогорова.

– Святогор, подойди!

– Да, командир?

– Возьми в помощь Яну Натанскую и Джессику Диллан. Отыщи дройда по имени Антей. Он свободно владеет интеранглийским и может перевести твои слова. Объясни Ладе и другим женщинам, что необходимо временно укрыться в убежище. Отвечаешь за них головой, понял?

– Сделаю.

– Все выполняй. Хорошев, где вектор движения группировки противника?!

– Не могу определить, они высаживаются, и тут же начинают расходиться в разные стоны. Ближайшая цель в ста десяти километрах,

движется по касательной, минимальная дистанция при неизменном курсе – десять километров, будет достигнута через пять минут.

В этот момент над головами прокатился рев, – это по джунглям ударила звуковая волна, тщетно догонявшая двигавшиеся в гиперзвуковом режиме штурмовики и истребители.

Тихий полдень в одну минуту превратился в сущий ад, где-то уже гремели выстрелы крупнокалиберных орудий, судя по ритмике огня, часть серв-машин вступила в схватку с непонятным, невидимым на радарах противником.

– Два АКИ столкнулись в воздухе. Падают. Звено "Гепардов" заходит на штурмовку целей в трехстах километрах от нас.

– Кого они атакуют?!

– Нет данных…

– Подключи системы "Фантома"!

Голос командира глох, тонул в непрекращающемся вое, который рушился с небес, где маневрировало порядка сотни штурмовиков и истребителей.

Все происходящее было похоже на бред, массовое помешательство, тактическая система выдавала невероятные с точки зрения опытного боевого офицера данные: ни одно формирование противника не придерживалось "классических" построений, не было ни обмена данными, ни иных признаков взаимодействия, словно каждая машина действовала сама по себе.

Но так не ведут себя даже «Одиночки», – промелькнула в рассудке Шайгалова здравая мысль.

– Еще одно столкновение в воздухе. Наблюдая стаю рапторов [27], истребители меняют курс, перенацеливаются на атаку!

– Что показывают сканеры "Фантома"? Где данные?

– Переключаю.

Шайгалов взглянул на заработавшие резервные мониторы. Истребитель, выведенный в район орбит вместо сбитого шрианцами спутника, благодаря своей уникальной локационной системе мог вести одновременное наблюдение за космическим пространством и целями на поверхности планеты.

В первый момент полковник не поверил своим глазам, а когда смысл происходящего стал очевиден, ему оставалось только выругаться.

Непосредственная угроза временному лагерю не стала меньше, но Шайгалов понял, что даже при самом скверном обороте событий у них есть

шанс… Армада боевой техники, исторгнутая со стороны островов, не преследовала своей целью поиск и уничтожение их временной базы. Скорее всего, ширианцы даже не подозревали о существовании колонии.

Это учения… или охота… – Подключившись к датчикам «Фантома», Шагалов наблюдал, как серв-машины проламывают в джунглях широкие просеки, преследуя гигантских ящеров; в некоторых местах орбитальное сканирование показывало впечатляющие подробности схваток между планетарными машинами и многотонными рептилиями. С высоты джунгли казались порванными, кипящими, десятки, если не сотни исполинских деревьев падали одновременно, оставляя обманчивое впечатление бегущей по кронам судорожной конвульсии, среди возникших очагов пожара мелькали лазерные разряды, дымными султанами пробегали цепочки разрывов, потревоженные обитатели первобытного леса либо старались скрыться от преследователей, либо рефлекторно вступали в бой с планетарными машинами.

Локальные схватки кипели повсюду, и далеко не каждая из них заканчивалась в пользу управляемых ширианцами кибернетических механизмов.

Жирные шлейфы дыма отмечали с десяток мест, где ящерам удалось одержать верх над неопытными пилотами, получавшими в этот момент свое "боевое крещение".

Постепенно по мере прояснения ситуации, до полковника Шайгалова начал доходить смысл внезапно начавшейся бойни, которая разгоралась как на земле, так и в воздухе.

"Одиночки"…– Оформившаяся в сознании мысль отдавала могильным холодом непоправимости вершащихся на глазах событий. И главная проблема заключалась вовсе не в уничтоженных рептилиях или изуродованных участках растительности.

Кто бы не стоял во главе безумного воинства, этот человек был жесток, расчетлив и хладнокровен. Он намеренно решился пожертвовать частью людей и боевой техники с тем, чтобы искусственные нейросети модулей независимого поведения могли вобрать ярость ширианских воинов, их необузданную жажду победы, презрение к смерти, дикие взгляды на честь и достоинство…

Орбиты Афины по-прежнему оставались пусты.

Неужели Воронцов солгал? Но какой прок адмиралу в появлении на просторах космоса опасной, совершенно дикой, необузданной силы, вооруженной по последнему слову техники?

Ни душа, ни разум Шайгалова не давали ответа на заданный самому

себе вопрос.

Он не мог воспрепятствовать происходящему, для этого у него не было ни достаточного количества людей, ни соответствующей техники.

Полковник интуитивно понимал одно: после завершения этих "учений" на побережье появятся транспортные корабли, и развороченные, истерзанные джунгли начнут методично прочесывать андроиды технической поддержки. Возможно, они не станут ремонтировать на месте, либо эвакуировать поврежденные машины, но обязательно изымут кристалломодули "Одиночек", извращенно *одухотворенные* прямым нейросенсорным контактом с погибшими ширианскими воинами…

На глазах Ивана происходило то, чего он собственно и опасался: кибернетические системы, способные к самообучению, получали сейчас дикие, обоснованные лишь укладом жизни кочевников мотивы к действию, щедро приправленные религиозным фанатизмом и идеей о создании "Космического Халифата".

* * *

– Есть сигнал в зоне ближнего космоса!

Доклад Хорошева прозвучал для Шайгалова неожиданно, – полковник уже отчаялся дождаться помощи со стороны Флота Колоний.

– Шелдон, Хорватов. Лашутин, у нас появились союзник. На островах сейчас станет жарко. Разрешаю действовать по обстановке. Зона контроля – десять километров от периметра. Действовать в режиме прикрытия. Наш лагерь не должен быть обнаружен остаточными группами ширианцев.

Отдав приказ мобильным группам, Иван перенес свое внимание на данные, поступающие от датчиков "Фантома".

И опять увиденное им, сначала не нашло понимания, а затем отдалось болью в душе и рассудке.

Из пространства гиперсферы появился всего *один* боевой корабль, класса «фрегат».

Он уже завершил гиперпространственный переход, и теперь, включив маршевые двигатели, стремительно приближался к Афине.

Данные по расчету курса заставили Ивана побледнеть, затем по щекам полковника поползли пунцовые пятна гнева.

Тактическая система ясно указывала, что фрегат идет характерным курсом сближения, предполагавшим ковровое бомбометание с орбиты.

Первая точка сброса кассетных бомб располагалась над материком. Вторая над островами.

Шайгалов в немом оцепенении следил за действиями фрегата.

Вот маркер достиг первой точки и от него отделились множественные сигналы.

Кассеты со смертельной начинкой падали точно в то место, которое полковник обозначил для адмирала Воронцова, чтобы тот случайно не разбомбил "город на деревьях". Было ясно: адмирал не поверил, что группа офицеров Альянса покинула планету, в любом случае по его приказу смертоносный груз был сброшен на *колонию.*

Воронцов не желал оставлять в живых ни одного свидетеля.

– Расчет израсходованного боекомплекта? – Осипшим голосом потребовал Иван.

– Семьдесят процентов стандартной загрузки бомболюков идет к планете.

Значит на острова оставлено тридцать процентов боезапаса?

Такой удар больше похож на болезненный укус, демонстрацию силы, он вряд ли нанесет серьезный ущерб крупным кораблям…

Секундой позже там, где в джунглях (по данным, предоставленным Шайгаловым) располагался центр колонизированных площадей, к небесам взметнулась сплошная стена разрывов, земля содрогнулась как при десятибалльном землетрясении.

Ударная волна с корнем вырывала исполинские деревья, поднимая их в воздух словно щепки.

Вкопанные в почву бронепластиковые бастионы периметра выдержали ослабленный расстоянием удар, но всю аппаратуру перевернуло, сорвало с мест, ураганный ветер разметал стаи рапторов и послал к земле с десяток истребителей ширианцев.

Фрегат вышел во вторую точку бомбометания, окончательно опустошил бомболюки и, разминувшись с планетой, начал процедуру подготовки к гиперпрыжку.

* * *

Планета Афина. Район островов…

Рашид Аль Кемран и Юсуф Аль Джалгет наблюдали за происходящим сидя в креслах на боевом мостике крейсера "Сауд".

– Зачем ты послал воинов охотиться на зверей? Разве нам необходимо мясо?

– Мясо останется стервятникам, Джалгет, нам нужны воины, способные управлять кибернетическими системами. – За последние дни с глаз Аль Кемрана окончательно спала пелена суеверий, знания, насильно имплантированные еще при жизни адмирала Рахманова, наконец, начали

проявлять себя в полном объеме.

– Ты действительно считаешь, что воины пустыни способны управлять демонами? – Не унимался Джалгет.

– Но ты ведь смог. – Резонно возразил ему Аль Кемран. – Юсуф, верь мне. Машины, которые ты упрямо называешь "демонами", могут действовать и без участия людей. Но это опасно. Однажды они могут обернуться против нас. Я хочу, чтобы в каждой киберсистеме поселилась душа воина.

– Извини, Рашид, я многого действительно не понимаю. Они – Юсуф красноречиво указал на изображения двигавшихся средь джунглей машин, – непонятны.

– Джалгет, сознайся, ты просто боишься. – Иронично произнес Аль Кемран, искусно играя на самолюбии Джалгета.

– Мне не ведом страх! – Глаза Юсуфа яростно блеснули. – Но я знаю – настоящий воин убивает врага собственными руками…

Рашид прервал его жестом, выражающим крайнюю досаду.

– Наши враги будут пользоваться машинами. Они не выйдут, чтобы взглянуть в твои глаза. Вспомни Ширан. Только милость всевышнего спасла тебя от смерти при штурме базы неверных.

Юсуф насупился, глядя на множество экранов, окружавших их со всех сторон. Он не мог оспорить аргументы Рашида. На Ширане его действительно могли убить, растоптать механические исчадия, мог сжечь огонь, падающий с небес на землю и рвущийся от земли к небесам. В такой смерти не было чести.

На мостик поднялся Гасан.

– Повелитель, экипажи кораблей сформированы. Эскадра ждет приказа, чтобы подняться в космос.

– Расскажи мне, Гасан, как я смогу управлять другими кораблями?

– Для этого существует связь, господин. – Андроид указал на отдельно расположенную панель приборов. – Приказ, отданный через эту систему, будет принят к исполнению, немедленно. – Рука человекоподобного механизма дотянулась до панели связи и извлекла из гнезда компактный прибор. – Это коммуникатор командующего. Устройство автоматически генерирует командные коды, которые понятны машинам.

– Значит, мне не нужно постоянно находиться тут? Я могу отдавать приказы из любого места?

– Да, господин. Корабли останутся в космосе, но исполнительные системы будут слышать голос повелителя, даже если вы покинете их,

спустившись на поверхность планеты.

– Кто-то другой сможет воспользоваться этим прибором?

– Нет, повелитель. Коммуникатор начнет работать, только когда встроенный сканер опознает своего хозяина.

– Это хорошо. Ты принес добрые вести, Гасан. – Рашид обернулся, посмотрев на Юсуфа. – Видишь Джалгет, я не нарушаю традиций предков, не отнимаю у воинов их чести сразиться с врагом в открытом бою. Верные слуги, такие как Гасан, будут управлять космическими кораблями. А наши воины – он зловеще вздернул губу в подобии усмешки, – получат новых механических земуров, поступь которых сотрясает землю. Разве обладание такой мощью умаляет достоинство мужчины?

Джалгет хотел что-то ответить, но его прервал тонкий предупреждающий сигнал.

– Гасан что происходит?! – Мгновенно насторожился Рашид.

– В космосе появился корабль противника. – Андроид молниеносно считывал поступающие на тактические мониторы данные. – Он вышел из гиперсферы и движется к планете.

– Шайтан! Чей это корабль?!

– Флот Свободных Колоний, господин. – Голос андроида по-прежнему не выдавал никаких эмоций. – Фрегат "Осирис". Следует курсом сближения. – Гасан потянулся к пульту, одновременно из указательного пальца его правой руки, раздвинув пеноплоть, выдвинулся иглообразный контакт, который вошел в микроскопический ответный разъем.

Несколько секунд дройд молчал, считывая данные из глобальной сети, образованной кибернетическими системами эскадры, а затем, повернув голову, дополнил:

– Немедленное противодействие невозможно. Фрегат не снизил крейсерской скорости. У нас осталось двадцать секунд.

– Он знает о нас?! – Рашид в волнении привстал с кресла. – Двадцать секунд до чего?!

– До бомбового удара господин.

– Что? Что делать!?

– Сохранять спокойствие. – Андроид словно издевался над охватившим двух ширианцев ужасом. – Всем подразделениям следует отдать приказ о немедленном возвращении. Мы не сможем подобрать поврежденную технику. Необходимо немедленно начать процедуру подготовки к старту. – В этот момент слова дройда заглушил далекий басовитый рокот; на большинстве контрольных экранов, не смотря на полдень, были отчетливо видны зарницы титанических разрывов.

– …атаковал участок джунглей. Выпущена вторая партия кассетных бомб. Работают все бортовые комплексы ПВО…

На этот раз чудовищной силы удар пришелся на острова.

Экраны обзора на миг померкли, словно вокруг воцарились багряно-черные сумерки, разрывы ложились сплошной стеной, перепахивая каждый квадратный метр поверхности, Рашид, который просто не смог опомниться от стремительности происходящих событий, рухнул назад в кресло, вцепился в подлокотники и закрыл глаза, в ожидании смерти, но…

Крейсер содрогнулся, однако конвульсия сильнейших вибраций, пробежавшая по внутренним переборкам, стала единственной.

Побелевшие губы Джалгета шептали слова молитвы.

Андроид с отрешенным спокойствием наблюдал за небольшим количеством отчетов о повреждениях, транслированных на центральный информационный экран.

Рашид ощущал, как дрожит земля, но масса крейсера, внутри которого он находился, была столь велика, что удары взрывных волн от не прямых попаданий, не могли поколебать исполинский корабль, отдаваясь через обшивку лишь мелкой, вибрирующей дрожью.

Секунды, показавшиеся вечностью, прошли в жутком оцепенении, затем тягостное, инстинктивное ожидание близкой, неотвратимой смерти разрушил голос Гасана.

– Бомбометание завершено. Критических повреждений нет. Кибернетическая система фрегата "Абу Сейн" докладывает о разгерметизации корпуса. Прямым попаданием разрушен один из шести технических носителей, состыкованных с фрегатом.

Рашид открыл глаза.

Большинство экранов померкло, внешние датчики локации срезало осколками, но в работу уже включались дублирующие подсистемы, и приборные панели боевого мостика оживали буквально на глазах.

Рашид чувствовал, что попал в ситуацию, из которой не знает выхода. Он не мог предполагать, что произойдет дальше, повториться бомбардировка поверхности или нет, что станет делать корабль противника… – сотни вопросов стучались в очнувшийся от пережитого шока рассудок эмира, не находя там здравых ответов.

Он невольно обернулся, вопросительно посмотрев на Гасана.

Андроид верно истолковал обращенный на него взгляд.

– Господин нужно отдать приказ всем воинам: пусть передадут управление "Одиночкам" и немедленно возвращаются. – Гасан спокойно, трезво оценил обстановку и теперь выдавал желаемые советы, в то время

как Джалгет и Аль Кемран в немом потрясении смотрели на осветившиеся обзорные экраны, наблюдая ужасную для их взгляда картину: черные опаленные корпуса космических кораблей возвышались будто отвесные стены рукотворных ущелий, почва между ними, остекленевшая при посадке, сейчас была взломана сотнями воронок, на дне которых курились дымом поврежденные фрагменты надстроек вспомогательных систем.

– Хвала Всевышнему, мы живы… – невольно выдохнул Джалгет.

Рашид сумел взять себя в руки.

Он только что поддался ужасу и сейчас, поняв, что остался жив, испытывал гнев и стыд.

– Где он?!

– Корабль противника? – Уточнил Гасан.

– Да!!!

– Фрегат "Осирис" вне зоны досягаемости. Он уйдет в гиперсферу через две минуты.

– Гасан…

– Да господин.

– Отдай нужные приказы от моего имени. Мы должны отступить, противник знает, что мы тут и может послать огромные силы, которые раздавят нас на поверхности. Я больше не совершу подобной ошибки… – Он скорее шипел, чем говорил. – Нельзя было прятаться. Ты, – он обернулся к андроиду и ткнул его пальцем в грудь, почувствовав под тонким слоем пеноплоти прочный металлопластик. – Ты будешь учить меня, как нужно управлять космическими кораблями. Сможешь, Гасан?!

– У господина есть имплант. Обучение тактике космических боев и основам командования крупными соединениями не займет много времени.

– Мы должны вернуться на Сауд. Там ты подготовишь для меня новых воинов. Я знаю, где взять машины, похожие на тебя. Ты будешь учить меня и Джалгета. Пусть я сам стану демоном, но тот, кто посмел поднять руку на Кемрана Аль Рашида, ответит за все. – Яростные слова рвались с пересохших от волнения губ. – Пламя священной войны пожрет их планеты!..

Аль Кемран был вне себя от ярости, и сейчас в его словах обнажалась истинная суть тех мотивов, что управляли поступками этого человека.

Даже Джалгету стало не по себе.

– Эмир нам действительно нужно улететь отсюда, – произнес он, по-прежнему глядя на жуткую картину перепаханной взрывами земли и пегой от выщерблин, дыр и подпалин брони космических кораблей. – Вернемся на Сауд.

– Да, Джалгет. – Рашид постепенно приходил в себя, ярость отступала, и рассудок начал проясняться. – Воины возвращаются? – спросил он у Гасана.

– Да, господин. Возвращаются те, кто выдержал испытание, и смог пережить полный нейросенсорный с системами "Одиночек".

– Сколько их?

– Идет подсчет, господин. По поступающим данным тридцать процентов планетарной и аэрокосмической техники потеряно. Приказ о начале предстартовой подготовки уже отдан. Мы будем вынуждены оставить на поверхности поврежденный фрегат.

– Я не хочу его бросать!

– Мы можем оставить ремонтную бригаду и подразделение серв-машин для защиты корабля.

– Почему он не может взлететь немедленно?

– Не отвечает глобальная кибернетическая система. Прямое попадание в область управляющих модулей. Разгерметизирован корпус, это вызовет декомпрессии отсеков при выходе из атмосферы. Трещины расширятся, и фрегат получит дополнительные повреждения. К тому же разбит один из технических носителей. До его восстановления старт "Абу Сейна" с поверхности вообще невозможен.

– Андроиды смогут отремонтировать его тут?

– На это уйдет около десяти стандартных суток, господин. После ремонта "Абу Сейн" самостоятельно совершит прыжок и присоединится к эскадре на орбитах Сауда.

– А если этого не случиться?

– Это будет означать, что враг вновь атаковал острова.

– Хорошо, Гасан, отдай нужные распоряжения. Пусть все идет по плану. Джалгет – Аль Кемран встал, повернувшись к Юсуфу, – Пойдем, мы с тобой должны встретить вернувшихся воинов.

* * *

Афина. Древесный город в джунглях…

– Они стартуют!

Шайгалов угрюмо смотрел на контрольные мониторы.

В душе полковника царил настоящий ад.

– Паша.

– Да, командир?

– Ты понимаешь, что произошло? – Шайгалов поднял взгляд на боевого товарища.

– Понимаю. Нас пытались "зачистить". Вместе с исторической колонией Афины. Это сделано по приказу Воронцова.

– Почему? Почему он разбомбил джунгли и всего лишь припугнул ширианцев?

– Адмирал преследует свою цель. Он ненавидит все, что связано с Альянсом. Мы для него враги.

– Это понятно. Но жители Афины, Паша!.. Он ведь знал, что в указанной точке нас может не оказаться, но потомки колонистов, выживших после крушения "Сакса" погибнут наверняка!

– Значит, ему плевать на сотню – другую мирных жителей безвестной планеты.

– Неужели мы оказались человечнее чем… – Шайгалов не договорил, безнадежно махнув рукой. – Я пройдусь, лейтенант. Извини… – Неожиданно добавил он, чувствуя, что не в силах справиться с захлестнувшими его яростными, но противоречивыми эмоциями.

– Командир, постой.

– Ну?

– На побережье осталось два "Нибелунга", и в джунглях масса поврежденной техники. Начался пожар. Судя по показаниям датчиков, рептилии сейчас стремительно двигаются прочь от огня. Но главное, – в голосе Кайманова вдруг зазвучали так хорошо знакомые его командиру стальные нотки, – на островах остался поврежденный фрегат.

– Уже все решил для себя? – Прищурился Шайгалов. – И что ты хочешь от меня услышать?

– Я жду приказа. Нам объявили войну. Ты ведь знал, что такое может случиться. – Кайманов зло сплюнул. – Знал, потому, что назвал Воронцову ложные координаты. Элементарно подстраховался и спас сотни жизней.

– Разве мы улетели сюда с тем, чтобы снова взяться за оружие? – Смертельная бледность, смешиваясь с пунцовыми пятнами, ползла по щекам Шайгалова, выдавая сильнейший внутренний стресс, граничащий со срывом.

Вот такой трактовки вопроса в данный момент Кайманов не ожидал.

– Отдай приказ, командир! – Уже не попросил, а потребовал он. – Какого фрайга, нас будут бомбить а мы что? Подставим другую щеку?!

– Отдай его сам. От моего имени. Делай, что считаешь нужным, только оставь меня одного! Ненадолго…

– Ладно. Проехали.

Кайманов посмотрел вслед полковнику и вернулся к восстановленной после удара воздушной волны тактической системе.

– Внимание всем! – Произнес он, включаясь на командную частоту. – Мобильным группам разобрать цели. Шелдон, выдвигаешься к оставшимся на берегу "Нибелунгам". Осмотреть и доложить о состоянии бортовых систем. Хорватов, Лашутин, распределите людей, для захвата серв-машин и способной к самостоятельному передвижению планетарной техники. Вам будет выслана помощь во главе с Риганом. Работаем, парни у нас мало времени и масса дел…

Часть 3. Форт Стеллар.

Глава 7. Власть и Жизнь.

Подземные уровни Форта Стеллар. Кабинет адмирала Воронцова…

На экране системы дальней связи застыли скупые строки короткого сообщения:

Информация подтверждена.

Произвел бомбометание по указанным координатам.

Продолжаю полет в режиме автономного поиска.

Общая телеметрия данных бортовой локационной системы прилагается.

Воронцов несколько секунд пристально смотрел на строки сообщения, будто хотел разглядеть в тексте еще что-то, подвластное только его понимаю, затем, не вставая из глубокого кресла, повернулся, послав через устройство импланта мысленный приказ кибернетической системе.

Беззвучно заработал тактический виртуальный модуль, воздух подле рабочего стола командующего на миг потерял прозрачность, затуманился под воздействием проекционных устройств, и в ярко освещенном помещении внезапно возник сгусток черноты, щедро усеянный холодными искрами звездного света.

Мысли адмирала блуждали в бездонной пропасти.

Не все выжившие сумели выйти из войны. Это Воронцов знал наверняка, хотя ни разу не произносил вслух подобного тезиса.

Иногда в глубине сознания мелькала предательская мысль: ты болен. Болен давно и неизлечимо. Война отравила твой рассудок, поселилась в нем…

А как? Как иначе? – спрашивал себя Воронцов и не находил ответа. Молчание души означало согласие – не было у него иного пути, кто-то так или иначе должен был взвалить на себя бремя принятия жестких, понятных далеко не всем решений, и волочь его, не нести, а именно волочь, изо дня в день, из года в год…

Где он потерял веру в жизнь?

Адмирал запрещал себе оглядываться назад, но сегодня не смог, оглянулся. Он чувствовал, что разговор с бывшим полковником ВКС Альянса вот уже сутки, как не дает нормально мыслить, встает, будто призрак, на пути каждого совершаемого действия.

Он смотрел на холодные искры виртуальной модели космического пространства, а глаза постепенно сужались, в них разгорался непонятный

внутренний огонь, жутковатый, но не безумный.

Он вспоминал свой путь от юноши до мужчины – то был всего лишь день, когда ударный флот Земли вышел на орбиты Элио, и единственная, прорвавшаяся к поверхности планеты ядерная боеголовка превратила Раворград в исполинскую воронку, на дне которой стояли черные лужи *мертвой воды*.

Где гарантия что полковник, которому было лет пятьдесят не меньше, не являлся тем сопливым лейтенантом, что контролировал роковой запуск?

НЕТ. Нет такой гарантии, и потому все офицеры Альянса, все кто имел отношение к Земле, были в глазах адмирала виновны и заслуживали смерти, ибо они не только развязали войну, но и довели ее до той стадии *автоматизации*, когда противостояние уже не могло быть остановлено приказом одного или нескольких человек, будь они трижды командующими или адмиралами.

На полях сражений воцарились не знающие страха или пощады кибернетические комплексы, которые словно вирус чумы или стая саранчи не только уничтожали все живое, но и множились, воспроизводили себе подобных, используя любые доступные ресурсы.

Понятия "честь" или "милосердие" погибли, утратили смысл, – уже не люди решали судьбу отдельно взятых колоний, а машины, – искусственные интеллекты, созданные на базе самообучающихся модулей "Одиночка".

В тот роковой год, капитан Воронцов потерял сына, руку и часть рассудка.

Боевые серв-соединения нужно было остановить любой ценой. Победа Альянса казалась очевидной. Флот Колоний, собранный в кулак для последней решающей битвы – смехотворен, шансы на выживание равнялись нулю, все знали: грядет роковая развязка; после полосы самоотверженных схваток, после стольких жертв в системе Дабога война должна закончиться в считанные дни. На смену потрепанным ударным флотам Альянса шли новые соединения, армада, нацеленная на Луну Стеллар, превратившуюся в последний оплот колоний, была на девяносто процентов укомплектована автоматическими боевыми системами.

Форт Стеллар продержался бы против них пару дней не больше.

Однако на пути к Рори флот Альянса должен был выполнить промежуточное всплытие в одной из необитаемых систем сектора: прямого гиперсферного маршрута от Земли к Рори не существовало, а конструкция гиперпривода в те годы еще имела недоработки и ограничения: флот при смене линий напряженности гиперсферы должен был всплыть для подзарядки накопителей.

Воронцов хорошо помнил тот день.

Для Флота Колоний существовал только один шанс на победу.

Он помнил *как это было:*

...Черное ничто гиперсферы. Томительное ожидание перед боем. И почти как трубный глас архангела смерти – спасительное избавление от неизвестности – рев сигналов тревоги.

Космическая станция, на борту которой располагался штаб флота, заняла позицию на удалении от единственного планетоида системы, и только несколько человек знали, что именно небольшая планета является решающим козырем колонистов в предстоящей битве.

Все было предрешено заранее, но мало кто знал, что именно должно произойти.

Пока офицеры штаба, затаив дыхание, следили, как их флот занимает позиции в рассредоточенном сферическом построении, Владимир Воронцов, бледный, словно мертвец, готовил к испытательному удару новую боевую установку.

Он знал, что на одном из кораблей флота сейчас находиться его сын – Андрей, которому не избежать общей участи.

Стиснув зубы, он работал, а руки мелко дрожали, эта дрожь въедалась в душу, из-за нее было трудно мыслить, все происходило в непонятной прострации…

Ровно через час после окончания маневрирования и поступления последнего доклада готовности, масс-детекторы уловили возмущения метрики пространства. Что-то огромное пыталось вырваться в трехмерный континуум из аномалии космоса, именуемой "гиперсфера"...

Никто из них еще не знал, что это сражение войдет в историю как первый опыт "тактики прокола", расчетливо примененной кибернетическими системами искусственного интеллекта. "Одиночки", впервые получившие возможность управлять крупным соединением военно-космических сил, действовали иначе, чем люди. Они показали, как следует осуществлять "боевое всплытие" – расходуя драгоценную энергию, корабли флота Альянса маневрировали на зыбкой границе двух метрик, выпуская в реальный космос сначала разведывательные зонды, а затем, когда те определили наличие засады и точные координаты построения флота колоний, кибернетические системы нанесли упреждающий удар, пожертвовав частью кораблей среднего класса.

... Адмирал Воронцов никогда не читал учебников, написанных для будущих поколений, но ему и так не дано забыть призрачно-голубые вспышки множественных гиперпереходов, внезапно засверкавших

непосредственно среди боевого построения Флота Колоний...

Силы Альянса начали атаку из гиперсферы: в первой волне шли автоматические корабли-смертники. Около сотни ядерных взрывов расцвели в пространстве, превратив в обломки половину Флота Колоний, и вслед за ними, волна за волной, начали появляться боевые крейсера трижды проклятой прародины...

Казалось от разгрома и полного поражения колонистов уже не спасет ничто.

И в этот момент полыхнул СВЕТ.

Иначе это описать невозможно. Подходит только одно слово "СВЕТ". Он вспыхнул со стороны безымянной планеты, и оказался столь ослепителен, ярок, что смешавшиеся в построении корабли противоборствующих сторон, отбросили друг на друга резкие черные тени... Как будто гигантская фотовспышка осветила на мгновение происходящую во тьме драку.

Владимир был тем человеком, кто впервые применил в бою аннигиляционную установку "Свет". Не он конструировал ее, не он отдавал приказ, но именно капитан Воронцов совершил роковое движение, коснувшись сенсора боевой системы нового поколения… и вдруг все с грохотом и стенаниями рвущегося металла ухнуло куда-то в бездну...

...Когда он очнулся, экраны боевого поста продолжали работать.

Огромный, кроваво-красный спрут растекся в пространстве, затмевая своим свечением далекие искры звезды.

"Пространственные координаты объекта совпадают с координатами планетоида Y-047".

Сообщение системы не оставляло места для сомнений. Клубящаяся спиралевидная туманность была остатками той безжизненной планеты, на которую перед началом битвы были нацелены все сканирующие комплексы космической станции, координировавшей действия Флота Свободных Колоний.

Планета была аннигилирована.

Туманность переливалась, по ее "щупальцам" зримо пробегали волны алого свечения. И на фоне этого знака вселенского апокалипсиса двигалось множество сверкающих точек. Их были тысячи.

Воронцов понял – в этой битве не существовало победителей.

Перед его глазами проплывало кладбище обоих флотов.

Двигаясь, будто сомнамбула, он покинул боевой отсек. За время, проведенное в беспамятстве, станция оснащенная дополнительной защитой, успела удалиться от места вселенского апокалипсиса на несколько

миллионов километров и теперь автоматические системы готовили ее к прыжку на координаты Форта Стеллар. Долгожданная передышка в войне была получена ценой неисчислимых жертв, запредельной жестокости, но теперь, благодаря этой жертве, у колонистов появилось время на достройку Форта и двух сотен боевых кораблей, которые все еще оставались беззащитны на стапелях космоверфей знаменитой, превращенной в крепость луны.

Владимир брел по внутренним переходам станции, наблюдая ужасные картины. Большинство членов экипажа погибли, даже дополнительная защита не уберегла людей от запредельных доз радиации….

У него самого не работала полностью парализованная рука, он едва двигался, едва мыслил, но с каждым шагом в нем росло не ощущение победы, но яростное безумие, вызванное осознанием принесенной богу войны жертвы…

– Николай Ильич, мы вырвались! – Владимир Воронцов машинально задраил герметичный люк, ведущий в тактический модуль, и взглянул на сгорбленную спину командующего.

Станция маневрировала, используя двигатели четырех состыкованных с ней технических носителей, и звезды на обзорном экране исполняли понятный лишь одним навигаторам танец. Командующий повернулся и угрюмо посмотрел на вошедшего офицера.

– Чему вы радуетесь, позвольте узнать? – Хрипло спросил он, едва ли узнав Воронцова.

"Старый дурак!" – раздраженно подумал Владимир, незаметно доставая табельное оружие.

– Адмирал, я потерял в этом бою сына, а вы, похоже, – разум, – резко ответил он. – Наш долг продолжать борьбу!

Старого адмирала ударил озноб. Он был раздавлен. Чудовищность схватки и цифры потерь не укладывались в его голове. Он видел взрыв, в котором за мгновение погибли сотни тысяч человек. Стоило понять ужас этой цифры, чтобы отказаться от лавров "победителя". Он не хотел продолжения. Не хотел вместе с безумцами бомбить планеты, закрепляя стратегический успех...

– Там остались люди... – медленно произнес он, – и машины. Наш долг – вернуться и попытаться спасти хоть кого-нибудь, а не воротить новые горы трупов!

– Там не осталось никого! Ни одно живое существо не выжило там, где испарялся металл! – Глухо, гневно ответил офицер. – Все корабли, у которых выстояли силовые поля, уже дали о себе знать, а что до

активированных сервосистем, уцелевших в обломках, – мне плевать на них! Отдавайте приказ!

– Вы безумец, Воронцов! – Произнес адмирал, узнав, наконец, говорившего с ним офицера.

– А вы трус и мертвец! – Владимир поднял тяжелый автоматический пистолет. – Мой сын отдал жизнь за это дело, и я отомщу за него! Мы уничтожим Земной Альянс, пока не поздно, пока не собраны новые силы!

Командующий отвернулся к экранам.

Владимир не стал стрелять в спину.

– Вы арестованы. Я принимаю командование флотом!..

Это было так давно... Первые шаги трудного пути к победе и безграничной власти...

Собственно, тогда он верил во все, что делал...

Верил на протяжении десятилетий жуткой, постепенно сжирающей рассудок войны.

Нет, не было и не могло быть прощения ни одному из противников. Новое поколение щадило их, порой даже жалело, упрекая адмирала в излишней жестокости к побежденным.

А он не мог иначе.

Взгляд Воронцова прояснился, не утратив при этом яростного выражения.

Он смотрел на трехмерную модель участка звездного пространства, и картина ближайших событий разворачивалась перед мысленным взором командующего, так словно все уже свершилось, и он просматривал запись.

Неудивительно. Выиграв сотни битв, проведя годы в постоянном напряжении мысли, одновременно контролируя положении на десятке *пространственных* фронтов, адмирал стал фактически провидцем. Он быстро и безошибочно планировал многоходовые комбинации, понимая последствия каждого задуманного действия.

Вот оно, скопление Ширана. Сюда после назидательной бомбардировки отступят силы ширианцев. – Мысленный приказ добавил в схему расположения звезд тонкие нити возможных гиперсферных маршрутов.

Судя по сообщению покойного полковника Шайгалова, боевыми кораблями завладели люди дикие, мало сведущие в технике, тактике, но решительные, кровожадные и фанатичные. Пусть будет так. Поствоенное пространство Обитаемой Галактики быстро забывает уроки, теряет единство, взять, к примеру, три звездные системы: Икствайл [28], Парлем и

Орихайго. Сейчас они объявили о независимости и создали оборонительный союз, укрывая на своих планетах беглых военных преступников. Адмирал не мог навести там порядок силами Флота, иначе другие суверенные миры поднимут вой о «попрании независимости колоний».

Пусть так.

Но возмездие неотвратимо. Те, кто пригрел у себя убийц, кто не уважает павших в борьбе за их же независимость, все же понесут заслуженную кару, одновременно показав остальным как опасно оставаться в одиночестве, уповая на беглых преступников и несколько трофейных кораблей.

Данные по анализу гиперсферных линий навигации свидетельствовали: у ширианцев, если они предпримут завоевательный поход, есть три маршрута – к Земле (он будет перекрыт одним уз ударных флотов колоний, блокирующим Солнечную систему) к системе, Афины, куда они не сунуться после сегодняшнего инцидента, или к мирам тройственного союза.

Адмирал прищурясь смотрел на три крохотные звездочки.

Вы получите по заслугам господа, но не сомневайтесь, – мысленно беседовал он с незримыми оппонентами. – *Когда наглядный урок будет преподан, Флот Колоний придет к вам на помощь. Обязательно придет, чтобы продемонстрировать – есть только один гарант мира на поствоенном пространстве…*

* * *

Полковник Шайгалов сидел в полном одиночестве, глядя, как пологие океанские волны, подкрашенные в багрянец зари, лениво накатывают на галечный пляж, облизывают сглаженные прибоем валуны, оставляя подле них извилистые дорожки пены, и тихо, крадучись откатываются назад, чтобы снова возродиться…

Он не хотел возвращаться назад.

Непонятный ком в груди, чувство тоски, обреченности, едва ли не тщеты всего сущего захлестывало душу, как пенный прибой.

Тихий вечер, наступивший после полного жестоких событий дня, нес не умиротворение, он казался либо издевкой, либо назиданием самой природы, говорящим: *я залечу свои раны, а ты?*

Шаги.

Он не вздрогнул, не показал вида, что слышит их, но на самом деле тренированный слух Шайгалова отлично различал посторонние звуки,

настороженно выделяя их из общего шумового фона.

Шли двое. Поступь одного была уверенной, твердой, второй человек передвигался мягко, как будто крадучись.

Шайгалов машинально положил руку на силовую кобуру, но, услышав негромкий разговор на скверном интеранглийском, убрал палец с сенсора активации.

Голос мужчины был незнаком, а вот женский принадлежал Ладе.

– Я говорю тебе, Иван пошел сюда…

– Почему ты знаешь?

– Следы.

– Ва! Следы… Весь лес истоптан. Большие ящерицы, машины, бомбы…

– Я выросла тут. Не спорь. Просто иди следом.

Голоса на секунду стихли, а затем из потрепанных прибрежных зарослей действительно появилась Лада, вслед за которой двигался… ганианец!

Увидев Шайгалова, она направилась к нему.

Появление Лады заставило сердце Ивана радостно вздрогнуть, а вот вид ганианца вызвал у него подозрение. Ладно, положим, Святогор сумел поставить его на ноги после тяжелого ранения, но кто отпустил его шататься по джунглям?

Подойдя к Ивану, ганианец внезапно сделал незнакомый жест, затем склонил голову и произнес:

– Джелави, я Анвар сын Дашбека из клана Багрейм. Ты спас мою жизнь.

Шайгалов не был настроен принимать благодарности. Для него чудесное избавление ганианца от уготованной тому участи являлось лишь эпизодом, мелкой частностью, на фоне многих лет войны.

– Не стоит благодарности, Анвар. Во-первых, я был не один, во-вторых, ты своей жизнью обязан скорее нашему медику, Святогору.

– Да, джелави. Добрый великан Святогор. Он кудесник. Но я воин, и знаю, что лекарь может выполнить свою работу только когда ему есть кого врачевать. Я правильно произношу слова?

– Правильно. – Иван искоса, вопросительно посмотрел на Ладу.

Она присела рядом на камень.

– Я попросил твою женщину, джелави…

Шайгалов поперхнулся.

– Так, стоп. Лада, что это значит? Ты разговариваешь на интеранглийском без переводчика, водишь по джунглям человека

который…

– Анвар искал тебя.– Мягко прервала его Лада. Кайманов слишком занят, я вызвалась помочь.– А что до интеранглийского, то его я знаю с детства.

– Понятно. Для чего ты искал меня? – Взгляд Шайгалова вернулся к ганианцу.

– Твой лейтенант собирает брошенные в джунглях машины. Скоро будет атака на остров. Я знаю, ты великий воин, полковник Шайгалов. Позволь мне встать рядом с тобой. После гибели многих старейшин я теперь глава Клана. Мои воины пойдут в бой, и будут сражаться за тебя как пустынные маргалы.

Иван встал с камня, подошел к кромке воды, секунду стоял, глядя на пылающий багрянцем горизонт, а затем, резко обернувшись, спросил:

– Кто сказал тебе, что я собираюсь воевать?! Кайманов собирает технику – так иди к нему, Анвар. Он тоже принимал участие в твоем спасении и собирается, как видно, продолжать это безумие.

– Курунг хау! – Злобно прошипел ганианец. – Пусть гнев Шииста обрушиться на мою голову, но клянусь, я не понимаю твоих слов!

– Конечно, ты не понимаешь меня. – С вызовом ответил Шайгалов. – Ты желаешь мести, а я устал от войны. Я прилетел сюда не убивать или быть убитым.

– Ты боишься смерти, джелави? – Искренне удивился Анвар.

Шайгалов не удержался. Он долго контролировал свои эмоции, держал их в железном кулаке воли, но тут не выдержал, сорвался, – сделав шаг к ганианцу, он резко схватил того за отворот одежды и произнес, глядя в глаза:

– Что ты знаешь о войне и смерти?!

В голосе, взгляде Ивана было сконцентрировано столько боли, ярости, что Анвар невольно отшатнулся.

Неизвестно чем бы закончилась эта сцена, не появись на галечном пляже лейтенант Кайманов.

– Брейк, господа. – Он сразу проникся ситуацией, вклинившись между ганианцем и Шайгаловым. – Командир, оставь его. Раны еще не затянулись, рановато для рукопашной.

Действительно на одежде, выданной Анвару Святогором, проступили пятна крови.

– Извини. – Иван разжал пальцы.

– Ярость убивает разум. – Философски пробурчал ганианец.

Лада, наблюдавшая за происходящим, внезапно встала.

– Я могу сказать? – Тихо спросила она, обращаясь к Ивану. Интеранглийский давался ей неплохо, хотя говорила она на нем с незнакомым Шайгалову акцентом..

– Можешь. – Полковник ощущал себя неловко, но поздно было что-то менять. – Говори на своем языке, у меня в импланте установлен модуль синхронного перевода.

– Отойдем. – Попросила она, заметив, что Павел усадил Анвара на песок и достает автоматическую полевую аптечку.

– Что ты хотела мне сказать? – Иван теперь говорил, тщательно подбирая слова. Он не хотел больше давать волю эмоциям.

– Я знаю тебя несколько дней. Но за это время произошло много событий. Достаточно, для того чтобы увидеть душу человека.

– Ой, ли?

– Не усмехайся. Ты из другой жизни, из иных миров, но это не значит, что мы разные. Мои предки потеряли знания о технике, космосе, мы сами живы лишь благодаря нескольким машинам, продолжавшим работать на протяжении веков. Но не думай, что за это время мой народ просто существовал. Мы научились миру с природой, который дал нам способность предвидеть поведение диких зверей, различать их голоса, слышать приближение шторма в шорохе зарождающегося ветра. Мы видим души друг друга и часто обходимся без слов. Твоя душа скрыта в грубой скорлупе. Она не спряталась – Лада бесстрашно взглянула в глаза Шайгалова. – Она ждет.

– Ждет чего? – машинально переспросил Иван.

– Она ждет, когда ты выпустишь ее на волю. Твой разум держит душу взаперти.

– Возможно… – Иван был удивлен таким оборотом их разговора. – Не знаю, сможешь ли ты понять меня, но скажу – мне было девятнадцать лет, когда Земля начала войну против Колоний. Ты понимаешь, о чем я говорю? Войну против таких народов как твой. Почти беззащитных, едва прошедших трудный путь выживания на иных планетах. Нам лгали. Лгали изначально, дурили головы тотальной пропагандой. Говорили, что колонии не желают принимать новых поселенцев, все политические меры исчерпаны и нам остается одно – отвоевать себе место под светом звезд. Все обернулось ложью, бессмысленными смертями – ни одна планета не могла принять нас, выходцев с Земли, только потому, что иные миры, даже терраформированные, были смертельно опасны для жителей мегаполисов… Там, где ступала моя нога, я ни разу не вышел под открытое небо, без дыхательных фильтров и метаболических имплантов. Но

понимание этого пришло слишком поздно, не только у меня, но и у миллионов других солдат, уже покалеченных войной, покалеченных изнутри, понимаешь? Нас повязали кровью, и старательно превращали в убийц, а когда истерия захлебнулась, нам на смену пришли машины.

Лада слушала его, затаив дыхание, не перебивая, только ее глаза не отпускали взгляда Шайгалова, и от этого полковнику было легче говорить, словно часть моральной боли перетекало к ней, – женщине из иного мира, куда тоже дотянулись корявые щупальца вселенского безумия.

– Нас стали заменять машинами, несогласных с политикой Альянса загоняли в самое пекло, туда, где не выдерживал металл, где надрывались сервомоторы, сходили с ума искусственные рассудки… До сих пор не понимаю, как мне удалось выжить, уцелеть. – Иван говорил тихо, уже без надрыва в голосе, лишь непомерная печаль человека, достигшего дна безумия, и сумевшего снова вынырнуть на свет из темного омута, звучала в его словах.

– Нас становилось все меньше, а война разгоралась с новой силой. Больше уже никто не говорил о новых жизненных пространствах, вопрос теперь ставился иначе, говорили о том, что на карту теперь брошено физическое выживание земной цивилизации. – Иван перевел дыхание. – Родилось и выросло новое поколение, а нас, тех, кто помнил начало войны, можно было сосчитать по пальцам, те, кто лгал, развязывая бойню, умерли, с них уже невозможно было спросить, взять за глотку, и я понял, – мое единственное предназначение среди творящегося вокруг безумия – воевать так, чтобы спасти как можно больше молодых ребят, что приходили под мое начало.

– Я заметила, что люди верят тебе абсолютно. – Произнесла Лада, взяв Ивана за руку. Они медленно пошли вдоль кромки прибоя, вокруг стремительно падали сумерки, теплый закатный ветер нес со стороны океана запахи соленых брызг…

– Безумие поразило всех. – Иван ощущал тепло ее ладони и искал в себе силы говорить дальше, потому что Лада оказалась именно тем человеком, кто мог беспристрастно выслушать его, и, быть может, вынести вердикт, или дать совет? – Гонка вооружений и технологий породила машины небывалой степени адаптивности и надежности, но они предатели, *потенциальные предатели и убийцы*, потому что такими их сконструировали люди. Мы пожинаем то, что создала наша ненависть.

– Ты говоришь об искусственных интеллектах?

– Да. Модули "Одиночка" выпускавшиеся в последние годы войны, настроены особым образом: если в кресло пилот-ложемента садиться

новый пилот, то "Одиночка" получив через прямой нейросенсорный контакт доступ к его рассудку, мыслям, производит свою оценку человеческого разума. Не многие знают, что последняя модель "Одиночки" снабжена дополнительным модулем адаптации: Система, проанализировав поступающие команды, может подчиниться абсолютно не опытному пилоту, который действительно желает воевать, и заблокирует доступ к управлению человеку пусть опытному в вопросах ведения боевых действий, но негативно оценивающему их целесообразность. Понимаешь до чего мы дошли? Машины производят селекцию людей, они примут, и будут терпеливо, покорно обучать кровожадных кочевников, потому что их помыслы соответствуют программным задачам боевой машины, но отвергнут и даже попытаются уничтожить человека, который, осознал бессмысленность этой бойни.

– Значит ширианцы, о которых мне рассказал Кайманов, смогут развязать новую войну?

– Смогут. Набьют себе шишек, потеряют много воинов, но в конечном итоге добьются успеха. Кибернетические системы по большинству будут действовать самостоятельно, исполняя все рутинные операции, им необходима лишь воля человека, придающая неодухотворенной системе внешний источник смысла существования. И Воронцов, которому я передал информацию, прекрасно осведомлен об этом. Но ты видела – фрегат колоний нанес удар по переданным мной координатам, считая, что тем самым уничтожит колонию Афины.

– Если адмирал отпустил ширианцев, значит, ему выгодно чтобы снова вспыхнула война?

– Выходит так. – Согласился Шайгалов.

– Иван, я многое поняла из твоих слов. Ты надеялся обрести новую жизнь, дать своим людям шанс забыть о войне. И сейчас твоя душа разрывается между несбывшимися надеждами и сигналом рассудка, предрекающим новый виток кровавого безумия. Ты пытаешься отречься от своей судьбы, но так не бывает. Ты не найдешь покоя. Никогда и нигде.

Шайгалов остановился.

Глаза Лады светились в темноте таинственным блеском.

– Ты, никогда не знавшая войны говоришь мне о долге офицера? Предлагаешь нести до конца свое бремя воина?!

– Ошибаешься Иван. Ты сам избрал свой путь, ты научился жить по справедливости, защищать людей, совершая почти невозможное. Ты сберег много жизней, и сейчас отрекаешься от самого себя. Вот все, что я вижу.

* * *

Слова Лады вновь перевернули душу Шайгалова.

Он не понимал, что происходит.

Запрокинув голову, он смотрел на звезды и думал, что остался один, но это было не так.

Просто очередная развилка судьбы, порождала нечеткость сознания, нити вероятностей уходили в неопределенность, следовало сделать выбор и поставить точку.

Тепло ее ладони жгло руку.

Тридцать лет ты воевал за других, пытаясь среди определенности приказов вести свою линию судьбы. Теперь ты свободен, волен в праве выбора, так почему колеблешься?

Год прошел. Год, за который в оттаявшую душу пришло столько нового, неизведанного, и вот опять, с головой в омут безумия?

Нет, это будет не безумие, Иван – нашептывал внутренний голос. – *Ты сможешь отпустить Кайманова одного? Позволишь себе остаться в стороне? Вот это и будет настоящим безумием, твоим личным адом, когда каждое утро, просыпаясь, ты будешь думать о них, тех, кто ушел, чтобы остановить выпущенную на волю смерть.*

Это были тяжелые мысли. Они надрывно ворочались в голове, словно тяжеленные булыжники.

Лада внезапно отпустила руку Ивана и тихо произнесла:

– Иди.

– А ты? – Вырвалось у него.

Лада ничего не ответила, лишь в темноте он почувствовал прикосновение ее ладони к своим губам.

…

Он молча шагнул в темноту.

…

– Кайманов?

– Здесь, командир. .

– Собери людей. – Иван не видел лейтенанта, с наступлением сумерек тот предусмотрительно включил режим "хамелеон" (Лада предупреждала о частых ночных появлениях на побережье хищных океанских рептилий) и его экипировка теперь полностью сливалась с мраком, не уловимая ни сканерами, ни взглядом.

– Точка сбора? – Уточнил Павел. Судя по звуку голоса, он находился всего в двух шагах.

– В долине. Всю технику перегнать под защиту маскирующих полей. Соблюдать осторожность.

– Не маленький, понял.

– Анвар? – Шайгалов машинально коснулся своих губ. Присутсвия Лады он больше не ощущал, словно приняв решение и произнеся первые фразы лаконичных приказов, он потерял незримую связь с ней.

– Я тут, джелави. – Фигура ганианца внезапно появилась на фоне серебристой лунной дорожки, искажающейся в плеске волн.

– Воины твоего клана знакомы с техникой? – Уточнил полковник.

– Да. – Утвердительно кивнул тот. – Мы охраняли и обслуживали технические космодромы Альянса, построенные на нашей планете.

– Сколько человек ты сможешь повести за собой?

– Честь Кланов оскорблена. Нас предали и убивали, как скот, ударив в спину. Все, кто может носить оружие, будут мстить.

– Нет. Мне нужны только опытные воины, знакомые с техникой. Теперь подумай и ответь: сколько?

– Человек триста, джелави. – Ответил Анвар. – Точнее сказать не могу. Не знаю, сколько воинов погибло во время атаки на ширианцев.

– Ты готов подчиняться? Понимаешь, что я не допущу самодеятельности ни от тебя, ни от твоих людей? Только полное, беспрекословное подчинение моим приказам.

– Мы не дикие кочевники. Воины Кланов знают, что такое дисциплина. Повиновение – тоже путь к свершению возмездия.

Он отличается от ширианцев. Подумал Шайгалов. – *Если его воины действительно оправдают возлагаемые на них надежды, у нас будет штурмовой батальон, как минимум. Но этого мало. Катастрофически мало…*

– Хорошо, Анвар. Мы еще побеседуем с тобой чуть позже.

* * *

Под сенью статис-поля работали прожектора, свет которых заливал восстановленные внутренние дворики древнего периметра мертвенно-бледным сиянием. Такой эффект создавали антисканирующие системы маскировки, не позволяющие световым потокам выходить за пределы ограниченной площади.

Шайгалов не ощущал душевного подъема, для него знакомые звуки работающих сервоприводов, гул движков планетарных машин, ритмичное колебание почвы под ногами означали не обновление, но возвращение к прошлому.

Взять себя в руки. Все, Иван, ты сделал выбор. – Он мысленно разговаривал сам с собой, наблюдая, как на отдельной площадке, спроектированной древними кибермеханизмами для приема челночных кораблей, сейчас выстраиваются доставленные двумя «Нибелунгами» серв-машины.

Поспешный старт ширианской эскадры существенно облегчил первоначальную задачу – брошенная в джунглях и на побережье боевая техника имела незначительные повреждения, легко устранимые в полевых условиях. Четыре "Фалангера" и восемь "Хоплитов" вообще не пострадали ни от ковровой бомбардировки джунглей ни от схваток со звероящерами, – их пилоты, вступив в нейросенсорный контакт с модулями "Одиночек" попросту не выдержали прямого соединения с кибернетической системой – трое сошли с ума, один погиб, остальные находились в состоянии комы.

Шайгалов смотрел, как грозные планетарные машины выравнивают строй и останавливаются, поджимая ступоходы с затухающим воем сервоприводов, а в душе росло, ширилось чувство, что сейчас, в эти минуты им пройдена черта *невозвращения*.

Разум тонул в привычной, напряженной атмосфере, начиная помимо воли работать с полной самоотдачей, исчезали, истончались чувства, что волновали его всего лишь пару дней назад, а на их место приходило привычное, словно старая рубашка, предчувствие близкого боя, рассудок уже планировал предстоящую операцию, даже мышцы на короткое мгновенье охватила знакомая, бесконтрольная дрожь…

– Земцов, где тебя носит? Экипировку, живо! – Губы привычно отдавали в крохотный имплант личного коммуникатора короткие фразы команд, – Шелдон, изъять кристалломодули систем искусственного интеллекта. Личному составу построение через пять минут.

Сзади появилась могучая фигура Святогора, в ногу с которым шагал введенный в автоматический режим тяжелый бронескафандр.

– Экипировка, командир, – он протянул полковнику крохотный чип и тихо добавил: – Земцов погиб на Эрлизе.

Шайгалов на мгновенье потерял дар речи, потом машинально тряхнул головой.

Да. После смерти адъютанта он больше не вводил эту должность в штат руководимых им подразделений.

Память.

Проклятая память…

– Помощь нужна?

– Справлюсь. – Иван вставил чип с личными биометрическими

данными в неприметное гнездо, расположенное на плечевой бронепластине скафандра, и тяжелая снабженная сервоусилителями мускулатуры оболочка начала раскрываться, сдвигая керамлитовые сегменты в техническое положение. Еще секунда и Иван привычным шагом назад, спиной *вошел* в раскрывшийся скафандр, ощущая как бронепластины тут же начали обратное движение, гермошлем с системой БСК [29] сухо щелкнул электромагнитами проекционного забрала, тускло осветились в режиме самотестирования внутренние экраны периферийного зрения, внешние микрофоны издали характерный щелчок, и до слуха долетела фраза Святогора:

– Систему метаболической корректировки включи, командир. Не помешает.

– Включу. – Пообещал Шайгалов. Святогор был единственным от кого он всегда принимал советы, вне зависимости нравились они полковнику или нет. После последнего ранения, полученного на Эрлизе, батальонный медик в буквальном смысле вернул его к жизни, вытащив фактически с "того света".

…Личный состав уже построился, и Шайгалов, коснувшись языком сенсора боевой системы поддержания жизни, сделал шаг вперед, выходя на середину освещенного плаца, по краю которого возвышались серв-машины, а чуть ближе выстроились люди.

Шайгалов мог пренебречь чем угодно, любым пунктом или буквой утративших смысл уставов, но просто отдать приказ, послав людей в бой, он не мог. Они имели право знать все, и делать собственный выбор, либо следуя за ним до конца, либо оставшись в стороне от назревающего водоворота событий, выбраться из которого дано далеко не всем…

Первые слова полковника прозвучали в напряженной звенящей тишине ожидания.

Он говорил, понимая, что обращается к офицерам (к концу войны должности рядового и сержантского состав ВКС Альянса полностью замещали кибермеханизмы) которые прошли через многие испытания, здесь, на ярко освещенном плацу, попросту не могло находиться случайных людей, все прекрасно знали друг друга, и понимали, о чем говорит их командир:

– Сегодня по приказу адмирала Воронцова нас попытались "зачистить", вместе с исторически сложившейся колонией Афины.

Слова Шайгалова, переданные аудиосистемой экипировки, гулко отдались в стылой ночной тиши.

Для многих сказанное явилось откровением, только сейчас большинству собравшихся стало понятно, почему фрегат Флота Колоний бомбил джунгли.

– Мы, по мнению победителей, заслуживаем одного – смерти. Но я знаю вас. Каждого, кто выжил там, где не выдерживали кибермеханизмы. Вы прошли через ад, но не превратились в бездумных убийц, за что в конечном итоге попали на Ширан, в бессрочную ссылку. Теперь, когда закончилась война, я уже не могу приказать – вернитесь, чтобы снова драться. Мы покидали Ширан с единственной целью, – никогда больше не брать в руки оружие, но обстоятельства… не судьба, а именно обстоятельства сложились так, что мы вынуждены ответить на брошенный вызов.

Полковник перевел дыхание и продолжил:

– Судьба нашей колонии предрешена. Здесь, несомненно, в ближайшие дни появятся разведывательные силы Союза Центральных Миров. Если мы останемся на планете, нас уничтожат. Выход один – воспользоваться брошенной ширианцами техникой и временно покинуть Афину. Для этого необходимо захватить поврежденный фрегат. Пока это все. Ближайшая задача, которая должна быть выполнена немедленно. Вопросы?

– Что будет с коренным населением Афины?

– Город на деревьях сложно обнаружить. Мы сами на протяжении года жили тут, вели разведку прилегающих территорий и не знали о его соседстве. Там нет явной техногенной среды, которую, прежде всего, фиксируют поисковые системы. Я предупредил Ладу о существующей опасности, но она отказалась эвакуировать колонию. У них свои приемы выживания в джунглях, и я не думаю, что коренному населению Афины что-то действительно угрожает. Единственный фактор, способный их выдать – это наше соседство.

– Что мы будем делать, захватив фрегат?

– Выйдем в глубокий космос и сориентируемся в обстановке. – Ответил Шайгалов. – Вы видели, что в руки ширианцев попала техника Альянса, которую они смогут использовать для достижения своих целей. Удастся им завоевательный поход или нет, но проклятье за любую смерть, причиненную машинами, падет на нас. По сути выбора нет. Либо мы отстоим свое право на жизнь, либо нас уничтожат. Положение отчаянное, но не безвыходное.

– А есть ли толк скрываться? Это тоже не жизнь… – Раздалась очередная реплика.

– Скрываться мы не будем. – Уверенно пообещал полковник. – Сейчас нет смысла играть вероятностями. Если мы не покинем Афину, то приговорим и себя и исторически сложившееся поселение. Пока что наша задача – получить свободу осознанного выбора. Еще вопросы?

– Почему удар фрегата пришелся на пустой участок джунглей? И какого фрайга они только напугали ширианцев, а не уничтожили захваченные ими корабли?

– На первый вопрос я могу ответить: не зная, насколько адекватен Воронцов, я дал ему заведомо ложные координаты поселения. По поводу ширианцев можно лишь предполагать, – их отпустили намеренно, испугав и разозлив. Выяснить что-либо конкретное мы сможем, только произведя информационную разведку, получив данные о реальной расстановке сил на поствоенном пространстве.

– Почему изъяты кристалломодули "Одиночек"?

Шайгалов ждал этого вопроса.

– Они опасны. – Коротко ответил он. Мысли по данному поводу постоянно возникали в рассудке полковника, и чем больше он думал о проблеме искусственных интеллектов, тем отчетливее виделось решение. – Если мы хотим получить независимость, об использования "Одиночек" с этого момента следует забыть. Вся техника должна быть переведена в режим полуавтоматического управления по схеме пилот-исполнительные подсистемы. "Одиночки" не только опасны, их применение превратит нас не более чем в остаточную группировку сил Альянса, решившую продолжить сопротивление. Отныне и навсегда, те, кто остается со мной, должны усвоить принцип: один пилот – одна машина. Никаких беспилотных механизмов. Если придется драться – мы будем воевать не за Альянс, за самих себя, и потому каждый будет нести свою, персональную ответственность за свершенные действия. С господством роботизированных комплексов покончено.

– Дело. – Громко заявил Риган. – Хватит уже. Здесь, по-моему, нет сосунков, которых нужно водить за ручку, донацеливая орудия? Или кто-то мне скажет, что не в состоянии справиться с серв-машиной или управлять АКИ без модуля искусственного интеллекта? Командир полностью прав.

На этот раз ответом послужила тишина.

– Все – Шайгалов окинул взглядом строй. – Мы достаточно сказали друг другу. Время не на нашей стороне. Поэтому те, кто решил следовать за мной – по машинам. Если кто-то остается – осуждать не буду.

Строй еще секунду стоял, не шелохнувшись затем, как много лет назад в эфире на командной частоте зазвучали приказы:

– По машинам!

Шайгалов стоял в центре плаца.

Стоял до тех пор, пока не остался один, и только убедившись, что за ним решили последовать все без исключения, он направился к открытой рампе штурмового носителя.

Через минуту взревели планетарные двигатели двух "Нибелунгов", вторя им, заработали движки десантно-штурмовых модулей.

Семьдесят человек – Мысль билась в рассудке полковника. – *Неполная рота, доукомплектованная взводом серв-машин. Слабо против фрегата.*

"Нибелунг" резко качнуло. Неслышно открылся люк командно-тактического отсека и на пороге появился Кайманов. Забрало его гермошлема было поднято, глаза смотрели ровно, без лихорадочного блеска.

– Прорвемся, командир. – Его голос все же нес нотки тщательно скрываемого внутреннего напряжения. – За год, конечно, расслабились, не спорю, но каждый из нас и не в таких передрягах бывал. Втянемся. Большая честь этим ширианцам.

– Ширианцам? – Вскинул взгляд Шайгалов.

– Вот этого не надо командир. – Кайманов присел, заставив застонать противоперегрузочное кресло от веса брони. – Ты правильно сказал: выйдем в космос, сориентируемся и ударим. Но не по колониям, верно?

– Верно, Паша. По сути, у нас только один путь – остановить этих "завоевателей". Воронцов что-то задумал, и важно очень важно понять: для чего он решил использовать воинов пустыни. Просто так подобную чуму в пространство Обитаемых Миров не допустит ни один отморозок. Здесь есть тонкий и жестокий расчет.

– Войны он хочет. – Пробурчал Кайманов. – Привычной войны. Только не у себя под носом, а на периферии, в "не присоединившихся" мирах. Тут и гадать нечего, вот увидишь, когда проанализируем навигационные линии гиперсферы, все встанет на свои места.

Шайгалов ничего не ответил.

Он смотрел на контрольные мониторы, физически ощущая как два "Нибелунга" в сопровождении четырех ДШМ под прикрытием работающих фантом-генераторов скользят, словно тени, приближаясь к злополучным островам.

* * *

Скопление Ширана. Планета Сауд…

Рашид Аль Кемран сидел на поросших травой руинах дворца, который строил для себя адмирал Рахманов и размышлял над превратностями судьбы и новыми, открывшимися ему в течение нескольких дней знаниями.

Он уже не мог мыслить как раньше.

Натура племенного вождя, эмира, под чьим началом еще пару лет назад находилось полсотни диких воинов, претерпела радикальные изменения под прессингом обучающих кибернетических систем.

Знания, закачанные в его разум через имплант, причудливо смешивались с опытом прожитых лет, сейчас, в эти самые минуты внутри зрелого беспощадного воина зарождалась новая видоизменившаяся личность.

Поначалу резкие перемены пугали его до приступов тошноты и резкого головокружения, он еще не пришел в себя от сомнамбулического состояния, в котором покинул полевой медико-информационный центр, ноги, подкашивающиеся от периодических приступов дурноты и слабости, сами привели его сюда на развалины утопии, которую Зураб Рахманов пытался построить на Сауде.

Перед мысленным взором Рашида распахивалась необъятная Вселенная, утраченные знания предков, путешествовавших через бездну космического пространства, вернулись, болезненно будоража сознание.

Он больше не мог замкнуться в привычном мирке суеверий, Рашид не понимал, и не догадывался, что любая обучающая программа, напрямую работающая с рассудком, являлось детищем отгремевшей войны, – разработанные специалистами Альянса виртуальные модули обучения не только размещали в рассудке необходимые для командования кораблем либо флотом знания – курс ускоренной мнемонической подготовки содержал психологическую составляющую, – раненным офицерам, проходящим курс реабилитации или только призванным новобранцам, которых массово готовили в подобных центрах, внушались определенные взгляды и моральные нормы, которыми, по мнению командования, должен был обладать преданный Альянсу офицер.

Сейчас гремучая смесь, состоящая из прошлого жизненного опыта, имплантированных знаний и неявного психологического зомбирования, проходила болезненную переплавку, стадию первичного осмысления, последствия которой не брался предсказать никто. Случаи психических срывов, умопомешательства являлись нормой, не всякий выдерживал подобной, ускоренной мнемонической подготовки.

Аль Кемран выдержал.

Он был свиреп, бесстрашен, идея Великого Завоевания, оказывается, не выходила за рамки психологической коррекции, просто одни понятия подменялись другими, но от этого не менялась суть внутренних позывов.

Его религиозная вера резко пошатнулась, темные предрассудки не сочетались с объемом полученной информации, но такая жертва хоть и причиняла массу внутренних неудобств, уже не казалась после некоторых размышлений, чрезмерной платой за новый уровень свободы и власти.

Он лишился привычных заблуждений, но в обмен получил столь необходимые знания. Его жажда завоевать весь мир всю обозримую Вселенную нисколько не пошатнулась, она лишь приняла более осмысленные, практичные формы.

Наваждение, которое поначалу казалось бесконечным, постепенно рассеивалось, Аль Кемран смотрел на руины недостроенного дворца, поржавевшие остовы разбитой планетарной техники и ему грезился усмехающийся образ адмирала Рахманова.

Что теперь будешь делать Рашид? Нет Альянса, нет больше твоего бога, ты изменил вере предков, получив взамен накопленный за десятилетия войны опыт, и что? Что ты станешь делать дальше? Скажешь своим воинам, что нет ни высшей силы, ни демонов, а есть только остаточные подразделения кибернетических систем, оставшиеся не у дел, и случайно попавшие в твои руки?

Нет…

Рашид не заметил, как начал спорить с самим собой. У воинов должна быть вера. Они не получат того уровня знаний, который позволит им усомниться в великой миссии, возложенной на их эмира.

Они будут укрощать демонов, вести их в бой с молитвой на губах, умирать и возрождаться в легендах, воспевающих их подвиги.

Шесть миров скопления Ширана продолжат привычное полудикое существование, став бесперебойными поставщиками новых воинов для армии Рашида.

Он создаст собственную империю на обломках двух фактически истребивших друг друга цивилизаций имевших некогда одни и те же исторические корни.

Мысли Рашида постепенно принимали ясность. Его не смущала ничтожность одного имевшегося в его распоряжении флота по сравнению с совокупной мощью военно-космических сил союза Центральных Миров.

Он знал, как следует поступить.

Чтобы один ударом убить пустынного хардала, воин должен твердой рукой направить свое оружие в сердце могучего хищника. Если он

промахнется, царь пустыни порвет неудачника в клочья. Но если удар достаточно силен и точен, то ни устрашающие лапы хищника, ни его клыки не достанут храбреца, – зверь будет бесполезно разевать пасть, царапать когтями окровавленный песок, пока не издохнет в конвульсиях.

Война в космосе (в понимании Рашида) не сильно отличалась по тактическим приемам от опасной охоты.

У каждой империи есть сердце.

Союз Центральных Миров обладает огромной силой, но большинство кораблей флота сейчас ориентированы на поиск и уничтожение остаточных подразделений Альянса. После окончания войны осталось множество техники, рассеянной по многим звездным системам, и ее обнаружение с последующей ликвидацией, задача трудная, требующая привлечения огромных ресурсов.

Сердце врага открыто для удара. – Аль Кемран чувствовал это, как охотник чувствует запах добычи.

Конечно, Рашид размышлял утрированно, но суть его плана от этого не менялась.

Форт Стеллар, знаменитый неприступный спутник планеты Рори, должен быть захвачен либо уничтожен, и тогда империя победителей развалиться, а отдельные звездные системы, лишившись единства, станут легкой добычей для Ширианского флота.

Рашид размышлял, а его взгляд уже не скользил по руинам, – он смотрел на облако пыли, возникшее у горизонта.

Верный Гасан вел новых безропотных и беспощадных воинов.

Накануне (перед тем как отдаться во власть кибернетических систем полевого медицинского центра) Рашид передал андроиду сведения о точном месте исторической посадки колониального транспорта "Сауд" техникой которого не воспользовались его предки. Там оставались тысячи андроидов, как две капли воды похожие на Гасана.

Глава 8. Выбор "Валькирий".

Афина. Район островов…

Порывистый ветер, поднявшийся после полуночи, гнал по изуродованному пространству суши серую поземку пепла.

Низкие облака внезапно расплакались дождем.

Два "Нибелунга" под прикрытием работающих фантом-генераторов высадили десант на дальней оконечности острова, и, совершив посадку, замерли в ожидании.

Для предстоящей операции Шайгалов избрал тактику разведывательно-диверсионных подразделений, отводя тяжелой технике вторичную, вспомогательную роль.

Определить степень повреждений, полученных фрегатом при орбитальной бомбардировке, до начала атаки не представлялось возможным, поэтому полковник не повел людей на рискованную авантюру открытого штурма. Вся тяжелая техника осталась на берегу: слившись с фоном скал, стояли серв-машины, пять БПМ заняли позиции для поддержки огнем десантных групп, оба "Нибелунга" открыли ракетные шахты, готовые произвести массированный запуск по первому приказу, но в данный момент их поддержка не требовалась, – план Шайгалова основывался на опыте многих наземных операций, он знал, что сорвать карусель техногенного боя легко, но вот остановить ее будет практически невозможно.

Им требовалось не уничтожить, а захватить корабль, по возможности не причиняя фрегату дополнительных повреждений.

Три штурмовых группы выдвигались с разных сторон, и Ивану пришлось ждать пока бойцы Кайманова и Замираева выйдут на заранее обозначенные позиции.

Отлаженные, многократно проверенные Риганом бронескафандры давали бойцам значительное преимущество перед пехотными андроидами, охранявшими фрегат. Выдерживая лимит времени, отпущенный бойцам других групп для флангового маневра, Иван спокойно наблюдал за обстановкой. Все датчики работали исключительно в режиме пассивного приема [30], тонкое маскирующее покрытие «Хамелеон» превращало фигуру Шайгалова в тень, неотличимую от фона окружающего ландшафта, он четко различал в тактических «окнах» проекционного забрала, как подле громады космического корабля перемещаются отдельные сигнатуры

кибернетических механизмов, однако встречное энергосканирование не обнаруживало работы систем боевой экипировки затаившихся бойцов группы Шайгалова, – тяжелые бронескафандры имели дополнительную экранировку, не позволяющую сканирующим комплексам противника зафиксировать приближение высадившихся на остров людей.

Полковник прекрасно знал тактико-технические характеристики тяжелой брони, к ношению которой привык, и воспринимал сервоприводную оболочку, как будто та являлась его второй кожей.

Фототропное покрытие защитит от обнаружения лишь до определенной черты, на дистанции в пять-десять метров, "Хамелеон" начнет терять эффективность, поэтому задача всем подразделениям ставилась одна: прорваться через заслон андроидов пехотной поддержки, проскочив в "мертвую" для орудий фрегата зону, расположенную под днищем исполинского космического корабля.

Против них действовало в данный момент много факторов, – во-первых, при внимательном осмотре Шайгалов заметил, что часть боевых суппортов фрегата развернуты в боевое положение. Конечно орудийно-лазерные комплексы "Прайд" малоэффективны против пехотных подразделений, но охрана фрегата была организована грамотно, по всем правилам наземного базирования, – оцепление, состоящее из полусотни пехотных дройдов, было выставлено на удалении в полтора километра от охраняемого ими объекта, внутри зоны оцепления датчики зафиксировали появление неявных сигнатур, которые, скорее всего, принадлежали легким серв-машинам класса "Хоплит", осуществлявших патрулирование с включенной системой маскировки.

Кроме того, периодичные сигналы на частотах связи указывали, что андроиды образуют локальную сеть. Это вело к дополнительному усложнению задачи – стоит уничтожить хотя бы один кибермеханизм, как данные будут мгновенно переданы по сети, и не проявляющая пока активности глобальная кибернетическая система фрегата тут же начнет противодействие.

В отличие от людей машины не испытывали сомнений, у них не возникало подозрений, стоит только потревожить периметр, и ответные меры последуют спустя несколько мгновений.

Для офицера менее опытного, чем Шайгалов, ситуация, при детальном рассмотрении, показалась бы безнадежной: фрегат при поддержке патрульных сервомеханизмов, которыми управляли модули "Одиночка", являлся неприступной крепостью, для его штурма была необходима не только тяжелая планетарная техника, но и поддержка с

воздуха и из космоса.

Оставался лишь один путь: физическое проникновение на борт, со "взломом" кибернетической сети фрегата.

Оценка ситуации отняла у Ивана не более минуты. Он отлично знал своих людей, верил им, и заранее предусмотрел все возможные варианты. Бойцам не нужно было объяснять, что следует делать. Каждый из них хотя бы раз сталкивался с подобной задачей, и полковник не сомневался, командиры групп, оценив обстановку изберут один и тот же вариант действий. При запрете на любую связь (которая могла выдать их присутствие) важно было синхронизировать момент атаки.

Взглянув на данные тактической системы, Иван мысленно отметил, – пошла последняя минута.

В нескольких метрах от него шевельнулась смутная тень.

Все правильно, – Шайгалов и сам пошевелился, доставая компактный прибор. В память нехитрого устройства кибернетическая система боевого скафандра записала сигналы, которыми периодически обменивались между собой андроиды.

Время…

Расстояние между кибермеханизмами оцепления составляло более пятидесяти метров.

Полковник привстал на колено, вскинув импульсную винтовку. Цвет точечного индикатора, заглубленного в приклад, оружия указывал, что "ИМ-42" в данный момент оснащен бронебойным спецпатроном с микрозарядом электромагнитного импульса.

Ожидание длилось несколько секунд, пока по сети не прошел очередной сигнал переклички.

В небесах внезапно раздался рев – это "Фантом", согласно плану вошел в плотные слои атмосферы, сбросив серию ложных целей.

В ответ мгновенно заговорили комплексы ПВО, верхняя полусфера фрегата озарилась частыми вспышками, над островом ломая сторожкую тишину, прокатился рокот очередей, в небе сверкнуло несколько разрывов, – прямые попадания по выпущенным истребителем разведзондам…

Выстрел. Шайгалов рванулся вперед, зная, что фланговые дройды сейчас превратились в обыкновенные статуи из металлопластика, – снайперский огонь прикрывающей его пары поразил сервомеханизмы, пробив грудные кожухи машин за которыми у каждого дройда скрывалось ядро системы, заключенное в дымчатый металлопластиковый шар.

Звук пробиваемого металла и микроимпульсы электромагнитного

излучения, пресекающие любую попытку дройда подать предупреждающий сигнал, заглушил рокот очередей и помехи, вызванные целенаправленной работой систем "Фантома".

Истребитель пронесся над островом и растворился в ночи, имитируя разведывательный маневр.

Человек бы насторожился, "Одиночки" же – нет. Они зафиксировали истребитель, внесли его в базы данных, но дальнее сканирование не показало приближения к планете каких-либо соединений противника.

…Шайгалов уже находился подле обездвиженного им андроида. Установив на его корпус прибор, который будет отвечать на сетевые запросы других машин оцепления, он, не задерживаясь, ринулся вперед, зная, что четверо офицеров группы, разбившись на пары, следуют за ним, углубляясь в открывшийся "коридор".

До ближайших андроидов по пятьдесят с лишним метров. Шайгалов уже проскочил теснину, вторая пара: Линкольн и Хорватов в этот момент устанавливали генераторы сигнала, оба лейтенанта действовали на грани фола – плюс-минус один шаг и фототропная броня не прикроет от сканирования…

Прошли.

Рывок на двести метров вперед, к длинной цепочке воронок, оставшихся после бомбового удара. На дне лужи смешавшейся с пеплом дождевой воды, здесь "мертвая зона" для сканирующих систем фрегата.

Шайгалов рискнул задействовать лазерную связь. Точечные уколы когерентного излучения передали подчиненным последние данные и тут же передатчики отключились. По данным взаимной телеметрии через триста метров им предстояло пройти еще один опасный участок: там периодически возникали размытые, неявные сигнатуры – скорее всего серв-машины, патрулирующие подступы к базовому кораблю.

Шайгалов знаками отдал указания.

План командира понятен и прост: кибернетические системы логичны, и в этом кроется их уязвимость. Ни один тактический компьютер при планировании системы обороны подступов даже не принимает к рассмотрению вероятность скрытного проникновения в охраняемую зону небольших мобильных групп. Люди уже давно не принимали непосредственного участия в подобных операциях, поэтому боевой опыт "Одиночек", управляющих серв-машинами или распределенными по палубам подсистемами фрегата, навязывает им определенную схему действий, направленную против крупных механизированных, либо аэрокосмических группировок вероятного противника.

Шайгалову не нужно пояснять, что киберсистемы не ожидают удара, он лишь жестами указывает направления движения и дистанцию установки зарядов.

Поднимаясь к гребню воронки, Иван мельком подумал: *фактор внезапности все же будет*. Броня «Хамелеон», плюс схожесть сигнатур бронескафандров с аналогичными сигналами, получаемыми от сканирования человекоподобных машин, на секунду или две собьют «Одиночек» с толку, заставят молниеносно перебирать и оценивать вероятности, ведь логика базовых программ никогда не допустит такого алогичного действия как атака нескольких андроидов на фрегат.

С каждым шагом, каждым мгновением они приближались к сумеречной скупо освещенной зоне, где десятки кибермеханизмов производили ремонтные работы. Огромный космический корабль рос как неодолимая стена, полностью занимая все поле зрения.

Стремительно передвигаясь, полковник подмечал все подробности, попадающие в поле его зрения.

Некоторые из технических люков открыты, в десятке мест на разных высотах с обшивки огненными брызгами летят фонтаны искр от плазменной сварки, две грузовые аппарели разложены в рабочее положение и по ним из недр корабля струится желтоватый свет…

Тревожно взвизгнул оповещатель аларм-процессора.

Системы пассивного сканирования уловили приближение тех самых загадочных патрульных групп.

Так и есть. "Хоплиты"

Звено из трех серв-машин, следуя по заданному маршруту, приближалось, неумолимо настигая группу Шайгалова, тяжкая поступь исполинов быстро сокращала расстояние, но путь, которым двигались "Хоплиты", был известен, – на пути машин Хорватов и Мартинес установили заряды: четыре кофра с взрывчаткой, без энергоцепей и электроники, обнаружить их при помощи сканеров невозможно, обыкновенный механический взрыватель настроен на определенный порог вибраций…

Мысли проносятся в голове, пока их не отсекает первый взрыв.

Отсвет от нестерпимо-яркой вспышки на миг расчерчивает пространство гротескными изломанными тенями.

Все. Дальше соблюдать тишину в эфире бессмысленно и даже опасно. Теперь координация действий и их скорость играют решающую роль.

– Кайманов, Замираев, на связь!

– Второй на связи. – Голос Павла ровный, даже с дыхания не сбился. –

Триста метров до аппарели. Начинаю зачистку.

– Третий, двигаюсь вдоль борта, явного сопротивления нет, технические механизмы пока не трогаем. Впереди шлюз.

– Работайте, мы прикроем. – Голос Шайгалова сух. – Ригана твой выход!..

Последняя фраза полковника потонула в грохоте: сработал еще один заряд и одновременно вдоль земли от кормовой части фрегата ударили автоматические орудия второго патрульного звена Хоплитов.

Все изменилось в одно мгновение.

Люки и аппарели фрегата пришли в движение, закрываясь под аккомпанемент оглушительных разрывов, технические кибермеханизмы, словно испуганные насекомые, прыснули в разные стороны, в ярко-оранжевых сполохах на экранах периферийного зрения промелькнул силуэт подорвавшегося на установленном заряде "Хоплита" – серв-машина с перебитыми активаторами ступоходов потеряла равновесие и неуклюже валилась набок, в следующий миг земля под ногами дважды содрогнулась, а датчики тактической системы уже полнились сигналами от дройдов пехотной поддержки, которые, сняв оцепление, выдвигались к месту внезапной стычки.

Где же я видел ее лицо? – Мысль о Ладе, промелькнувшая в рассудке, показалась абсолютно неуместной.

Шайгалов отступал к закрывающейся аппарели, понимая, что не успеет, да и не в том заключалась его задача, на борт фрегата сейчас прорывалась группа Паши Кайманова, в состав которой входил Ральф Риган, компьютерный техник, как говорили предки "от Бога".

Только ему по силам разобраться с кибернетикой палуб [31], сначала отключив фрегат, а затем осуществить холодный перезапуск всех систем, но уже с новыми командными кодами.

Дело Шайгалова и его бойцов – продержаться, концентрируя на себе внимание защитных механизмов, чтобы те видели конкретную цель, и не "отвлекались".

Больше всего полковника беспокоило звено "Хоплитов", оказавшееся в момент прорыва в районе кормовых посадочных опор "Абу Сейна".

– Паша, как жизнь?

– Нормально, командир. Мы внутри. Ведем бой. Группа Замираева застряла в районе шлюзов. Их отрезали.

Шайгалов, зная, что связь может оборваться в любой момент, успел отдать еще одно распоряжение, прежде чем Хоплиты приблизились на

критическое расстояние:

– Передай Ригану, пусть в первую очередь отрубит артиллерийскую палубу. Затем сенсорный контроль. Все, некогда…

Последние слова полковника заглушил близкий разрыв, – серв-машины, перемещаясь меж массивных опор, получали информацию с борта фрегата, они могли вести прицельный огонь, не смотря на маскирующие свойства бронескафандров: расположенные в днище сенсоры кибернетической системы "Абу Сейна" фиксировали группу Шайгалова, передавая данные "Одиночкам" патрульного звена.

Иван стремительно перемещался, под днищем фрегата оказалось развернуто достаточное количество стационарных устройств, которые служили помехой для прицельного огня "Хоплитов". По идее серв-машины не могли вести стрельбу в направлении оборудования фрегата, но, рассчитывая свои действия, Шайгалов внезапно понял, что ошибся: очередная серия слепящих разрывов снесла фермы временных опор, едва не зацепив корпус технического носителя, который ремонтировали исполнительные механизмы.

Сверху посыпались фрагменты металлоконструкций, три "Хоплита" двигались, не разбирая дороги, по наикратчайшей дистанции, их орудия работали практически без остановки, очереди пятидесятимиллиметровых снарядов разносили аппаратуру, вспомогательные механизмы, все, что, так или иначе перекрывало линию огня.

– Рассредоточиться!.. – Шайгалов не понимал, почему серв-машины ведут себя, словно взбесившиеся, в их действиях отсутствовала привычная логика, словно кристалломодули "Одиночек" подменили, или инфицировали программным вирусом.

– Андроиды. Справа! – Прорвался сквозь треск создаваемых системами фрегата помех доклад Замятина, но Иван не успевал отреагировать, да, откровенно говоря, в данный момент ему было не дройдов пехотной поддержки с их легким стрелковым вооружением: три серв-машины похоже избрали полковника единственной целью и атаковали, будто бешеные, сметая все на своем пути в непонятной, несвойственной для машин ярости преследуя фигуру в бронескафандре.

Полковник стремительно переместился за массивную посадочную опору.

Приводы бронескафандра работали с характерными сбоями – шквал осколков от близких, гнавшихся за ним по пятам разрывов, местами срезал слой брони, обнажив фрагменты сервоусилителей мускулатуры и повредив правый плечевой активатор.

На тактическом мониторе среди россыпи алых маркеров внезапно обозначилось еще три характерных сигнала – вместе с андроидами к месту схватки стремительно выдвигалась не обнаруженное при пассивном сканировании резервное патрульное звено.

Шайгалов понял, у него есть только один выход. Враг оказался многочисленнее и опаснее, чем предполагалось при планировании операции. Только две серв-машины удалось подорвать, остальные семь при поддержке андроидов уничтожат его группу в течение минуты.

– Замятин отсекай дройдов! Остальным – огонь по датчикам! Мне нужен "слепой коридор", направление 18-5…

Четверо бойцов, рассредоточившихся под днищем фрегата, мгновенно поняли, что задумал Шайгалов, но помешать командиру они были не в состоянии, – могли лишь исполнит приказ, надеясь на чудо.

Чудеса на войне явление крайне редкое.

– Командир, отключи маркер!

Иван не ответил, готовясь к рывку. Теснина посадочных опор не давала "Хоплитам" развернуться, но еще четыре машины, спешившие к месту событий, не оставляли шансов на позиционное противостояние, Иван по прозвучавшей в эфире реплике понял, отчего серв-машины сосредоточили свое внимание именно на нем, видимо один и первых разрывов повредил генератор электромагнитных помех, и маркер его бронескафандра, отмеченный командным кодом, ясно читался на сенсорах.

Кибернетические системы серв-машин не распределили цели, они действовали независимо друг от друга, стремясь во что бы то ни стало уничтожить командира группы. С точки зрения боевого взаимодействия это было как минимум нерационально, но Шайгалов уже догадался о причине такого сбоя: модули "Одиночек" действительно были инфицированы, но не программным вирусом, а нейросенсорным контактом с разумами ширианских воинов.

Ломая стереотипное поведение, они действовали под напором слепой, необузданной ярости, руководствуясь новыми для себя понятиями приоритетов, – каждый из ширианских воинов был закоренелым индивидуалистом, для него существовало, прежде всего, понятие собственной славы, а уж затем – забота о выполнении общей цели. Убить вражеского командира – это *поступок*, а все остальное терпит.

…С момента начала боестолкновения прошло две минуты.

Шайгалов не раз ловил себя на том, что в такие моменты обычные отрезки времени, способны вмещать в себя целую жизнь.

Он перемещался, следуя закруглению мощной, необъятной опоры,

давая системам бронескафандра выпустить резервные сегменты брони, подлатать забарахливший активатор, полковник готовился к рывку, и система метаболической коррекции уже не пыталась сгладить выбросы в кровь стимулирующих веществ, вырабатываемых организмом в секунды смертельной опасности.

Вокруг под днищем фрегата, которое нависало над головой низкой давящей плитой, до которой метров двадцать, бушевал шквальный автоматический огнь, четверо бойцов группы, подчиняясь приказу, отсекали андроидов, и уничтожали все обнаруженные датчики фрегата.

– Есть коридор! Поправка вектор движения 19-7!

Шайгалов мгновенно сориентировался, и, готовясь к рывку, выдохнул в коммуникатор:

– Я выведу их под огонь "прайдов". Бейте в корму серв-машин, по емкостям прыжковых ускорителей!

Замысел Шайгалова был прост. После уничтожения расположенных под днищем фрегата сканеров, он снова стал почти невидим для систем точного наведения. В трехстах метрах от "Абу Сейна" начиналась зона, контролируемая орудийно-лазерными комплексами главного калибра. "Прайды" обязательно откроют огонь, но в отсутствии четкого сигнала целеуказания они ударят по площади. Главное чтобы серв-машины не изменили своей тактики и рванулись следом, в абсурдном "соревновании" – кто первым уничтожит вражеского эмира.

Шайгалову на миг показалось, что он запутался в мыслях и бредит, настолько абсурдным выглядело такое поведение "Одиночек".

Тонкая линия в тактическом оперативном окне проекционного забрала, отмечавшая "слепой коридор" обеспеченный уничтожением части датчиков фрегата, вышла ровно в центр.

Иван включил автоматический режим "маятника" и побежал.

* * *

Ровные площадки, на которые осуществлял посадку флот ширианцев, не являлись естественным рельефом островного архипелага.

На исходе Первой Галактической здесь силами Альянса планировалось создать базу для нового поколения стратегических штурмовиков, оснащенных последней модификацией гипердрайва.

Часть машин, вместе с подготовленными пилотами-испытателями даже успели перегнать на Афину, значившуюся в навигационных каталогах Земного Альянса как система AS-749.

Первоначально стартовые бункеры замаскировали в джунглях, но

после успешных испытательных полетов, стационарная база для "Валькирий" так и не была построена, фронты изменили свое пространственное положение, и система AS-749 была признана бесперспективной.

Строительство остановили, на стадии предварительной подготовки рельефа, все механизмы вывезли, а сформированное соединение "Валькирий" срочно перебазировали на уже готовые площадки одного из миров так называемой "линии Хаммера" [32] .

Чуткие высокотехнологичные частицы нанопыли, рассеянные над материком и островами еще в период подготовки к испытательным полетам нового типа штурмовиков, до сих пор сохраняли функциональность, образуя устойчивую сенсорно-информационную сеть. Микроскопические датчики, настроенные на энергосберегающий режим пассивного приема, не обнаруживали активности, но человек, знающий код доступа к сети, мог подключиться к ним и следить за событиями, слышать не только радиопереговоры, но и просто голоса людей, разговаривающих между собой…

…Тонкие бледные пальцы, до половины закрытые сенсорными пилотажными перчатками, отбивали на широком подлокотнике пилот-ложемента бессознательный ритм.

Человек слушал далекие голоса, перемежающие отзвуками разгоревшегося боя, решая для себя сложную внутреннюю дилемму.

Война словно ненасытный вечно голодный зверь пожрала почти всех близких людей, сломала жизнь, едва не уничтожила личность.

Все пришлось создавать заново, по крохам собирая в выгоревшей душе частицы былых чувств, снова учиться жизни, любви, состоянию покоя, равновесия, которое помнилось, как отголосок далекого, ставшего похожим на призрачную сказку детства.

Есть право на поступок. И есть право на жизнь. Ту жизнь, что, как грезилось, можно воссоздать по осколкам прошлого, потаенным воспоминаниям.

Далекие голоса врывались в рассудок, перемешивались с мыслями, вновь оголяли душу до кричащей наготы…

– Паша, как жизнь?

– Нормально, командир. Мы внутри. Ведем бой. Группа Замираева застряла в районе шлюзов. Их отрезали.

…

Пальцы дрожат.

Слеза, сорвавшись с ресниц щекотливой змейкой, сбегает по щеке…

…

–Командир, отключи маркер!..

– Мне нужен «слепой коридор»!..

…

Жизнь, казалось, вернулась и вот вновь могильный холод неопределенности, очередная развилка судьбы и право на поступок.

Взгляд соскользнул на показания датчиков.

Время подлета: сорок секунд в режиме форсажа турбореактора.

…

Голос, вернее голоса, переданные датчиками наномашин рвали на части не рассудок, но душу:

– Щайгалов вызвал огонь на себя. Он пытается вывести «Хоплитов» под «дружественный огонь» главного калибра фрегата.

– Проклятье… У него не получиться.

– Почему?

– Риган получил приказ первым долгом отрубить систему артиллерийской палубы…

– Тогда чего мы ждем?! Спасать его надо!

– Поздно. Только загубим и себя и «Нибелунги»

Пальцы по-прежнему дрожат, словно между ними сейчас сочиться *непрожитое*.

– "Валькирия-1", зажигание в камерах. – Голос пилота ровный, словно из души в этот миг вытравили все эмоции. – Ведомым, приготовиться к атаке. Цель – серв-машины противника.

Жесткая перегрузка накатывается, словно тугой тягучий удар.

Щеки дрожат. Перед глазами все сливается в стремительные полосы, пока "Валькирия" набирает скорость в коротком стартовом тоннеле.

Оставалась лишь слабая призрачная надежда, что с возвращением войны не окончиться жизнь.

* * *

Шайгалов бежал на пределе, собственных сил и возможностей сервомускулатуры скафандра.

Он петлял, сбивая прицел серв-машинам, заставляя их притормаживать, поворачивать рубки, провожая смутную размытую, фигуру холодными зрачками сенсоров, закрепленных поверх спаренных стволов подвесных электромагнитных орудий.

Сзади не умолкая, хлестали очереди стрелкового оружия, трижды с

характерным звуком разрядились ракетные установки "ОРК"

Один из "Хоплитов" внезапно превратился в факел, две ракеты одна за другой пробили бронирование емкостей с реактивным топливом для прыжковых ускорителей, но шесть машин продолжали преследование, методично перепахивая тактовыми очередями пространство вокруг ускользающей от них фигуры в бронескафандре.

Дикая охота, на человека. "Одиночки" никогда не промахивались, но только при одном условии: их сканеры должны четко фиксировать цель, но человек постоянно петлял, уклонялся, сигнатура бронескафандра то исчезала вовсе, то появлялась вновь, благодаря работе состава "Хамелеон" и маскирующих антисканирующих комплексов.

Сердце Шайгалова билось неровно, дыхание стало прерывистым, учащенным.

Двести метров… двести пятьдесят… Триста…

Все. И он, и "Хоплиты" в зоне действия главного калибра фрегата.

Очередная серия разрывов все-таки сбила Шайгалова с ног, сервомоторы вдруг издали затухающий вой и…

На частоте связи напряженный голос Ригана сухо доложил:

– Артиллерийская палуба блокирована.

Иван понял – ему конец.

Правая нога пульсировала горячими волнами боли, сервомоторы рвали нервы беспомощным визгом, он знал, что сейчас в воздух поднимутся "Нибелунги", но им уже не упредить движение серв-машин, которые если не расстреляют, то растопчут распростершуюся на земле фигуру.

Скрипнув зубами, Иван приподнялся, опираясь на левую руку, правая, с заряженным "ОРК", начала последнее движение, скорее по инерции, в силу привычки сопротивляться до последнего, и в этот миг на экранах периферийного зрения возникло пять ослепительных точек; тактическая система, все еще работающая с несколькими не поврежденными сканерами, внезапно выдала предупреждение о целевом ракетном запуске, и сознание вдруг начало расслаиваться, – он еще машинально поднимал руку, а рассудок уже переключился на иное видение: подчиняясь мысленному приказу, система взгляда увеличение, с одновременным сопровождением целей, а метаболический регулятор подал в кровь предельно-допустимую дозу стимулятора.

Эффект был потрясающим.

Шайгалов испытывал нечто подобное лишь однажды, на Эрлизе, в момент смертельного ранения: он больше не ощущал тела, не воспринимал

себя пытающимся привстать из липкой грязи, но сознание работало на удивление четко, он увидел размазанные проносящиеся на чудовищной скорости контуры пяти штурмовиков класса "Валькирия" и мутные инверсионные шлейфы выпущенных ими ракет…

Вырвавшийся вперед "Хоплит", до которого оставалось метров семьдесят, вдруг конвульсивно дернулся, словно боксер на ринге, получивший сокрушительный удар в голову, и из пробитой рубки серв-машины, внезапно рвануло пламя…

Пять штурмовиков, не снижая скорости, проскочили в узкую щель под днищем фрегата и, вырвавшись из теснины, тут же начали набор высоты.

* * *

Истерзанная равнина центрального острова, курилась дымом и паром, грязь высыхала на глазах, превращаясь в потрескавшуюся коросту, покрывающую остекленевший базальт.

"Нибелунги" еще только поднимались в воздух, когда "Валькирии" одна за другой, сели, филигранно вписавшись в свободные от воронок площадки подле фрегата.

Шайгалов умудрился встать, не смотря на ранение и перебитые активаторы брони.

Вокруг догорали обломки "Хоплитов", кумулятивные ракеты, рассчитанные на поражение брони крейсеров, ударили без промаха, превратив рубки серв-машин в расплавленные, потерявшие форму огрызки, похожие на иззубренные бутоны полураскрывшихся металлизированных соцветий какого-то зловещего, фантастического растения.

Перед посадкой каждый из штурмовиков отработал из курсовых орудий, сметая остаточные группы пехотных дройдов, и только после этого грозные машины (последние детище ВПК Альянса) одна за другой коснулись перепаханной воронками тверди, вздымая тучи пепла и облака пара.

Иван ждал.

Откровенно он не знал, что и думать. Своевременная помощь выглядела слишком фантастичной, а потому подозрительной. Перебирая в уме возможные варианты, он не мог найти ответа на вопрос – откуда в системе Афины появилось звено "Валькирий".

Гадать он не любил.

Не знаешь ответа – жди. Штурмовиками управляли не кибернетические системы, а люди. Хотя… – У Шайгалова возникло сомнение, – это могла быть и запоздалая "помощь" со стороны Воронцова.

Он не ошибся в своем предвидении: как только стих рев турбин, люк одной "Валькирий" начал открываться, из проема шлюзовой камеры автоматически выдвинулся короткий трап, затем на верхней ступеньке появился пилот.

Вопреки ожиданию полковника, на нем не было скафандра: летный комбинезон черного цвета плотно облегал женскую фигуру, волосы убраны под мягкий шлем, проекционное забрало поднято, открывая лицо.

Она осмотрелась по сторонам отыскав, взглядом фигуру Шайгалова и, легко сбежав по трапу, бросилась к нему.

– Иван…

Этот миг был похож на продолжение травматического бреда, столько боли и надежды сконцентрировалось в нем, что реальность вновь отдалилась, сузилась, словно в мире осталось только два человека.

Тонко взвыл сервоприводом открывающийся гермошлем, в лицо ударил прогорклый от дыма, влажный ветер.

– Лада?

Вспышечная память, наконец вытолкнула нужное воспоминание.

Это было на одной из орбитальных баз Линии Хаммера, в системе Везувия, перед отправкой к новому месту службы, в скопление Ширана, – они случайно столкнулись на огромной предшлюзовой площадке: Иван торопился к старту челнока, а ему навстречу со стороны вакуум-доков станции шла группа пилотов, он еще тогда обратил внимание на необычные черты лица молодой женщины со знаками различия командира звена…

Они разминулись и больше никогда не видели друг друга, но образ Лады, оказывается, остался в подсознании.

Значит, она лгала ему?

– Ранен? – Ее голос показался незнакомым, напряженным, сухим.

Вот и конец мечте… – С непонятной горечью подумал Иван, а вслух ответил:

– Пустяки. Осколок пробил броню.

Она взглянула в его глаза.

– Поговорим потом, ладно? – И не дожидаясь ответа, сухо, четко произнесла в коммуникатор, настроенный на частоту связи "Нибелунгов" – Нужен эвакуационный модуль. Командир ранен.

– Кто вызывает? – Не очень дружелюбно осведомился Святогор.

– Лада. Не забыл меня?

– Это ты?! Серьезно?

– Да, Святогор, я. Командир отдельного звена "Валькирий", капитан

Нечаева.

* * *

– Докладывай Риган.

Шайгалов вынужденно проводил совещание в медицинском модуле фрегата. Повреждение бедра оказалось серьезнее, чем он думал. Кроме осколка, задевшего кость, он получил еще три ранения, которых не почувствовал в горячке боя.

Справа и слева от Шайгалова под опекой аппаратуры поддержания жизни находились еще четверо бойцов из состава штурмовых групп. К счастью обошлось без невосполнимых потерь, хотя, Иван мысленно оставался недоволен операцией: противника недооценили, разведка вовремя не обнаружила резервную патрульную группу серв-машин, действовали медленно, и в результате только появление звена "Валькирий" спасло Шайгалова и его бойцов от неминуемой гибели.

Ральф Риган не стал пользоваться аппаратурой для демонстрации. Схему фрегата все присутствующие знали и без голографической проекции, поэтому он сразу перешел к сути:

– На данный момент обезврежено двадцать четыре модуля искусственного интеллекта. – Сообщил он. Основная кибернетическая система фрегата была повреждена еще во время орбитальной бомбардировки, поэтому пришлось повозиться с автономными сетями палуб. В общем, сейчас корабль под нашим контролем, за исключением некоторых подсистем, добраться до которых у меня физически не хватило времени.

– Степень повреждений и возможности ремонта? – Уточнил Шайгалов.

– Кибермеханизмы к моменту нашей атаки уже завершали восстановление корпуса. Сейчас основной проблемой является поврежденный технический носитель. Есть мнение: заменить его на один из носителей, законсервированных после посадки основного модуля "Ширана".

– Здравая мысль. – Согласился Шайгалов. – Чем быстрее мы уберемся с планеты, тем будет лучше. Неизвестно, что задумал Воронцов.

– Значит решено?

– У меня возражений нет. И вообще, Риган, технические вопросы мог бы решить самостоятельно. Теперь по анализу операции. Группа Кайманова справилась на "отлично". Остальным двойка. Расслабились. Много недочетов, а в результате – не успели проскочить на борт. О

последствиях говорить не буду, сами понимаете, не маленькие. "Хоплиты" не задавили нас по двум причинам – их модули "Одиночек" сконцентрировались на абсолютно бессмысленном с точки зрения целесообразности соревновании – кто первым прикончит вражеского командира. Сбой возник в результате воздействия на искусственные интеллекты психологии ширианских воинов, незадолго до этого вступавших в прямой нейросенсорный контакт с управляющими модулями серв-машин. Ну и своевременная помощь звена капитана Нечаевой, – без атаки "Валькирий" "Хоплиты" успели бы разделаться со мной и встретить "Нибелунги". В общем, каждому, – повторяю: каждому офицеру – собраться, забыть о том, что мы год прожили без войны. Все. Больше "чудесных избавлений" – он не удержался и посмотрел на Ладу, которая держалась особняком, слушая полковника, – не предвидится. За ошибки, нерасторопность придется платить кровью.

– У меня вопрос, – подал голос майор Шелдон. – По комплектации фрегата. Учитывая пополнение, я предлагаю освободить ангары "Нибелунгов", для размещения "Валькирий". Штурмовые носители могут образовать эскортное построение, что даст нам дополнительную свободу маневрирования. Лишние серв-машины, мы разберем на комплектующие.

– С серв-машинами разберешься сам. Относительно комплектации фрегата я оповещу техническую службу позже. – Ответил Шайгалов. – Сейчас все усилия сосредоточить на перебазировании технического носителя и формированию экипажей палуб. Еще вопросы?

– Мне все понятно. – Риган явно торопился. Шелдон тоже, Кайманов лишь пожал плечами, ему как командиру десантного подразделения сейчас неотложных работ не предвиделось.

– Паша, ты и майор Хорватов назначаетесь моими заместителями по боевой части. Задача – сформировать экипажи палуб. Мы должны исключить модули одиночек из цепей управления фрегатом. Все решения принимаются только компетентными офицерами. Боеспособность фрегата при этом не должна понизиться. Задача ясна?

Кайманов кивнул. Было непонятно рад он внезапному "повышению" или нет.

– В таком случае все свободны. Я остаюсь на связи, командовать фрегатом пока смогу и отсюда. Лада, задержись.

* * *

Все вышли, даже Святогор куда-то исчез, словно растворился меж разделенными полупереборками медицинскими комплексами.

Лада несколько секунд стояла у стены, в той же позе, как и во время совещания, затем подошла и присела на край открытой реанимационной камеры, в которой лежал Иван.

– Злишься? – Тихо спросила она.

– Почем не сказала сразу? – Ивану вдруг вспомнилось как он, не выдержав, рассказывал ей о войне, там на побережье перед принятием трудного для него решения.

– Я не хотела возвращаться. Ни я, ни мои подруги. Все было по-честному, Иван. Когда капитулировал Альянс, я увела свою эскадрилью сюда. Мы вернулись и ждали возвращения других, но… она на секунду замолчала – видно не судьба. Не вернуть прошлого, как ни старайся.

– О каком прошлом ты говоришь?

– Ты видел город на деревьях. Это не бутафория, и не хитрый маскирующий прием. Мы действительно потомки выживших колонистов с борта "Сакса". Когда десять лет назад сюда высадились силы Альянса, нас было около тысячи человек. Теперь осталось только пятеро…

– Альянс мобилизовал вас? Насильно?

– Частично мобилизовал, частично депортировал. Нам объявили, что на планете будет построена военная база. Всех жителей вывезли, в том числе стариков и детей. Мне тогда было пятнадцать. Дальше ты и сам можешь представить.

– Курс виртуальной подготовки?

– Да. Только не ускоренный, а глубокий. Два года. Нас готовили как пилотов-испытателей для "Валькирий". Учитывая, что базу собирались строить тут, мы как нельзя лучше подходили под все критерии…

– Иван коснулся ее руки.

Лада подняла глаза.

– Ты действительно думаешь, что вас осталось только пятеро?

– Мы ждали два года. Никто больше не вернулся. Извини, что не призналась во всем тогда, на берегу. Я не хотела возвращаться. И мне было важно, что ты скажешь о той войне.

– И как ты собираешься поступить теперь? – Иван не отпустил ее руки, лишь крепче сжал пальцы.

– Мы останемся с вами. До конца. Я думала, что смогу просто ждать тебя, но… – она грустно улыбнулась. – Не вышло. Здесь повсюду развеяна нанопыль. Мы слышали все переговоры, каждый выстрел… и не смогли остаться в стороне.. Не только я, – мы все… – она говорила сбивчиво, будто оправдывалась за совершенный поступок, и Иван понимал: сейчас слова не выражают и сотой доли истинных чувств, что испытала Лада за истекшие

часы.

Все они, каждый по-своему, пытался вынырнуть из омута безумия, куда погрузила их война.

У кого-то получалось, у кого-то нет, они искали, находили и теряли друг друга…

Иван не произнес в ответ ни слова. Он не хотел порвать той тонкой связующей нити, что незримо присутствовала между ними.

Он действительно не знал, где проходит черта, за которой чувства принимают иной оттенок, но подумал: если я шагну за эту грань, смогу ли впоследствии отдать приказ, послать ее в пекло?

Безумие жарким комом подступало к горлу, но эта была иная форма яростного неприятия данности, не такая, как холодная, расчетливая ярость адмирала Воронцова, или горячая, не обоснованная ничем ненависть Рашида.

Он ненавидел войну, но понимал, что будет вынужден убивать, драться, чтобы, наконец, остановить это проклятие, нависшее как дамоклов меч над целыми поколениями, всей цивилизацией, уже без градаций на победителей и побежденных.

Новая война, призрак которой осенил Афину, носила иной характер, она начиналась по воле людей, либо никогда не ведавших настоящего горя, отчаянья и ужаса, либо окончательно свихнувшихся от пережитого.

Он, как и Лада, и все остальные, кто поднялся на борт захваченного фрегата, находились посередине, между двумя крайностями. Они сумели выжить, вернуть свой рассудок к понятиям мира, и вот опять, жуткие воспоминания рвались из узилищ памяти, но на их пути, словно утес, вставали новые только возрождающиеся чувства, и от мгновенного, мысленного, внутреннего столкновения противоположностей зарождалось новое восприятие реальности.

Не здесь и не сейчас… Шагалов медленно разжал пальцы, открыл глаза, поймал взгляд Лады, не скрывая клокочущей внутри боли, и хрипло, не узнавая своего голоса, произнес:

– Мы исчерпали лимит случайностей и везения. Дальше будет война…

Лада встала.

– Я понимаю тебя, Иван. Исполнять приказы всегда легче, чем отдавать их. Можешь не сомневаться – я не подведу.

Он хотел остановить ее сказать, что все не так, но дверь медицинского отсека уже с легким шипением встала на место.

Проклятье…

Он и помыслить не мог, что вспыхнувшее в душе чувство принесет столько новой боли, надежды и… ненависти.

Ненависти к тем, что вставал поперек их судьбы…

Глава 9. Отвлекающий маневр.

Фрегат «Афина». Информационно-кибернетический центр…

Шли четвертые сутки после страта фрегата с поверхности планеты.

Полковник Шайгалов, благодаря усилиям Святогора, уже мог самостоятельно передвигаться по кораблю. Конечно такие способы лечения, как интенсивная (иначе – боевая терапия) сказывались на общем состоянии здоровья, но Шайгалов сам настоял на ускоренном методе лечения.

– Привет, Риган. – Иван, заметно прихрамывая, прошел к одному из пустующих кресел и сел, вытянув ногу. – Что скажешь?

– Стоим в режиме радиоэлектронной и ГЧ разведки.

– Я в курсе. Результаты есть?

– Информация накапливается медленно. Между Центральными мирами и остальными системами обитаемого космоса информационный обмен практически отсутствует. Я держу на контроле станции гиперсферной частоты всех планет, к которым можно осуществить прямой прыжок из зоны скопления Ширана.

– Дай навигацию – Попросил Шайгалов.

Риган включил проекционную сферу стек-голографа, в которой появилась компьютерная модель гиперсферных связей между скоплением Ширана и другими звездными системами, доступными для прыжка без смены "ведущей" силовой линии аномалии космоса.

Шайгалов некоторое время внимательно изучал паутину линий напряженности гиперсферы, периодически сравнивая их сетку с трехмерной картой реального космоса.

– Я держу на контроле вероятные точки старта Ширианской эскадры. – Вмешался в его мысли голос Ригана. – Пока никаких возмущений гиперпространства не зафиксировано. Правда, такой тотальный контроль линий напряженности стоит нам пятидесятипроцентного расхода бортовых энергоресурсов.

Шайгалов кивнул, продолжая мысленный сравнительный анализ.

Он намеренно не подключал тактическую систему расчета вероятностей, понимая, что намерения ширианцев трудно просчитать с точки зрения здравого смысла и азов тактики. Вернее всего они ударят по ближайшим системам, которые не входят в оборонительный союз Центральных миров. Таких колоний было три, Афина являлась четвертой

системой, с пригодной для жизни планетой, но ее Шайгалов мысленно исключил из списка. Ширианцы остерегутся появляться там, после поспешного бегства. Да и к чему им планета без развитой инфраструктуры колонии?

Психология завоевателей… Видимо Воронцов вполне понимал ее, раз отпустил значительные силы ширианцев, дав им лимит времени на подготовку экипажей и освоение тактики ведения боев.

Какую цель преследовал адмирал?

– Риган, ты можешь пояснить мне, что общего между вот этими тремя колониями – Шайгалов не вставая, при помощи мысленного дистанционного управления, отметил на схеме три маркера.

– Слаборазвитые колонии, основанные в эпоху Великого исхода – ответил Ральф, который, не дожидаясь особого приказа, собирал информацию, постоянно сканируя все доступные каналы гиперсферных частот. – Там никогда не было военных баз колоний или Альянса, но сейчас миры стремительно развиваются, за счет притока эмигрантов. В основном это бывшие военнослужащие Альянса, которым удалось избежать плена и тюремного заключения. Кроме сканирования ГЧ-диапазонов я выслал в каждую систему разведывательные зонды, настроив их на прием радио и телепередач. Судя по полученным данным, три интересующие нас системы недавно заключили оборонительный союз, но они не имеют собственного космического флота либо, что тоже вероятно, – не афишируют его наличие.

– Со стороны Центральных миров есть какие-то поползновения в эту сторону?

– Идет явная информационная война, – Ответил Риган. – Я бы сказал, что временами это напоминает истерию.

– Проблема в эмигрантах?

– Да. От планетарных правительств постоянно требуют выдачи "военных преступников".

– Безрезультатно?

– Пока – да. Коренное население планет не пострадало во время войны, и они смотрят на новых граждан без предубеждения, скорее наоборот, их ценят как специалистов, давших своим прибытием мощный импульс развития планетного преобразования. Конечно, не все так гладко, как может показаться на первый взгляд, в новостях четко прослеживается линия инцидентов связанных с неадекватным поведением некоторой категории бывших офицеров Альянса, но это скорее проблемы внутренние, чем внешние.

– То есть миры динамично развиваются и не ведут агрессивной

внешней политики?

– Абсолютно верно. Но они, если анализировать информацию "желтой прессы" Центральных Миров – Риган достал тонкий компьютерный планшет и процитировал "дестабилизируют обстановку в регионе, укрывая военных преступников, подавая пагубный пример иным мирам…"

– Пагубный пример – это динамичное развитие колоний, после внедрения новейших технологий?

– Естественно. Военные ноу-хау можно использовать и в мирных целях, где они порой дают больший эффект чем при "боевом" применении. Видимо другие звездные системы, не входящие в союз Центральных миров, усваивают наглядные примеры и тоже начинают принимать у себя бывших военнослужащих Альянса. Это естественно раздражает победителей, а у Воронцова должно вызывать ненависть, но время он уже упустил, сейчас попытка зачистить такие миры вызовет сопротивление и жертвы среди коренного населения колоний. Он не решается на подобный шаг, понимая, что Окраину легко взорвать подобными действиями.

– Но если у адмирала появиться повод, то он без колебаний введет силы флота в границы суверенных систем? – Размышляя вслух, произнес Шайгалов.

– Без сомнения. Попытки провокаций уже были, но они не достигли желаемого результата.

Иван еще раз внимательно посмотрел на звездные карты и добавил, подытоживая сказанное:

– Теперь понятно, почему Воронцов отпустил Ширианский флот. Он провел свой анализ гиперсферной навигации и убежден, что три системы, – он указал на Икствайл, Парлем и Орихайго, – неминуемо встанут на пути завоевателей, вознамерившихся создать космический Халифат. Адмирал своим бездействием пытается решить несколько задач: чужими руками наказать непокорные, раздражающие его миры, показать, сколь беззащитны системы, не ставшие протекторатом Центральных Миров, перед лицом крупномасштабного вторжения, еще раз очернить Альянс, – ведь действовать ширианские воины будут отнюдь не на земурах, и как результат: флот колоний появиться тут для защиты "планетных суверенитетов дружественных колоний", но он немного опоздает, дав Ширианцам собрать кровавую мзду.

– Адмирал, по-твоему, законченный подонок?

– Нет. – Покачал головой Шайгалов. – Он болен. Болен, отравлен войной, как и большинство из высших офицеров из его окружения. Из них получились скверные политики, мыслящие категориями мести. Думаю, что

их истерия происходит от некоторого чувства растерянности, которое испытывал каждый из нас: война закончилась и что дальше? Как жить когда за плечами этот ад? Ненависть еще не выкипела в душе, рассудок по инерции живет категориями непримиримого противостояния…

– Погоди, командир. Ты что оправдываешь его?

– Не оправдываю, а пытаюсь понять.

– В таком случае ответь, почему мы, имея в распоряжении технику резервной базы, сидели тихо, пытались построить мирную жизнь, а не ринулись, как отморозки убивать, провоцировать и грабить?

– Увы, думаю такое явление не редкость. – Ответил Шайгалов. – Иначе адмирал не сидел бы на постоянной подпитке у частых, но мелких по космическим масштабам инцидентов. Он думает, что четко видит перспективу: Обитаемая Галактика вновь разделится на два лагеря, которые будут противостоять друг другу. Он не понимает одного – что поствоенная анархия закончиться только с реальным усилением независимых миров, когда они смогут сами защитить свой суверенитет. Тогда с мелкими группами каперов, промышляющих в космосе, будет покончено быстро и эффективно. Никто не пожелает новой войны. Она может вспыхнуть только в результате крупномасштабной провокации, когда страх вновь перехлестнет через край, затмевая рассудок.

– Хорошая речь. – Скривился Риган. – Но жаль, Воронцов ее не слышит. Он отпустил ширианцев и ждет их удара, чтобы развязать руки своему флоту. Начнется "охота на ведьм", которой он так жаждет.

– Нужно предупредить события.

– Как? Мы не сможем действовать одним фрегатом и несколькими "Нибелунгами" против флота.

– Ральф, если Ширианцы оставят управление кораблями за системами "Одиночка" – беды не миновать. А сами они вряд ли смогут быстро освоить управление крейсерами и фрегатами. У нас либо есть большой лимит времени на подготовку, либо его нет вовсе. В любом случае самое лучшее, что мы можем сделать сейчас – это предупредить тройственный союз о существующей угрозе. Если у них в резерве есть флот – отлично. Если нет, нужно попытаться организовать хотя бы орбитальную оборону. Среди населения колоний найдется достаточно грамотных боевых офицеров.

– И как ты думаешь осуществить свой план?

– Мы пошлем три "Нибелунга". Штурмовые носители обладают собственным гипердрайвом и отлично защищены.

– А "Афина"?

– Фрегат не должен покидать точки встречи до окончания

переговоров. Еще не вся информация собрана и подтверждена, к тому же мы ждем возвращения Анвара с подкреплением из ганианцев.

– План хорош. Только вот я не вижу где наша выгода во всей этой афере?

– Выгоды нет, Ральф. Вернее она есть, но находится в разряде нематериальных благ.

– Не понимаю. Поясни, командир?

– Мы практически лишись надежды на мирную жизнь. – Ответил Шайгалов. – Если Воронцов преуспеет в реализации своего замысла, то шанса вернутся с этой войны, у нас уже не будет. Арифметика и логика проста: в случае успеха провокации большинство людей, из числа наших потенциальных союзников, погибнет, мы окончательно превратимся в изгоев, и будем иметь дело уже не сомнительным по своим боевым качествам ширианским флотом, а с регулярными соединениями Форта Стеллар, против которых шансов у одного фрегата и нескольких штурмовых носителей действительно нет.

– Значит наша единственная надежда – это взаимопонимание с тройственным союзом?

– Да. – Уже без колебаний и размышлений ответил Шайгалов. – Предупредить об опасности, предложить помощь, доукомплектовать фрегат опытными боевыми офицерами и встретить силы Халифата. Если мы остановим их, планы Воронцова будут сорваны, а Обитаемая Галактика получит диаметрально противоположный наглядный урок, чем тот, что запланирован на поземных уровнях Стеллара.

– А если они не поверят?

– Поверят. У нас достаточно доказательств. Вопрос в другом: смогут ли независимые миры подкрепить мощь фрегата чем-то еще?

– Не знаю. – С сомнением пожал плечами Ральф.

– Вот поэтому время терять нельзя. Мы должны перехватить инициативу.

– Маловато поводов для оптимизма… – Вздохнул Риган.

– А когда они у нас были Ральф? – Напрямую, без высокопарности, угрюмо, но честно спросил Шайгалов.

– Не помню. – так же прямо ответил главный компьютерный техник. – Сильно попахивает безумием, но деваться некуда. Совет офицеров собирать будем? – Уточнил он.

– Ни к чему. Мы все решили еще пред атакой на фрегат. Я отдаю приказ, который должен быть исполнен.

– Лично у меня вопросов больше нет. Но поймут ли другие?

– Поймут. А если не поймут, то поверят. Будем бездействовать – нас сотрет в порошок флот колоний. И никто в Обитаемой Галактике даже не вздохнет с сожалением по этому поводу. Мы отморозки и изгои пока на деле не доказали обратного. Думаю, такая логика будет понятна всем.

Ральф Риган взглянул в бездонную черноту обзорных экранов и задал последний вопрос:

– А может туда командир? Плюнуть на все и свалить подальше? За границы исследованных секторов?

– Можно и так. – Спокойно отреагировал Шайгалов. – Только фрегат – не колониальный транспорт. Много ты выиграешь, проведя остаток дней в тесном бункере, постоянно задавая себе вопрос: а что если б мы тогда не струсили? Ну, рисуй перспективу, – подтолкнул воображение Ригана сухой голос полковника. – Думай. У нас *боевой* корабль. Мы можем уничтожить чуждую биосферу, согласен, но ничего не в состоянии вырастить на стерилизованном пространстве. И не забывай, – на борту фрегата есть дети. Мы успели взять на себя такую ответственность, чтобы позволить нашим подчиненным создать семьи. Что ждет их в бункерах герметичных убежищ? У нас нет ни аппаратуры, ни биоматериалов для евгенических программ. Мы состаримся и умрем, а они?

Ральф не ответил. Последний довод командира оказался для него наиболее веским и наглядным аргументом.

– Пошел, подготовлю навигационные данные для "Нибелунгов". – произнес он признавая и правоту командира, и его мужество, – Шайгалов смотрел правде в глаза и не пытался улизнуть, отвести взгляда.

– Давай. Заодно вызови мне Кайманова, Шелдона и Замираева. Они полетят на переговоры.

* * *

Планета Икствайл. Ранее утро…

Сай Метью привык вставать рано.

Ему часто не спалось по ночам. Кошмары уже не мучили рассудок как прежде, но полноценного отдыха все равно не получалось.

Он постоянно ждал чего-то, и не мог объяснить самому себе – чего именно.

Внешне здоровый, невозмутимый, как и большинство жителей маленького городка, он прятал глубоко внутри свое прежнее "я": каждое утро, просыпаясь, выходил на крыльцо, смотрел, как солнце встает над черепичными крышами двухэтажных коттеджей и снова, в который раз, удивлялся *мирному* наступлению нового дня.

Утром приходил покой, истончались кошмары, отступали призраки. Он вдыхал полной грудью чистый, напоенный ароматами трав воздух и медленно приходил в себя, словно сознание плавно перетекало из страшных ночных кошмаров в реальность светлого, безмятежного утра.

– Не спиться?

Два домовладения разделяла лишь низкая, аккуратно подстриженная живая изгородь.

Видно большинство жителей маленького городка, впрочем, как и соседних, расположенных на удалении в десять-пятнадцать километров населенных пунктов, вставало рано.

Сонный залитый золотистыми лучами восходящего солнца утренний покой, какая-то нереальная, сладкая до щемящей боли безмятежность, острое чувство свободы, когда смотришь вокруг и вдруг понимаешь: новый день пришел, и ты можешь делать, что пожелает душа.

Душа желала многого.

– Привет Патрик, – Сай протянул руку, крепко пожал ладонь соседа. Все они попали на Икствал разными путями, но бывших военнослужащих Альянса объединяло прожитое, – они держались вместе, основывали города, расположенные в стороне от исконных поселений планеты, каждый вроде бы жил сам по себе, но чувствовалось, что под оболочкой невозмутимости прячется что-то иное…общее для всех.

– Завтра выборы. Голосовать пойдешь?

– Обязательно – ответил Сай. – Беркмен будет хорошим представителем в парламенте. Нам нужно укреплять планетный суверенитет.

– Согласен. – Кивнул Патрик. – Роботизированная промышленность дает нам свободу, но она ничем не защищена. Старая боевая станция на орбите, – это не гарант безопасности. Нужно создавать флот.

– Думаешь, Центральные Миры решаться на зачистку?

– Не знаю. Пока на Стелларе заправляет Воронцов, я бы не стал зарекаться. Такие системы как наша торчат у него словно кость в горле. Кроме того, не забывай, существуют десятки иных миров. Я слышал, они начинают образовывать союзы, чтобы оборонятся в случае внезапного нападения. Нам тоже неплохо бы обзавестись парочкой крейсеров, или на худой конец – фрегатов.

– Да. – Патрик Лербен согласно кивнул, прищурясь посмотрел на горизонт, и добавил: – Слышал вчера ночью стрельбу?

– Слышал. – Без энтузиазма поддержал новую тему Сай.

– Я утром смотрел новости. В Норд-Сити опять прорезались эти, из

партии "Возрождения Земли". Пытались схлестнуться с коренными жителями, но наши успели вовремя. Угомонили отморозков.

– Сами справились?

– Да. Рефлексируют ребята. Башку у них клинит, не понимают, что подставляют своих же.

– Не суди, Патрик. Иногда по ночам такое присниться, что… – Сай не договорил, сокрушенно покачав головой. – С каждым может случиться. Я себе спиртное вообще запретил, боюсь.

– Да знаю, что пацаны вроде нормальные. И заклинить может всякого, – это ты верно подметил. Но жить-то надо.

– Надо учиться жить. – Коротко ответил Метью. – Ладно, пойду, к лесу прогуляюсь.

– Давай. Мы с Эл вечером к тебе зайдем.

* * *

Лес близко подступал к городу. Чистые, ухоженные лесопосадки постепенно теряли вид искусственных насаждений, природа брала свое, внося долю хаоса в первоначальную симметрию, созданную почвоукладчиками, и эти изменения радовали. Сай, шагая по лесной дороге, думал о том, что новые поколения уже будут воспринимать окружающее, как данность, только в учебниках истории сохраняться картины пустынных регионов, на территории которых выросли первые поселения бежавших сюда после войны людей.

Местные жители (потерянной некогда колонии), не возражали против экспансии пришлых, вместе с беглецами на Икствайле появилось много нового, в колонию будто вдохнули жизнь: прошло всего несколько лет, а бывшие поселки, застывшие в своем развитии на уровне докосмической эры, теперь разрослись, превращаясь в небольшие города, жизнь изменилась к лучшему, планета начала преображаться, зоны свободных поселений на терраформированных территориях уже распространились на половину материка, – кибермеханизмы, доставленные сюда на борту транспортов с беженцами, работали круглосуточно, без выходных и праздников, среди поселенцев "новой волны" нашлось достаточно специалистов "боевого терраформирования" и в результате генетически измененные растительные формы с охотой и невероятной скоростью приживались на пустынных территориях, – война, как ни странно породила множество технологий, направленных на созидание, и бывшим офицерам Альянса, нашедшим новую родину на окраинных планетах, граничащих с областями не исследованного космоса, оставалось лишь применить их на

практике, наглядно показывая, что они не только смертельно устали от войны, но и отреклись от нее.

Не все конечно, но большинство. – Размышлял Сай, мысленно продолжая тему утреннего разговора. – Патрик зря с таким осуждением говорил про ночную стрельбу. Хреново на первых порах приходиться каждому, и если ты удержал свое больное, искалеченное войной сознание от растущей внутри рефлексии, то живи, радуйся и не осуждай других, кто оказался не столь силен, чтобы одолеть въевшиеся в рассудок "будни войны".

Не стрелять нужно. – С долей досады думал Сай. Хотя, думать-то он думал, но сам ничего путного предложить не мог. Не наступил в его собственной душе тот мир, о котором он мечтал. По-прежнему мучили кошмары, снились бесконечные, причудливо перемешанные в сознании фрагменты боев…

Единственное, на что уповал капитан Метью, – так это на милосердное время, которое лечит душевные раны. Он не хотел возвращения к прошлому, даже в мыслях, и надеялся, что все когда-то пройдет, сгинет, как страшный морок…

* * *

Не сгинуло.

Домой он вернулся уже после полудня, проголодавшийся, но довольный прогулкой.

Неладное он почувствовал метрах в ста от своего дома, – лес почти вплотную примыкал к городку, он гасил запахи и звуки, жил по-своему, и только выйдя на опушку Сай внезапно остолбенел от открывшейся взгляду картины: подле его дома, втоптав в землю участок живой изгороди, словно призрак недавнего прошлого, возвышался исполинский контур серв-машины класса "Хоплит".

Дверь в дом была распахнута настежь, со стороны города доносились крики и приглушенные, невнятные звуки стрельбы из импульсного оружия.

Кожу на затылке вдруг начало стягивать крупными мурашками. Сай машинально присел, чувствуя, как бешеный выброс адреналина на мгновенье *гасит* рассудок, перед глазами всколыхнулась багряная муть, но дурнота тут же отступила, оставив невероятную, знакомую лишь пилотам серв-машин да аэрокосмических истребителей ясность мышления, когда каждая мысль отчетливо *звучит* в сознании, как лаконичный приказ собственному организму.

Наследие. Непреходящее наследие техногенного ада, из которого ему

довелось вырваться живым, тот максимум возможностей организма, на котором проходили сотни боев, ставшая машинальной способность мыслить и действовать наравне с кибернетическими системами, а порой и быстрее, чем они…

Оцепенение Сая длилось лишь секунду, затем, вместе с приливом ярости пришел закономерный вопрос: КТО?!.. и, как касание сенсора, приказ на действие вдруг со стороны дома Лербенов раздался мучительный женский крик.

У него не было с собой оружия, Сай сознательно запрещал себе носить даже импульсный пистолет, понимая, что это очередное искушение, – два года мирной жизни способны убедить рассудок в том, что их все же оставили в покое, не смотря на истерию, постоянно раздуваемую адмиралом Воронцовым по поводу избежавших наказания военных преступников.

Он выпрямился, будто пружина, и побежал на крик, не владея больше своим рассудком, – работали рефлексы: молниеносный взгляд в сторону "Хоплита" показал, что серв-машина в данный момент реальной опасности не представляет, поджатые ступоходы, положение рубки, втянутые внутрь подвесные орудия, – все это немо свидетельствовало, что система кибермеханизма отключена, либо введена в глубокий энергосберегающий режим. Молниеносное наблюдение он воспринял как факт, времени задуматься, – какой идиот мог действовать подобным образом (Сай мысленно имел в виду пилота) попросту не осталось, он рывком преодолел расстояние до крайних домов, отлично ориентируясь в их взаимном расположении, и перемахнул через низкую изгородь, попав на задний, "хозяйственный" двор Лербенов.

Первым, кого он увидел, был человек среднего роста, коренастого телосложения, в странной одежде, который стоял к нему спиной и, по всей видимости, мочился на клумбу с цветами, которой так дорожила жена Патрика.

Одежда, рост, телосложение, – все буквально кричало – он не наш!..

Мысль об очередном обострении травматических фобий или прибытии на планету новой группы "потерявшихся" сил Альянса, отпала сама собой; не смотря на остановленную у дома серв-машину, он интуитивно, в одно мгновение понял, что перед ним абсолютно чуждый человек, может быть и считающий себя вправе осквернять все, куда только не упадет его взгляд, но не знающий что такое *война*, не вкусивший того ада, через который прошло большинство современных жителей отдаленной колонии.

Война научила Сая мгновенным оценкам, порой ему казалось, что он видит людей насквозь, с первого взгляда, ибо там, откуда он пришел, характеры и личности не могли быть скрыты, их взламывал первый же бой, показывая нагую, неприкрытую человеческую сущность со всеми ее сильными и слабыми сторонами.

Именно поэтому Саю хватило одного взгляда, чтобы понять – перед ним откровенный подонок, моральные ценности которого либо отсутствуют вообще, либо лежат в абсолютно иной плоскости мировоззрения.

Он не мог и не хотел сдерживать внезапно вырвавшиеся на волю рефлексы: удар ногой в голову отправил низкорослого крепыша на землю, тот издал злобный вопль, оборвавшийся на полуноте одновременно со вторым ударом Сая.

Вырвав из-под обмякшего тела "ИМ-200", он привычным заученным до автоматизма движением реактивировал оружие. Так он поступал всегда, в критические моменты, когда приходилось пользоваться чужой импульсной или штурмовой винтовкой: ведь никогда не знаешь, чем она заряжена, сколько боеприпасов осталось, а вторичная активация сбрасывает все настройки микропроцессора, подавая резервный боекомплект со стандартным шариковым боеприпасом.

Вовремя.

Дверь, ведущая в дом, распахнулась, на пороге появилось двое смуглых пришельцев в непонятной, дикой для взгляда экипировке – металлокевларовые бронежилеты были надеты поверх выцветшей истрепанной, местами рваной полевой формы, какую уже давно не носили в действующих частях. Такая форма могла относиться к раннему периоду войны и сохраниться только на складах, подвергшихся консервации четверть века назад.

Вооружение незнакомцев состояло из двух импульсных автоматов системы "шторм", перекинутых за спину ручных реактивных комплексов "ЗОР-30", облегченные пехотные шлемы БСК сдвинуты на затылок и, похоже, не активированы.

– Шайтан! – Незнакомцы заметили Сая, и после хриплого выкрика две автоматные очереди щедро располосовали пространство ограниченного хозяйственными постройками двора.

Поздно. Капитан Метью ушел с вероятной линии огня еще в тот момент, когда начала открываться дверь, он промедлил ровно столько, чтобы рассеялись последние сомнения в намерениях пришельцев: его ответные выстрелы сипло прозвучали в унисон двум болезненным

вскрикам.

Перешагнув через агонизирующие тела, он вошел в дом, сразу же вжавшись в простенок у двери – из комнаты напротив доносились голоса. Говорили на незнакомом гортанном языке.

Рассудок уже не застилала мутная пелена поглощающей разум ярости, с первыми ударами, а затем и выстрелами пришло спокойствие, хладнокровие профессионального бойца, словно не было двух лет мирной жизни…

Удар ноги вышиб дверь, ствол "ИМ-200" дважды вздрогнул, выпуская короткие очереди.

Сай стрелял в голову, по привычке, понимая, что перед ним не андроиды, которых, наоборот можно остановить только выстрелом в грудь.

Мысли отхлынули, как и кровь от лица, когда он увидел истерзанное, уже не вздрагивающее женское тело – Элизабет Лербен – милая добрая Эл, которую Патрик взял в жены год назад, была мертва.

– Патрик! – не своим голосом выкрикнул Сай.

В ответ он услышал, как на улице заработали сервомоторы и мгновением позже выпущенная фактически в упор пятитактовая очередь из подвесного орудия "Хоплита" прошила строение, сорвав крышу и обвалив часть фасадной стены.

В едких, расползающихся по комнатам облаках белесой бетонной пыли Метью, ориентируясь по памяти, нашел дорогу назад к хозяйственному двору.

Оглушенный им пришелец пришел в себя и теперь пытался встать на четвереньки, дезориентированный полученными ударами и контузией от близких разрывов.

Сай, не колеблясь, выстрелил ему в затылок, затем, не теряя ни секунды начал раздевать одного из мертвецов, – шуршащий пластинчатый металлокевлар привычным весом лег на плечи и грудь, теперь он защитил себя хотя бы от шальных осколков, шлем БСК оказался в отвратительном состоянии, батарея фактически посажена, на проекционном забрале трещина, часть оперативных окон тактической системы не работало, но Метью было некогда разбираться с электроникой, – звук сервомоторов приближался и он, подхватив свободной рукой оба реактивных комплекса, бегом кинулся назад в обход домов, рассчитывая выйти в тыл серв-машине.

* * *

Форму за два года он потерял. Дыхание сбилось, руки слегка дрожали от напряжения, вес металлокевларовой брони, который принес чувство

защищенности, теперь несколько стеснял движения.

Метью ничего не понимал. Утром он не чувствовал приближения беды, а возвратившись с прогулки по лесу сразу же попал в крутой оборот событий.

Он не слышал, чтобы где-то поблизости снижались штурмовые носители, звук их планетарных двигателей он узнал бы сразу, значит, зона высадки расположена километрах в ста от их городка.

Проклятье. Хуже некуда. – Думал Сай, вторично обогнув свой собственный дом.

"Хоплит", как он и рассчитывал, двигался вдоль улицы, его рубка медленно поворачивалась из стороны в сторону, но выдвинутые на оружейных пилонах подвесные орудия молчали, – либо пилот не видел целей, либо экономил боекомплект, в ожидании сколь либо серьезного сопротивления.

Устанавливать треножный станок было некогда, да и незачем, на дистанции прямой видимости компьютерная система наведения Саю не требовалась, он припал на колено, и произвел выстрел с плеча, ощутив, как горячее дыхание реактивного двигателя ракеты обдало лицо знакомым жаром.

Отбросив дымящийся тубус, он тут же подхватил второй, понимая, что для "Хоплита" одного запуска маловато, – серв-машина покачнулась от прямого попадания в область поворотной платформы, но кумулятивный заряд, рассчитанный на поражение боевых машин космодесанта, не до конца прожег броню – в наступившей внезапно тишине было отчетливо слышно как от адской температуры что-то заскрежетало под бронированными кожухами, но "Хоплит" все же удержал равновесие, начиная боевой разворот.

Сейчас разнесет, на хрен, в кровавую кашу…

Метью не преувеличивал. Он водил серв-машины последние пятнадцать лет войны, и *наглядно* помнил, как от одной очереди пятидесятимиллиметрового орудия человеческое тело в бронескафандре превращается в кровавые ошметья…

У "Хоплита", как и любой машины, было несколько слабых мест в бронировании, но, зная каждую деталь в конструкции, Сай не был уверен, что маломощная ракета остановит сорокапятитонного исполина.

На принятие решение оставалась секунда, не более, и Метью сместил прицел.

Сейчас проверим твои нервишки, сука…

Ракета огненным факелом рванула вдоль домов, – в последний момент

Метью заметил, что два лобовых сегмента брони отчего-то сдвинуты, открывая узкие щели смотровых триплексов.

В моменты наивысшего напряжения мысль опережает действие: он успел не только заметить оплошность вражеского пилота, удивится его явной халатности, но и совместить прицельный маркер лазерного целеуказателя с тонкой прорезью в мощной лобовой броне.

Произведя запуск, он мгновенно откатился в сторону: какой бы лох не сидел в рубке серв-машины, кроме него существовала еще и киберсистема с модулем искусственного интеллекта, а поединок с "Одиночкой", без адекватного вооружения – это лишь один из способов самоубийства.

Мгновения боя спрессовывались в вечность.

Сай помнил, как много лет назад, еще в военизированной спецшколе, на Ганимеде, спутнике Юпитера, преподаватель по психологической подготовке задал аудитории вопрос: может ли время изменять свои характеристики?

Большинство ответило – нет.

Сай забыл имя преподавателя, но помнил, что у того не было обеих рук, которые заменяли кибернетические протезы. Еще в памяти всплыло красное, словно навечно обожженное лицо, подслеповатые глаза, и голос: *Запомните, мальчики и девочки, в бою вы узнаете, что существует иное время. Есть объективный бег секунд, с ним действительно ничего нельзя поделать, а вот субъективное время, – есть порождение сознания каждого из вас. Оно может растягиваться или ускоряться в зависимости от…* – дальше преподаватель «погнал» про аппараты метаболической коррекции и прочие, не совсем понятные приспособления, действие которых Сай испытал на себе много позже.

Память человеческая. Что она вытворяет с рассудком в минуты запредельного напряжения моральных и физических сил…

Ракета ударила точно в триплекс.

Кумулятивная струя прожгла прозрачный бронепластик, и рубка серв-машины содрогнулась от двух взрывов – первый прозвучал за доли секунды до попадания – это отработал механизм аварийно-спасательной катапульты, выбросив капсулу пилот-ложемента в полуденные небеса Икствайла, и вслед в образовавшееся в результате катапультирования отверстие, из рубки рвануло пламя, оно жадно облизнуло не успевшую набрать высоту капсулу и тут же унялось, только в небеса пульсирующими толчками выталкивало жирный, черный дым от расплавившихся приборных панелей.

Пилот – мертвец, – машинально подумал Сай, и вдруг до него дошел

смысл произведенного катапультирования: «Одиночка» не спасала пилота, она *избавилась* от него, одновременно дав выход для адской температуры кумулятивной струи.

Метью едва успел подумать об этом, как "Хоплит" с вскрытой, обожженной рубкой издал скрежещущий звук, поворачивая оба подвесных орудия в сторону противника.

Он метнулся вглубь двора, ощутив, как туго ударила серия взрывных волн, в спину, словно удары исполинской кувалды, впилось несколько осколков, застряв в бронежилете; он бежал через проходные комнаты собственного дома, а стены разлетались вслед за ним, от беспощадных, сокрушающих все на своем пути тактовых очередей.

Не выдерживал стеклобетон, так что говорить о человеке?

Контуженный, едва удерживающий в рассудке искру сознания, Метью вылетел на задний двор, и плашмя упал на гравийную дорожку, неестественно выгнувшись в судорожной, конвульсивной попытке вдохнуть.

Воздух, наконец, попал в отшибленные легкие, и он инстинктивно пополз прочь, едва соображая, что делает.

Ему удалось скрыться за углом гаража, в котором стоял наполовину разобранный флайкар, когда сквозь руины, оставшиеся от его дома, проломился "Хоплит". Живучесть серв-машины вызывала у Метью чувство обреченности. Он слишком хорошо знал, что модуль "Одиночки" надежно защищен, боевая планетарная машина обладала не только собственным искусственным рассудком, цепи управления "Хоплита" многократно дублированные прекрасно обходились без вмешательства пилота, которым машина пожертвовала, ради своей главной задачи – во что бы то ни стало продолжать бой.

Ноги подкашивались, последствия сильнейшей контузии постоянно давали знать о себе, накатываясь приступами дурноты.

Все. Абзац…

Сай едва не расхохотался.

Война чудовищным, непонятным образом настигла его, спустя два года после капитуляции Альянса.

Что это? Справедливое возмездие или злой рок?

У него не было даже элементарных гранат, чтобы попытаться остановить покалеченную, но еще боеспособную серв-машину.

Очередной залп "Хоплита" разнес гараж.

Метью отшвырнуло от стены, он пролетел несколько метров, и упал, чувствуя, что уже не встанет.

Грезился слабый, знакомый звук работы водородного двигателя.

Собрав остаток сил, он повернул голову, и увидел, как по перепаханной снарядами улице, между руин домов стремительно несется БМК, поливая "Хоплита" из башенного и курсовых орудий.

Еще одна тщетная самоубийственная попытка.

С пилонов серв-машины сорвались ракеты тактического боекомплекта.

Сай не видел, как разнесло БМК – глаза застил нестерпимый для зрения огонь вставшей поперек улицы стены разрывов, и…

Внезапно наступила тишина.

Звонкая, оглушающая, нереальная.

Метью со стоном пошевелился, думая, что окончательно потерял слух, но нет, он слышал собственный стон, слышал, как барабанят по руинам комья вырванной взрывами земли, даже, как показалось, различил чьи-то торопливые приближающиеся шаги.

С трудом поднявшись, сначала на колени, а затем, выпрямившись в полный рост, он посмотрел на исполинскую серв-машину и понял, что бесноватый огонь орудий БМК все же достиг своей цели, – потерявшая прочность, треснувшая в нескольких метах броня, пострадавшая еще от ракетных попаданий, теперь щерилась дырами, в которые, при желании, можно было бы просунуть голову и увидеть развороченные приводы активаторов поворотной платформы.

Может быть "Одиночка" еще не отрубилась, но вся кинематика была разбита, и исполинский сервомеханизм боле не представлял реальной угрозы.

Оглядевшись по сторонам, Сай увидел, как через руины, от полыхающего остова БМК к нему направляется Патрик.

Как я скажу ему про Эл? – С тоской подумал он, с трудом удерживая искру сознания в измученном коротким, но яростным боем рассудке.

* * *

Икствайл…

Лейтенант Кайманов был зол. Он ничего не понимал в творящемся вокруг бардаке.

То, что они опоздали, Павел догадался еще на низких орбитах, когда сканеры зафиксировали массовые пожары и разрушения в большинстве населенных пунктах освоенного людьми материка, но где теперь искать правительство и с кем вести переговоры, он не понимал. Люди словно обезумели, вокруг вспыхивали и угасали короткие, яростные столкновения

между силами захватчиков и немногочисленными отрядами ополчения. Никакого систематизированного сопротивления не наблюдалось, что наводило на безрадостную мысль о полной недееспособности руководства, и высших чинов планетарного правительства.

Что теперь? – Лихорадочно соображал лейтенант, пока штурмовой носитель снижался над побережьем, двигаясь «по кромке» зоны вооруженного конфликта.

– Датчики фиксируют два "Нибелунга". Сели на удалении в двести километров друг от друга. Очевидно, они высадили ударные группы серв-машин; вот точные координаты носителей, с остальными сигнатурами пока разбираемся, идет обработка данных.

И на том спасибо…

Лейтенант только сейчас после доклада второго пилота обратил внимание на абсурдность самой ситуации. Два штурмовых носителя с десантом на борту захватывают целую колонию, превращают в руины десятки небольших городов. Кому сказать, – не поверит. Что же твориться на Окраине, если "Нибелунги" спокойно осуществляют *захват планеты?*

Сказали бы ему о таком раскладе сил пару лет назад – покрутил бы пальцем у виска и отвернулся. А теперь вот приходиться наблюдать воочию, как корабли, относящиеся к среднему классу, берут в кровавый оборот целое планетарное поселение…

– Есть четкие сигнатуры серв-машин! Перехвачены переговоры пилотов. Это ширианцы. Их язык.

Кайманов переместился вместе с укрепленным на дугообразном монорельсе креслом к тактической панели. *Наконец-то наступила ясность…* – Зло подумал он, принимая решение.

– Вижу. – Вслух произнес Павел, ощущая, как знакомая дрожь возбуждения медленно ползет по телу, охватывая мышцы. – Передайте данные по обстановке на борт "Афины"! Шайгалов должен знать – здесь только малые силы ширианцев. Это отвлекающий маневр!

– Цели зафиксированы – повторил пилот штурмового носителя. – Наши действия, командир?

– Начинаем атакующий бросок. Цель Нибелунг-1. Ракетный удар, работаем всеми бортовыми комплексами, далее, – сенсорный маркер скользил по спроецированной на планшет карте, – прижимаемся к земле, идем вот тут над лесом, ориентир – группа из трех сервомеханизмов. В этой точке – он указал на окраину леса, где от дорожной развязки расходились в разные стороны пять автомагистралей, – сброс БМК, с одновременным ударом по серв-соединению, и, не останавливаясь, заходим

на второй штурмовой носитель.

– Понял. Пилот принял проложенный курс к исполнению.

– Командирам боевых машин приготовиться к десантированию. Цель – следовать по скоростным автомагистралям до ближайших населенных пунктов. В серьезный бой не вызываться, задача – отыскать руководство колонии.

– Данные сканирования дают до сотни сигналов, идентификация – пехотные дройды.

– Я сказал, в бой не ввязываться. Кого возможно – уничтожать на ходу. Дима, нас уже засекли?

– Никаких поползновений. – Моментально ответил коммуникатор голосом лейтенанта Зотова. – Идем в режиме пассивного приема данных, фантом-генераторы на полной мощности. Свалимся как снег на голову.

– Ты снег-то видел хоть раз? – К Кайманову постепенно начало возвращаться нормальное расположение духа. *Прав был командир. Тысячу раз прав. Сплошной беспредел. Но почему только два «Нибелунга»? Что задумали дети пустыни? Где их флот? Куда направлен главный удар?...*

Мысли лейтенанта прервал толчок и истончающийся на высоких нотах вой – штурмовой носитель разрядил ракетные комплексы, и тут же резко начал снижаться, уклоняясь от вероятного ответного залпа.

В такие моменты спокойно смотреть на экраны могут лишь немногие из пилотов. Многотонный штурмовой носитель несется над лесом практически на гиперзвуке, едва не задевая днищем о кроны деревьев, мир за бортом сливается в полосы, начинаешь ощущать, как велика скорость, близка земля, но риск оправдан, ни одна ракета не возьмет цель на такой высоте и скорости…

– Десантные группы приготовиться!

Кайманов держит руку на панели сброса.

Транспортные контейнеры, внутри которых в амортизационных каркасах закреплены боевые машины космодесанта, будут приземляться жестко, на этот раз у них нет лимита высоты, чтобы задействовать собственные посадочные двигатели.

– Отстрел!

Четыре вспышки на краю лесного массива, и БМК ушли к земле, в то время как сбросивший их носитель начал боевой разворот, с резким торможением.

Теперь от обнаружения их не укроет ни один фантом-генератор, но стремительность филигранно выполненного маневра привела к неожиданному для противника эффекту – штурмовой носитель будто

призрак материализовался в полукилометре от развязки дорожных магистралей, маскировка на таких дистанциях уже фактически не работала но произведенный с короткой дистанции ракетный залп не дал "Нибелунгу" противника и только что прибывшим для мелкого ремонта серв-машинами ни единого шанса на противодействие…

– Чисто отработали! – Кайманов не скрывал своего торжества. – Курс на ближайший населенный пункт. Садимся с высадкой десантной группы.

– Кто поведет?

– Я поведу – Павел уже отстегнулся от кресла и шел по узкому проходу к десантному отсеку. – Держать связь с БМК. – Продолжал отдавать распоряжения лейтенант, облачаясь в тяжелую броню. – Доклад каждые пять минут!

– Понял – Отозвался на командной частоте пилот модуля.

* * *

Планета Икствайл. Часом позже…

Иссеченный шрамами от лазерных попаданий, покрытый выщерблинами от пуль и осколков огрызок стеклобетонной стены выглядел убежищем сомнительным, ненадежным: по фрагменту здания, с обвалившимся оконным и дверным проемами, ползли многочисленные трещины, казалось, еще один близкий взрыв, удар тугой воздушной волны и все вокруг превратиться в груду крупных угловатых глыб…

Патрик чувствовал, – им долго не продержаться.

Все, наспех установленные вокруг позиции сканеры выбиты, планшет тактического компьютера треснул, в углу плоского как лист бумаги экрана красуется аккуратная дырочка от шальной шариковой пули.

Беспорядочный очаговый бой длится уже три часа.

Метью контужен. Сай сидит у стены, привалившись к ней спиной, и периодически трясет головой, тщетно пытаясь вернуть резкость помутившемуся мироощущению.

Толку от него в ближайшие четверть часа ждать нечего.

– Патрик… – Хрипло и громко зовет он.

– Ну? – Лербен осторожно выглянул из-за иззубренного огрызка стены, и тот час прозвучал неестественно-громкий для импульсной винтовки выстрел.

Андроид пехотной поддержки, подобравшийся почти вплотную к укрытию, дернулся всем корпусом и застыл, будто манекен.

Патрик машинально вытер тыльной стороной ладони, выступившие на лбу капельки пота.

Ему отчетливо видно как механические пальцы правой руки человекоподобной машины сжимают поставленную на сенсор [33] гранату. Еще секунда и им с Саем действительно настал бы конец.

Плохо без датчиков. Тоскливо, непривычно. Будто ослеп.

– Слышь, Патрик, выбираться отсюда надо! – Метью почти кричит, из-за нескольких контузий у него из ушей сочиться кровь.

– Сиди. – Лербен усталым, не твердым движением не позволяет капитану встать. – Некуда идти. Обложили нас со всех сторон. Нам с тобой жить осталось – пока у меня не закончились патроны, понял?

– Дай коммуникатор.

– Сказал – сиди. Разбило систему. Забыл?

Метью отвернулся. Он смотрел в противоположный пролом стены, крепко сжимая "ИМ-200", в ушах Сая стоял болезненный звон, в душе скреблась, царапалась боль.

Хорошо что "Хоплит" успел разрушить дома. Иначе Патрик бы увидел тело Элизабет. А так он думает, что она уехала со всеми… Он будет искать ее надеяться, что Эл потерялась в общей неразберихе. Надежда всегда умирает последней, Метью на собственной шкуре испытал, как действует состояние обреченности, когда вокруг тебя вдруг образуется моральный вакуум невосполнимой потери и становиться все равно, жить или умереть, бороться или просто опустить руки.

Нет. Он не в силах сказать Патрику правды. Пусть надеется. По крайней мере, смерть примет по-человечески.

…

Метью был прав в своих мыслях.

Патрик действительно надеялся, что Эл жива. Утром он уехал из города, а когда по всем населенным пунктам прозвучал неожиданный сигнал, оповещающий о нападении из космоса, события подхватили его, не давая времени по-настоящему испугаться. Он знал, что такой вариант внезапного развития событий предусмотрен, и существует план всеобщей эвакуации женщин стариков и детей, для этого в каждом поселении имелись транспортные средства с неприкосновенным запасом топлива.

Разрушенный дом еще ни о чем не говорил. Все постройки небольшого городка превратились в руины, но трупов на улицах он не видел, разве что тела пришельцев, которых навеки упокоил Сай.

Где же наши? – С тоской подумал Патрик. – *Неужели действительно придется умирать?*

Нет. Прорываясь сюда, он действовал не на свой страх и риск. Следом

за ним на оборонительные рубежи должен выйти взвод ополчения, однако уже минули все мыслимые сроки, но никто так и не появился.

Он опять осторожно выглянул, предварительно сменив позицию. Вес снайперской импульсной винтовки, сконструированной под усиленный спецпатрон [34], не давал отчаянью полностью захлестнуть рассудок.

Индикатор оружия указывал, что в магазине еще двадцать зарядов.

Впереди, всего в десятке метров от руин здания, еще дымится исполинский остов "Хоплита". Рядом бесполезная БМК с развороченным прямым ракетным попаданием двигательным отсеком.

Теперь лезут одни андроиды. Это еще куда ни шло. С человекоподобными машинами Патрик справляется без труда, по принципу – один выстрел – один труп. Не впервой. А вот от тяжелой техники им отбиваться нечем.

Ничего, Сай… Прорвемся… – Мысленно обратился он к Метью. – *Андроиды тоже не бесконечны…Должен же кто-то придти к нам на помощь… Не могли всех вот просто так взять и перебить.*

Вдали у кромки сгоревшего леса вновь наметилось движение.

Непонятно, не то свои, не то опять очередная группа пехотных кибермеханизмов.

Патрик резко вскинул "ИМ", припав к электронно-оптическому прицелу.

Что-то странное… Люди… Точно – люди!... Хотя радоваться рано, утром на город тоже напали не одичавшие собаки…

Патрик до боли в глазах всматривался в прицел.

Ничего не понять. Ни знаков различия, ни маркеров подразделения. Стрелять или нет?

Он внезапно обернулся.

– Сай, дай твой шлем!

Метью покорно протянул ему помятый шлем с БСК. Батарея фактически разряжена, коммуникатор, похоже, не поврежден. Патрику оставалось лишь одно – попытаться выйти на связь с неожиданно появившимся подразделением. Все одно – их позицию обнаружат, и если это враги – боя не избежать.

Он не успел сформулировать запрос: как только вариатор частот переключился на волну аварийно-спасательных служб, Парик услышал незнакомый голос:

– Внимание, в руинах. Мы фиксируем вас на сканерах. Слева от вас готовиться к атаке группа андроидов. Огня не открывать, справимся сами.

– Кто вы? – Хрипло выдохнул Патрик.

– Долго объяснять. Летели предупредить о вероятном вторжении, но опоздали. Не дергайтесь парни. Все нормально.

Фигуры в бронескафандрах уже двигались меж разрушенных зданий, прицельным огнем зачищая разрушенный поселок от остаточных групп андроидов.

К позиции, которую удерживали Лербен и Метью, вышла, отделившись от основных сил подразделения, фигура в фототропной броне, со знаками различия лейтенанта на магнитных маркерах.

– Лейтенант Кайманов. – Глухо представился он. – Прибыл для переговоров с планетным правительством.

– Опоздали вы ребята. – Патрик устало сел, прислонившись спиной к огрызку стены. – Он указал на Сая и добавил: – Помощь ему нужна.

– Вижу. – Лейтенант отдал распоряжение в коммуникатор и присел перед контуженым, плохо соображающим Метью, доставая походный анализатор автодока. – Потерпи немного.

* * *

Борт фрегата «Афина». Навигационно-кибернетический центр.

– Две сигнатуры на масс-детекторах. – Голос Ригана был усталым, за истекшие двенадцать часов он ни разу не покидал своего поста. – Идентификация – ракетный носитель класса "Вулкан" в сопровождении "Нибелунга".

Шайгалов вызвал артиллерийскую палубу.

– Готовность.

– Еще две сигнатуры на границе метрик. Система распознавания целей фиксирует десантные рейдеры.

Шайгалов выглядел обеспокоенным.

– Внимание всем! Сопровождение целей. Огня не открывать.

Через минуту напряженное ожидание было нарушено двумя короткими сеансами связи.

Ракетный носитель шел из системы Икствайл. Его сопровождал "Нибелунг" Кайманова.

Чуть позже прояснилась ситуация с десантными рейдерами.

– На связи Анвар. Слышишь меня, джелави Шайгалов? Я привел корабли и воинов!

Глава 10. Сердце Маграка….

Планета Сауд. Высокие орбиты…

Рашид Аль Кемран следил за развитием ситуации с главного поста управления крейсера Сандамис [35].

Рядом находился неизменный Гасан, без пояснений которого Аль Кемрану было трудно ориентироваться в показаниях многочисленных систем командной рубки крейсера.

Джалгет по его приказу возглавил второй крейсер флота, который Рашид нарек именем пророка Назифа.

– Все готово, господин. Можно начинать.

– Откуда ты знаешь, Гасан, что уже пора?

– Я послал в точки гиперсферного всплытия трех атакованных нашими штурмовыми носителями систем датчики, которые теперь заработали. – Андроид включил лазерную указку и очертил группы маркеров, минуту назад синхронно появившиеся в системах трех звезд.

Рашид смотрел на линии, точки, специальные значки, убеждая себя, что видит отражение действительности. Ему все еще было трудно верить показаниям тактических систем, но слова Гасана еще ни разу не оказались ложью.

– Что означают эти знаки?

– Наш маневр удался, господин. Мы обманули неверных, и они послали свой флот, разделив его на три эскадры, к планетам, где сейчас наши воины истребляют всех и вся.

– Луна Стеллар беззащитна?

– Луна Стеллар всегда защищена. – Спокойно осведомил его Гасан. – Поверхность этого безвоздушного мира скрыта под искусственно созданной оболочкой, люди живут глубоко под землей в системе герметичных бункеров, образующих сложную, но тщательно продуманную структуру. От атак со стороны космического пространства их защищают многие машины. На поверхности расположена система бастионов, где установлены мощные орудийные, ракетные и энергетические комплексы планетарной обороны. Отсутствие воздуха превращает луну Стеллар в подобие исполинской космической станции, входы на подземные уровни спрятаны между бастионов, вся поверхность и прилегающее космическое пространство поделены на сектора обстрела, кроме того, в космосе постоянно барражирует флот прикрытия, а под поверхностью луны

спрятаны пусковые шахты для запуска ракет и истребителей.

– По твоим словам выходит, что Форт Стеллар неприступен?

– Да, господин. Он был неприступен в период войны, трижды его атаковал флот Альянса, но ни разу не смог подойти так близко, чтобы высадить десант на поверхность.

– Гасан, почему ты только сейчас рассказываешь мне об этом?

– Вы не задавали нужного вопроса, господин. – Ответил андроид.

Аль Кемран нахмурился. Да, действительно в общении с Гасаном порой возникали непредвиденные трудности. Он (в понимании Рашида) знал все или почти все, но, чтобы получить от него информацию, нужно было спрашивать, хорошо представляя, что именно хочешь узнать.

Злится бесполезно, это Аль Кемран уже понял.

– Гасан, наш флот готов к атаке. Но ты говоришь, что Форт Стеллар неприступен. Где в таком случае смысл?

– Господин сам назначил цель. Я лишь готовил технику к ее реализации. Все идет по плану. Отвлекающий маневр выполнен безукоризненно. Мы имеем все технические средства, чтобы взломать оборону противника и высадить десант.

Рашид нахмурился.

– Ты только что заявил, что флот Альянса трижды пытался проделать то же самое.

Андроид повернулся к своему хозяину.

– Кибернетическая система крейсера произвела полный анализ предыдущих попыток штурма. Ее вывод стал базовой частью для подготовки тактической части предстоящей операции.

– Ты не ответил: почему флот Альянса трижды потерпел поражение?!

– Человеческий фактор, господин. Никто не хотел умирать. В бою ситуация может изменяться коренным образом, но каждый раз, на грани перелома, устрашенные потерями, силы Альянса отступали, спасали корабли, жизни, в то время, как нужно было продолжать атаку. Корабли нашей эскадры укомплектованы экипажами из подобных мне машин. Палубами руководят "Одиночки" нового поколения.

– Влияние человеческого фактора исключено?

– Машины не отступают, господин. Вы – единственное звено в цепи управления, подпадающее под понятие "человеческого фактора".

– Хорошо. – По лицу Аль Кемрана скользнула тень неудовольствия, но в разговоре с андроидом бесполезно демонстрировать гнев.

– У нас есть еще какие-то преимущества? – Рашид в данный момент предпочитал не задумываться над вопросом: а выдержат ли его воины,

справятся ли с задачей, когда десант будет высажен?

– На фрегатах и крейсерах установлены новейшие системы вооружений, господин. Мы сможем подавить кибернетические цепи отдельных узлов планетарной обороны, применив установки электромагнитного импульса. Кроме того, у нас есть боеприпасы, снаряженные тандемной боевой частью. Ракета пробивает слой бронирования, либо взламывает перекрытия бункера и после из специального контейнера выпускаются наномашины. Они самостоятельно распознают и атакуют кибернетические цепи управления, блокируя их работу.

Рашид смутно понимал, о чем говорит ему андроид. Однако у него не было причины не верить своему советнику и слуге.

– Гасан, я чувствую, мы понесем большие потери.

– Да, господин. По предварительному прогнозу большая часть атакующих фрегатов будет разрушена. Поэтому план атаки предусматривает отделение десантно-штурмовых модулей сразу после всплытия кораблей из гиперсферы. Малые суда будут держаться в стороне, на максимально дальней дистанции, пока атака группировки фрегатов не откроет коридоры сближения с луной Стеллар.

– А крейсера?

– Флагманские единицы флота не будут принимать участия непосредственно в атакующем броске. Им отведена роль огневого прикрытия.

– Но после захвата форта у меня уже не будет флота! – До Рашида постепенно начали доходить масштабы предстоящего сражения, и он на миг усомнился в целесообразности озвученного андроидом плана.

– У господина будет флот. И не один. – С уверенностью ответил Гасан. – Пока противник проанализирует обстановку, и вернет основные космические силы в систему Рори, мы овладеем Фортом Стеллар, и сможем применить более гибкую тактику.

– Я хочу знать все. Говори. – Аль Кемран понял, что планируя начало завоевательного похода он по сути лишь сформулировал собственное желание, а кибернетические системы приняли его волеизъявление, занимаясь глубоким анализом и подготовкой операции.

– После атаки на Форт в пространстве останется множество обломков. Разбитые фрегаты послужат для прибывающих соединений ВКС доказательством нашего поражения. По предварительным расчетам мы успеем овладеть зоной управляющих бункеров, и заставим адмирала Воронцова выдать ложную информацию. Маневрирующие между

обломками корабли Флота Колоний станут мишенями для перепрограммированных комплексов планетарной обороны.

– А если адмирал погибнет?

– В таком случае мы имитируем его личность. В нашем распоряжении имеется достаточно аудио и видеозаписей выступлений адмирала, чтобы смонтировать убедительный сеанс связи, в ходе которого Воронцов отдаст пагубные для флота распоряжения. После уничтожения прибывших эскадр, мы полностью овладеем Луной Стеллар, вся инфраструктура которой представляет единую космическую базу. Используя возможности технических космодромов мы сможем в течение нескольких планетарных суток не только воссоздать флот, но и преумножить количество кораблей за счет трофейной техники.

Рашид глубоко задумался.

Его терзали сомнения, и в тоже время план, изложенный Гасаном, казался не просто осуществимым, а единственно-возможным. Аль Кемран по-прежнему считал, что только захватив или уничтожив главную военно-космическую базу Флота Колоний он добьется реального господства в космическом пространстве.

Машины… Он на миг задумался над промелькнувшим в сознании словом, но не сумел быстро и понятно объяснить себе: почему в отличие от людей они не ведают страха и готовы пожертвовать собой ради достижения поставленной им цели.

Он не понимал, что только андроиды, схожие с Гасаном, по-настоящему преданы ему в силу специфики своего программного обеспечения. Все остальные кибернетические систему служат одному идолу – войне, ради которой они были созданы, и безропотно подчиняются ему лишь в силу совпадения обозначенных Аль Кемраном целей с собственными боевыми задачами, которых не отменила ни капитуляция Альянса, ни изменившийся ход истории. Форт Стеллар по-прежнему оставался для них главным оплотом *противника*.

Что произойдет дальше, после завершения битвы за Луну Стеллар, пока что находилось вне понимания Рашида.

Он долго размышлял над всем услышанным, понимая, что должен подтвердить либо отменить собственное решение.

Нет. Пути назад для него не было. Он уже погрузился в пучину грез завоевания, и не мог вырвать свой рассудок из этого омута.

– Я верю тебе Гасан. – Наконец произнес он, обращаясь к бесстрастно ожидавшему его последнего слова андроиду. – Отдай приказ от моего имени. Машины поймут твой голос лучше, чем мой.

– Слушаюсь господин. – Андроид склонился в почтительном поклоне, как научил его сам Рашид.

Аль Кемран так до сих пор и не понял, что для Гасана это не знак повиновения, а лишь заурядное движение сервомоторов.

* * *

Борт «Афины».

Ральф Риган устало коснулся век, помассировав пальцами уголки покрасневших от напряжения глаз.

На зеленоватом фоне экрана масс-детектора двигались алые точки.

– Навигационный центр вызывает тактический модуль. – Произнес он в коммуникатор.

– Слушаю, Шайгалов. – Отозвалась система связи голосом полковника.

– Командир, есть движение. Флот ширианцев покинул скопление.

– Куда они направились?

– Сложно судить. Идут вдоль гиперсферной линии системы Х-918-А.

– Что там?

– В том и беда, что система необитаема. Будет смена навигационной линии аномалии, я уверен.

– Где сейчас Флот Колоний?

– Разделился на три эскадры. В данный момент они осуществили всплытие на окраине атакованных ширианцами систем. Все, как ты предсказывал, командир. Движутся на малой крейсерской скорости, в режиме полной маскировки. Дают Ширианцам время собрать свою кровавую мзду.

– С флагманами эскадр возможно наладить связь?

– Не представляю, как это сделать командир. – Ответил Ральф. – Ты сам прекрасно знаешь, что такое режим полной радиоэлектронной маскировки.

– Проклятье… – выругался Шайгалов. – Сколько по твоим расчетам они будут двигаться в "глухой защите"?

– Часов шесть-семь. Их задача: скрытно выйти на орбиты обитаемых планет и, внезапно "раскрывшись", одним массированным ударом покончить с кораблями Халифата.

– Которых там нет.

– Это мы знаем, что их нет. А вот Воронцов уверен в обратном. "Нибелунги", что атаковали планеты, при выходе из гиперсферы отстреливали фантом-генераторы, имитирующие сигнатуры крупных

кораблей флота. Даже я едва не повелся на их уловку. Хорошо вовремя сообразил задействовать датчики посланных туда разведзондов.

– Значит, адмирал считает, что все идет согласно его замыслу?

– Да. Выход наших штурмовых носителей с опозданием на два часа, относительно ширианцев, в штабе флота воспримут как отставание некоторых кораблей, или просто спишут на неопытность пилотов.

– А обратные переходы?

– Ерунда. Ну, ускользнуло несколько малых судов из атакованных систем, Воронцову, что за беда? Он уверен, что ширианские эскадры сейчас утюжат непокорные миры, и этого ему вполне достаточно… Погоди… – Риган осекся. – Есть! Они меняют ведущую навигационную линию!

– Цель, Ральф?

– Секунду… Я не Господь Бог… И энергии у нас осталось процентов сорок…Делаю, что могу…

Наступила недолгая пауза.

…

Шайгалов коснулся сенсора громкой связи. Он находился в тактическом модуле фрегата, доклад Ральфа пришелся к моменту совещания, на которое полковник пригласил не только старших офицеров корабля, но и представителей от трех планетных правительств, атакованных ширианцами систем, здесь же присутствовал Анвар, прибывший в заранее обозначенную точку сбора во главе двух десантных рейдеров с экипажем из полутора сотен ганианцев.

Все слышали вопросы, которые задавал по коммуникатору Иван, и ему не было смысла скрывать от собравшихся ответ Ригана.

В невольно воцарившейся тишине голос Ральфа прозвучал хрипло и громко:

– Командир, они начали прыжок по координатам системы Рори! Их цель – Форт Стеллар!..

* * *

Система Рори. Подземные уровни бункерной зоны Луны Стеллар…

Адмирал Воронцов следил за развитием просчитанной и спровоцированной им ситуации, не покидая своего кабинета, оборудованного по последнему слову техники.

Автоматика бункера, расположенного на десятом подземном уровне Форта Стеллар, давала адмиралу уникальную возможность находиться в центре событий, фантомно присутствовать в различных уголках космоса, куда бы не направлялись корабли боевых эскадр.

Все шло по плану. Пять часов назад поступили сообщения об атаке неизвестных сил, вооруженных техникой Альянса, на три пограничные системы, так долго раздражавшие Воронцова своей лояльной политикой по отношению к *военным преступникам*.

Ширианцы ударили, как он и рассчитывал по самым близким, доступным и фактически беззащитным целям.

Они делали грязную работу, а он выслал ударные силы флота, чтобы те уничтожили захватчиков, показав всей Обитаемой Галактике, что только Флот Колоний может выступать реальным гарантом планетных суверенитетов неприсоединившихся к союзу Центральных Миров систем, а сам адмирал готов поступиться личными антипатиями ради защиты мирного населения от агрессии.

На этой возвышенно-циничной ноте его мысли грубо оборвал экстренный доклад по линии тактической связи:

– Господин адмирал, зафиксировано возмущение метрики пространства. Множественные сигнатуры "всплытия", предварительная идентификация: два крейсера и девять фрегатов, в сопровождении штурмовых носителей!

Воронцова вдруг обдало жаром.

Количество и состав названных кораблей соответствовал характеристикам Ширианского флота! Но кто, фрайг побери, в таком случае атаковал системы Икствайл, Парлем и Орихайго?!

Адмирал не успел ни ответить на заданный себе вопрос, ни послать уточняющего запроса отправленным в названные системы эскадрам.

Автоматически включившаяся многоканальная система тактической связи буквально взорвалась докладами:

– Фрегаты противника завершили всплытие. Идут курсом суборбитального маневра, дистанция за пределами эффективной работы противокосмических батарей! Они осуществляют охват максимальной площади, для удара.

Доклады продолжали поступать, но рассудок адмирала выделил именно это сообщение. Два оставшихся в точке гиперсферного всплытия крейсера, по данным сканирования не несли аннигиляционных установок "Свет" значит с ними можно разобраться позже, как и с атакующим построением штурмовых носителей.

Фрегаты… Что за странный маневр они совершают?

Воронцов наблюдал за стремительным движением условных маркеров.

Самоубийство. Чистое самоубийство. Даже если не брать в расчет

корабли резервной эскадры, прикрывающие Стеллар, противокосмические батареи форта разнесут фрегаты в пыль, как только боевое маневрирование заставит их войти в зону досягаемости системы планетарной обороны.

Что ж… Каждый выбирает свою дорогу в ад.

Нервное напряжение первых секунд отпускало, Воронцов даже испытал некоторое разочарование, слишком неумело действовали корабли противника. В составе Ширианского флота не оказалось ни одного специализированного корабля, способного нанести мощный ракетный удар или выпустить сонмище штурмовиков для подавления узлов противокосмической обороны. Конечно, крейсера и фрегаты обладают собственным достаточно мощным вооружением, каждый корабль тяжелого класса изначально конструировался как *рейдер*, то есть он был способен вести бой в отрыве от основных сил флота, но Форт Стеллар слишком крепкий орешек для столь незначительных сил противника.

Так считал Воронцов.

Иного мнения придерживались "Одиночки" руководящие действиями фрегатов, на борту которых не было никого живого, даже воздух из отсеков был заблаговременно стравлен, чтобы при попаданиях декомпрессионные выбросы не вносили помех в заранее рассчитанные маневры.

– Резервной эскадре – начать противодействие. Загоните фрегаты в сектора обстрела стационарных батарей!

Истребители и штурмовики прикрытия уже стартовали, сейчас они стремительно сближались с растянувшейся на почтительном удалении от поверхности Стеллара цепью фрегатов, резервная эскадра, состоявшая из флагманского крейсера четырех фрегатов и десяти корветов, двигалась атакующим курсом: адмирал Байрамов намеревался разделаться с кораблями противника поодиночке, а затем развернуть эскадру в атаку на крейсера, которые по непонятной причине оставались в точке гиперсферного всплытия.

На краткий миг в эфире воцарилась тишина.

Передовые звенья истребителей, предваряющие атаку штурмовиков, уже вошли в зону досягаемости зенитных батарей фрегатов, но те молчали, будто локационные комплексы ширианских кораблей не фиксировали приближение атакующих групп.

Фрегаты упорно продолжали начатый маневр, пока их построение не окольцевало луну Стеллар.

Такой самоубийственной выдержки адмирал Воронцов еще не наблюдал воочию.

На что они рассчитывают?!

Ответом ему послужил доклад от ведущей группы истребителей:

– Фиксирую конструктивные изменения в структуре корабля противника. Передаю данные. Начинаю атаку на не идентифицированные установки!

Секундой позже на мониторы командующего поступило изображение.

Он увидел пусковые ракетные шахты, огромного диаметра, их открытые стартовые стволы испускали характерное сияние, свидетельствующее, что в глубинах уже начали работу электромагнитные ускорители стартовых катапульт.

Еще мгновенье и телеметрия с атакующих истребителей отчетливо показала, как из исполинских пусковых установок выстрелило тремя торпедами, которые тут же включили собственные двигатели, молниеносно разминувшись со звеньями малых кораблей.

Проклятье.

У этих монстров хватит запаса хода, чтобы с такой дистанции достичь поверхности форта.

– Сканируйте их! Не открывать огонь пока не будет данных по внутреннему содержимому!

Ответ пришел спустя несколько секунд:

– Кассетное наполнение. Дополнительные данные в процессе обработки!

– Сбивайте их!

Поверхность Форта Стеллар озарилась частыми сериями вспышек. Сотни узлов противокосмической обороны, расположенные по всей площади спутника планеты Рори, сосредоточили огонь на двадцати семи объектах, но огромные полукилометровые торпеды продолжали движение; они теряли фрагменты брони, по их корпусам полосовали лазерные лучи, оставляя глубокие язвы расплавленного керамлита, однако исполинские носители продолжали следовать прежним курсом.

– Есть поражение цели! – Наконец пришло долгожданное сообщение, и на одном из многочисленных стереомониторов командного поста появилось видеоизображение: сегменты брони титанической торпеды разлетались в разные стороны…

– Идиоты! Это разделение боевых частей!

Подтверждая гневный выкрик, на экранах радаров появились сотни засечек: кассеты с непонятной начинкой продолжали сближаться с поверхностью безвоздушной луны, сброшенные фрагменты бронирования отработавшего свое корпуса, создавали дополнительные ложные цели, вслед за первой разделилась вторая, третья, десятая торпеда, и менее чем

через пять секунд начали распадаться сами кассеты, выпуская тысячи боевых частей, оснащенных собственными реактивными двигателями.

Эффект был сравним с бортовым залпом группировки ракетных носителей, с той чудовищной разницей что разделение боевых частей произошло на убийственно короткой дистанции: вместо двадцати семи сверхкрупных объектов сейчас к поверхности форта стремительно приближались десятки тысяч небольших по размерам боеголовок.

Данные сканирования совершенно сбивали с толка. На поверку выходило что торпеды, выпущенные фрегатами, на пятьдесят процентов состояли из мощнейшего бронепокрытия и прекрасно защищенных двигательных установок, а выпущенные ими боеголовки по своим размерам не превышали обычных габаритов реактивного снаряда. В связи с этим возникал закономерный вопрос: какой вред они могут причинить глубоко эшелонированным бункерам или отлично защищенным бастионам?

Теперь уже вся обозримая поверхность Стеллара полыхала ураганным огнем зенитных комплексов, отчет целевых мониторов свидетельствовал, что сбито тридцать процентов атакующих объектов, но остальные продолжали ускоряться, зона тотального поражения угрожающе росла, перекрывая всю площадь искусственных сооружений форта и…

Внезапно над Луной Стеллар разлился мертвенный, бледно-голубой свет.

Так спустя годы после падения Альянса была раскрыта одна из тайных, новейших разработок военно-промышленного комплекса Земли, взятая на вооружение, но не успевшая поступить в серийное производство: по бастионам форта ударили смешанные заряды, часть ракет прожигала узкие цилиндрические отверстия в многометровых перекрытиях бастионов, откуда тот час начала улетучиваться атмосфера, на миг, застилая видимость мутным облаками декомпрессионных выбросов, второй тип боевых частей, оснащенный компактными, но необычайно мощными генераторами ЭМИ [36] нанес электромагнитный удар, пробивший экранировку сложных кибернетических комплексов, нарушив обмен данными, безнадежно испортив всю активную на момент удара автоматику, и в довершение атаки, в разгерметизированные бункера внешних укреплений сквозь пробитые в перекрытиях каналы скользнули предварительно наведенные цилиндрические контейнеры с нанопылью, которая активировалась уже после удара ЭМИ, – микромашины распылялись в вакууме, атакуя включившиеся в работу резервные цепи управления.

* * *

Грозные противокосмические батареи Форта Стеллар, казалось, умолкли навек.

На подземных уровнях, куда не проник удар ЭМИ, сейчас включались системы экстренной герметизации, отсекая лишившиеся искусственной атмосферы надлунные модули от глобальной инфраструктуры бункерной зоны.

На устранение неисправностей, срочную переброску ремонтных бригад и артиллерийский расчетов, способных взять на себя ручное управление комплексами планетарной обороны, требовалось минут десять-пятнадцать, – луна, превращенная в настоящую крепость, могла сражаться даже после такого ошеломляющего, сокрушительного удара, но людям в данный момент противостояли не ширианские воины, как полагал адмирал Воронцов, а системы искусственного интеллекта, перед которыми стояла лишь одна задача: подавить оборону противника.

Девять фрегатов, до этого державшихся на почтительном расстоянии от поверхности Стеллара, теперь после удара ЭМИ, одновременно включили маршевую тягу, изменив вектор движения, так, что каждый из кораблей выходил на строго рассчитанную орбиту.

Их стоическое "молчание" завершилось в момент включения двигательных установок: разом заговорили зенитные батареи, озарились частыми вспышками пусковые шахты ракет класса космос-космос, бледным голубоватым сиянием отработали стартовые катапульты, выбрасывая навстречу штурмовикам противника звенья автоматических истребителей.

В пространстве начался затяжной бой, корабли ширианской эскадры, филигранно маневрируя под огнем, ускользали из-под удара, но их все же настигали ракетные залпы, выпущенные прорвавшимися сквозь заслон штурмовиками, но фрегаты как будто не ощущали попаданий: ведя интенсивный зенитно-заградительный огонь, они неумолимо продвигались к известным только их кибернетическим системам целям.

Адмирал Байрамов находился в сложной ситуации: лишившись огневой поддержки, не понимая замысла противника, он был вынужден направить корабли своей эскадры курсом преследования, вынужденно распыляя силы.

Роковая ошибка стоила адмиралу очень дорого. Он мог бы уничтожить пять-шесть фрегатов, атакуя их поодиночке, но как он мог предположить, что на борту вражеских кораблей нет никого, кто дорожил бы собственной жизнью? Он считал, что фрегаты противника, пользуясь отсутствием атмосферы, совершат маневр снижения и посадки, доставив

десант… но жестоко ошибся в своем предвидении. На высоте ста километров, при полном отсутствии сопротивления со стороны узлов планетарной обороны, автоматика ширианских кораблей произвела глубинное сканирование, уточнив расположение подземных коммуникаций, и девять фрегатов, двигаясь по разным орбитам, начали сброс бомб, нанося точечные удары по поверхности Стеллара.

Байрамов был бессилен остановить эту атаку. Он делал все, что мог, но, не смотря на критические повреждения, фрегаты противника продолжали бомбометание, взламывая подземные тоннели, по которым в данный момент к смолкшим бастионам и батареям противокосмических орудий двигались аварийно-ремонтные группы вместе с артиллерийскими расчетами.

Еще один уничтожающий удар по форту, погасил последнюю надежду на полномасштабное сопротивление.

Фрегаты-смертники падали. Они разбивались о поверхность Луны Стеллар, продолжая до последней секунды вести огонь из всех бортовых комплексов.

Когда над полуразрушенным фортом взметнулись обломки последнего, девятого фрегата ширианцев, все корабли эскадры Байрамова, уже имели серьезные повреждения.

Именно этого момента дожидались в точке гиперсферного всплытия два крейсера, возглавлявшие построение из трех десятков штурмовых модулей.

Теперь план ширианцев был ясен до конца, но становилось ли от этого легче?

"Сандамис" и "Назиф", включив установки маршевой тяги, начали атакующий бросок.

Тяжелые плазмогенераторы крейсеров, не истратившие ни эрга из своих накопителей, накрыли потрепанные в погоне за фрегатами корабли эскадры Байрамова шквалом энергетических зарядов; в дополнение к генераторам короткоживущей плазмы ударили лазерные батареи крейсеров, затем, довершая атаку с дальней дистанции произвели массированный залп ракетные комплексы.

В пространстве разлетались тонны обломков, над всей поверхностью Стеллара кружились, сталкивались, и вновь расходились в хаотичном движении миллионы фрагментов от разрушенных кораблей, оболочек ракет, выброшенных взрывами и ударами декомпрессии обломков стационарных укреплений…

Форт молчал, не в силах помешать высадке десанта, от резервной

эскадры остались только единичные истребители, затерявшиеся в коловращении изуродованных металлокерамических глыб и потерявших форму конструкций…

Два крейсера продолжали полыхать огнем, будто извергающиеся вулканы, прокладывая для "Нибелунгов" и десантно-штурмовых модулей коридоры сближения с планетой.

Все было кончено. Десант андроидов и серв-машин был призвал лишь довершить разгром, полностью захватив, либо разрушив подземные коммуникации Форта.

На губах Рашида Аль Кемрана играла зловещая улыбка – он всем своим существом отдался предчувствию того момента, когда его нога ступит на поверхность легендарной луны, которую трижды пытались, но не смогли взять несколько ударных флотов ВКС Альянса.

Глава 11. Искупление.

Борт крейсера «Афина»

Десять человек, слышавшие доклад Ральфа, в первый момент онемели, но за короткие секунды замешательства каждый из них по-своему оценивал шансы ширианской эскадры.

Иллюзий не строили только Шайгалов и Риган.

Иван первым нарушил воцарившуюся тишину:

– У нас есть от силы десять минут, чтобы принять решение и начать действовать. – С неестественным спокойствием в голосе произнес он, хотя внутри все буквально рвалось на части от *предчувствия смерти*.

– Ты сошел с ума, командир! Мы не можем действовать силами одного фрегата против целого флота! – У Кайманова, при всей его выдержке глаза полезли на лоб от подобного заявления.

– Там не будет флота. – Так же сухо, сдержано ответил полковник. – Силы ширианцев слишком слабы, чтобы сокрушить форт, не понеся при этом потерь.

– Ага. Я охотно поверил бы в это, не будь на нашем фрегате новейшей пусковой установки! – Не в силах справиться с эмоциями, резко ответил ему Павел. – Ты в курсе, чем начинены три заряженные в ней торпеды?

– В курсе. – Кивнул Шайгалов. – Поэтому и говорю: форт в течение десяти минут с момента начала атаки полностью лишиться возможности к сопротивлению. Но и ширианцы, даже при самом удачном развитии событий, потеряют все фрегаты. Им не избежать этих потерь.

– Два крейсера тоже, знаешь, не детские игрушки!

– Знаю. Мне надоело спорить с тобой, Паша. Мы можем препираться до хрипоты, но потом ты выполнишь мой приказ. – Голос Шайгалова был холоден, будто он уже давно принял решение, но именно сейчас что-то важное погибало в его душе, давая дорогу для поступка… – Выполнишь или уйдешь – решать тебе, как и каждому на борту "Афины". – Негромко добавил он.

– Почему ты уверен в моей готовности умереть, ради адмирала Воронцова и иже с ним?! – Не выдержав, вновь взъярился Кайманов.

Остальные, присутствующие в зале, в немом потрясении слушали гневные выпады лейтенанта и спокойные, *ледяные* ответы полковника. Эту тягостную картину усугубляла транслированная Риганом по бортовой сети голографическая проекция, с подробным тактико-техническим описанием

торпед, специально спроектированных для подавления противокосмической обороны таких крупных военных баз, как Форт Стеллар.

Оружие возмездия, которое Альянс не успел применить на практике.

– Не "иже с ним", Паша. – Шайгалову было очень тяжело говорить в присутствии Лады, Анвара и нескольких едва знакомых ему людей, представлявших тройственный союз. – Не повторяй ошибочных суждений. Не измеряй действиями одного человека цивилизацию или эпоху. Повторяю, мне надоело думать об этом, спорить, убеждать себя и остальных. Нас олицетворяют с теми смертями, что на протяжении десятилетий сеяли роботизированные серв-соединения. Но мы не такие, мы не Джон Уинстон Хаммер, размноженный в репликационной камере! У нас собственные судьбы… или станешь это отрицать?

– Нет, не стану… – Немного остыв, ответил Кайманов.

– Тогда оставайся офицером и человеком. Мы, по сути, выпустили ширианцев на простор космоса… – Иван не запнулся, хотя ему было тяжело озвучивать мысли, копившиеся в душе на протяжении последних суток. – Только не делай такого лица, Паша, ты был прав еще тогда, в самом начале – нужно было выпустить серв-машины, и покончить с ними, еще на Ширане. Но мы дали им уйти, пусть не всем, но этого хватило, чтобы пробудить ненависть. Потом спланированный и исполненный мной орбитальный удар, довершил цепь роковых ошибок. Я уничтожил адмирала Рахманова, не подумав при этом, что тот мог успеть подготовить себе помощников, пропустив некоторое количество ширианцев через жернова мнемонического обучения. Они и встали во главе полуграмотной, дикой орды, получившей в свои руки современную технику. Мы улетели, чтобы жить, не утруждая себя разобраться, что на самом деле твориться в скоплении. И в результате получили попытку создания Халифата!

– Все командир. Я понял. – Кайманов поднял обе руки. – Это действительно наша проблема. Согласен, их нужно добить. Хотя бы затем, чтобы в последствии Воронцов не раздул новую истерию.

– Ему не дадут этого сделать. Население Форта Стеллар – это сотни тысяч военных, рабочих и служащих. Мы не станем скрывать, кто пришел им на помощь.

– Думаешь все так легко?!

– Нет. Я не думаю, что нам будет легко, но план ширианцев разгадать несложно. Они лишь инструмент в руках машин, машин, которые продолжают войну. А логика "Одиночек" известна. Ширианцы не могут обойтись без консультаций с киберсистемами. Они станут действовать по

классической схеме – подавление противокосмической обороны, высадка десанта, захват опорных пунктов.

– Ты хочешь сказать, что ширианцы прорвавшись в бункерную зону, воспользуются установками форта, чтобы загнать в ловушку три флота, посланные Воронцовым на зачистку систем Икствайл, Парлем и Орихайго?

– Да. – Без колебаний ответил Шайгалов. У ширианцев достаточный лимит времени чтобы восстановить основные узлы обороны хотя бы на полуавтоматическом управлении. Вернувшиеся эскадры будут уничтожены батареями форта, и тогда начнется иная война – Халифат перевооружиться и, как цунами пройдет по планетам, новой волной оккупации. Ты, Паша, сам видел, как они действуют.

…

Первым неловкую паузу, возникшую после слов Шайгалова, нарушил капитан Метью:

– Насколько я понял, нам предложено встать на защиту Форта Стеллар?

– Да. – Ответил Шайгалов. – Это вопрос ближайших минут. Либо мы совершаем прыжок по координатам Рори, либо…

– Либо эти отродья курунга завоюют весь космос, клянусь Шиистом! – Вскочив со своего места, выкрикнул Анвар. Ганианец порывисто обернулся к Шайгалову. – Я с тобой Джелави. У нас нет времени размышлять.

– Война закончилась. – Произнес Иван. – Я вправе отдать приказ лишь немногим из вас. Два крейсера против одного фрегата и ракетного носителя, у которого исправен гипердрайв, но нет ни одного заряда в пусковых шахтах – это действительно неравенство сил. Но Анвар прав – решение придется принимать немедленно. Сейчас, в эти минуты, на орбитах Стеллара уже, наверное, все кончено. Мы не в состоянии связаться с эскадрами Флота Колоний и только "Афина" готова к немедленному прыжку.

– Если я все правильно поняла, – раздался голос Лады, – то война не закончилась. *Она начинается.*

– Если мы не остановим ширианцев – да. – Ответил Иван. – У нас будет только один шанс сделать это.

– Какой?

– Не допустить прорыва десанта к бункерной зоне. Не дать им овладеть батареями форта.

– Нереально. – Буркнул Кайманов, но его не никто не поддержал.

– Есть еще мнения? – Шайгалов включил общую связь, затем

активировал глобальную тактическую систему, вызвав в объем виртуального монитора модель системы Рори. – Ральф, мне нужен вектор выхода ширианской эскадры в трехмерный континуум, точное расположение бастионов на поверхности луны, и главное – план участка поверхности между многотоннельным входом в бункерную зону и ближайшими площадками приземления.

– Кто командует ракетным носителем? – Задал он вопрос, когда все необходимые данные были введены в виртуальную схему.

– Я, – поднялся незнакомый Шайгалову офицер. – Майор Новиков, представляю планету Орихайго.

– Хорошо, майор, минуту. – Шайгалов еще раз взглянул на индикатор громкой связи, мерцающий на панели интеркома, и произнес:

– Экипажу "Афины", минуту на размышление. Данные оперативной обстановки вместе с боевой задачей на всех информах отсеков. Ознакомится, и принять решение.

Отсчет секунд показался ему бесконечным.

– Кто покидает борт фрегата?

В звонкой тишине раздалось три или четыре голоса.

Шайгалов выждал еще пару секунд и произнес:

– Хорошо. В ваше распоряжение будет отдан транспортный модуль "Афины" Вы стартуете через пять минут. Прошу поторопиться.

Он сглотнул внезапный вставший в горле ком и продолжил:

– Объявляю для тех, кто решил остаться на своих постах: поддерживать все системы в боевом режиме. Фрегат подготовить к экстренному прыжку. Задействовать механизмы "борьбы за живучесть". Полная автономия отсеков и палуб. – Отдав эти лаконичные распоряжения, понятные без дополнительных инструкций, он обернулся к представителю Орихайго. – Майор – обратился он к Новикову. – Мне необходим ракетный носитель для совершения ложного маневра. Корабль при этом будет уничтожен.

– Режим автоматический?

– Несомненно.

Шайгалов подошел к сфере виртуального монитора.

– У нас мало времени на планирование операции. С момента гиперперехода ширианской эскадры прошло десять минут. Вот данные наиболее вероятного развития тактической ситуации и перемещения кораблей флота, учитывая применение торпед класса "Немезида" [37].

Изображение внутри сферы резко изменилось. Батареи Луны Стеллар

молчали, знаменитый спутник планеты Рори окружали миллионы тонн обломков, над которыми царили два крейсера, расчищающие огнем всех энергетических и орудийных комплексов "коридоры сближения" для "Нибелунгов" и десантно-штурмовых модулей.

– Положение крейсеров рассчитано, исходя из их вектора выхода в трехмерный космос. При гиперсферном маневре у нас будет минута, чтобы уточнить данные. План таков, – Шайгалов говорил уверенно, будто размышлял не один день, но на самом деле полковник востребовал весь свой опыт, и мыслил в русле узкой задачи: не допустить проникновения десанта ширианцев в бункерную зону форта. – Первым из гиперсферы выходит ракетный носитель. Мы не знаем, кто составляет фактический экипаж крейсеров, но реакция на появление "Вулкана" будет однозначной, – по нему отработают все установки обоих кораблей, чтобы избежать губительного для них ракетного залпа. Время перезарядки различных установок варьируется от трех-четырех секунд до двух минут. После уничтожения "Вулкана" в пространстве останется облако обломков. Задача "Афины": выйти из гиперсферы курсом, проходящим между крейсерами противника. Сразу по факту перехода мы начинаем залповый огонь. Цель – перезаряжающиеся подсистемы вооружений ширианских крейсеров.. Курс фрегата будет проложен так, чтобы отстреляв активный боекомплект, "Афина" вошла в обломки, оставшиеся после уничтожения "Вулкана". Крейсера противника начнут вести беглый огонь по фрегату, но часть попаданий примут на себя останки ракетного носителя. Мы неизбежно получим мелкие повреждения корпуса, но за время прохождения через скопление обломков будет перезаряжен боекомплект. Сверхзадача: вторично отстрелять по обоим крейсерам из установок главного калибра, после чего экипаж должен покинуть корабль, вне зависимости от его технического состояния. Чудес, как правильно заметил лейтенант Кайманов, не бывает. При правильных расчетах, все будет происходить вот над этим участком поверхности Стеллара, – Шайгалов указал на оборонительную линию бастионов, кольцом опоясывающих кратер, на дне которого располагался многотоннельный вход в основную бункерную зону. – Задача личного состава – занять бастионы, активировать системы ручного управления батареями противокосмических орудий и встретить ширианцев, для которых существует только один проход, – вот тут, – Иван указал на магистрали, ведущие от пригодных для посадки штурмовых носителей космодромов к кратеру.

– Узкое место, которое необходимо защитить. – Кратко пояснил он.

– Вопрос можно?

– Коротко. – Шайгалов обернулся на голос.

– Откуда такое знание инфраструктуры форта и уверенность в избранной тактике для наземных подразделений? Не проще рассеяться по склонам кратера, занять господствующие площадки в скалах и оттуда отсекать серв-машины?

– Нет. Укрытия в скалах ненадежны. Большинство из них не выдержат орудийного и ракетного обстрела со стороны серв-машин. Я знаю наверняка, майор. Пятнадцать лет назад я принимал участие в третьем штурме Форта и дошел до этих бастионов в составе диверсионной группы.

Откровение Шайгалова потрясло даже хорошо знавшего его Кайманова.

– Ну, ты даешь, командир.

– Время. – Оборвал его полковник.

– Джелави, а мои люди?

– "Нибелунги" и оба десантных рейдера пойдут в третьей волне. Выход из гиперсферы синхронизировать с началом ответного огня крейсеров по "Афине". Десантные рейдеры снижаются над кратером, "Нибелунги", осуществив сброс серв-машин, продолжают атакующий бросок на малых высотах, – цель – десантно-штурмовые модули ширианцев.

Он повернулся и посмотрел на Ладу.

– Для твоего звена у меня осталась самая сложная задача. – Произнес Шайгалов, глядя ей в глаза. – Нужно вывести из строя секции гипердрайва обоих крейсеров.

Лада кивнула.

– Сделаем. – Так же коротко ответила она, а внутри все сжалось, – Иван, четко обозначив задачи каждой ударной группе, отдавал себе отчет в том, что "Афине" не устоять против огня двух крейсеров. Теперь она поняла – Иван не был уверен даже в том, что фрегат сумеет дойти до скопления обломков.

Молчи – Говорил его взгляд.

Она чувствовала: он прощается с ней, и не ошиблась.

– Последнее. – Иван уже не смотрел в ее сторону – Звену "Валькирий", после уничтожения гипердрайвов, уходить из зоны ответного огня. В гиперсферу. Точкой сбора для всех участников операции назначаю планету Афина. У меня все.

Ему ответила тишина, лишь на терминалах тактической системы, сдавленно попискивали сигналы индикации.

Кибернетическая система завершала расчет данных для

синхронизации действий боевых групп.

И еще легкий толчок возвестил об экстренной отстыковке транспортного модуля, с теми, кто не пожелал принимать участия в предстоящей операции.

* * *

Система Рори. Высокие орбиты Луны Стеллар…

…На губах Рашида Аль Кемрана играла зловещая улыбка – он всем своим существом отдался предчувствию того момента, когда его нога ступит на поверхность легендарной луны, которую трижды пытались, но не смогли взять несколько ударных флотов ВКС Альянса.

Он провожал взглядом десантно-штурмовые модули, пробирающиеся сквозь скопления обломков, чтобы высадить десант и довершить разгром.

Оба крейсера, не получив ни единого повреждения, царили в космосе, словно символы новой, зарождающейся в этот момент эпохи.

Эпохи Звездного Халифата.

….

Гиперсфера…

– Ракетный носитель готов. Вектор движения крейсеров уточнен.

– Носителю старт!

…

Рашид вздрогнул, когда по слуху резанул внезапный вой сигналов тревоги.

Он стоял на боевом мостике "Сандамиса", "Назиф" двигался параллельным курсом на дистанции в пятьсот километров, и вдруг в этом пятисоткилометровом зазоре между крейсерами начал материализовываться огромный боевой корабль, похожий на фантастическое трехкилометровое чудовище, сплошь усеянное открытыми, готовыми к залпу ракетными шахтами.

Аль Кемран на миг потерял дар речи, но, хвала Всевышнему, рядом находился невозмутимый Гасан, который отдавал приказы подсистемам крейсеров, не произнося при этом ни звука.

В следующее мгновенье оба исполинских корабля озарились яростными вспышками, по ракетному носителю били все орудия: кинетические, лазерные, плазменные, даже зенитные комплексы резко развернулись в сторону "Вулкана", поливая его ураганным огнем скорострельных вакуумных орудий.

Аль Кемран так и не разжал пальцы, вцепившиеся в металлопластиковый поручень, – он впервые мог воочию наблюдать, как

огневая мощь "Сандамиса" и "Назифа" буквально разорвала всплывший из гиперсферы корабль на части, но даже когда контур ракетного носителя внезапно исказился, крошась, испаряясь, разламываясь на бесформенные фрагменты, неистовый огонь не прекратился, он стих лишь двумя секундами позже, когда верный Гасан вдруг отчего-то резко посмотрел на экраны заднего обзора.

Рашид машинально перевел взгляд в том направлении и увидел, как в трехмерном континууме материализовался еще один корабль.

Это был фрегат "Абу Сейн" оставленный ими для починки на безымянной планете, он двигался тем же курсом, что и уничтоженный несколько секунд назад ракетный носитель; его боевые суппорта находись в атакующем положении, орудийно-лазерные комплексы "Прайд-12" выдвинуты вдоль бортов, зрелище атакующего фрегата завораживало, но Аль Кемран не успел выразить ни восторга, ни удивления, ни испуга, – лишь взгляд зацепил нанесенные на лобовой скат брони буквы, складывающиеся в странное, непонятное для ширианца слово: "АФИНА".

В следующий миг все установки фрегата полыхнули огнем.

Рашид едва устоял на ногах от сокрушительной вибрации корпуса, – десятки лазерных лучей, сотни снарядных трасс, сонмище ракет и сгустков плазмы ударили с артиллерийских палуб и надстроек фрегата по крейсерам.

Пространство между "Назифом" и "Сандамисом" мгновенно наполнилось обломками, клубящимися, закручивающимися в моментальные смерчи выбросами декомпрессии из пораженных отсеков, частыми вспышками перезарядившихся, но слишком слабых, чтобы пробить мощную броню фрегата очередей зенитных орудий….

– Что происходит Гасан?! – Вне себя от ярости заорал Рашид.

– Нас атакуют господин.

– Почему молчат орудия?!

– Исчерпан оперативный боезапас. – Ровным, не несущим эмоций голосом ответил андроид, и тут же добавил:

– Статус процесса перезарядки – пятьдесят процентов.

Аль Кемран взвыл от бессильной ярости.

Вот он, неизвестно откуда взявшийся фрегат: казалось, протяни руку, раздвинь обломки и коснешься его, величественно проплывавшего мимо, но…

Проклятье…

Фрегат разминулся с крейсерами и начал входить в плотное скопление обломков, оставшихся после уничтожения ракетного носителя.

– Орудия перезаряжены, повелитель.

Тяжелые плазмогенераторы и лазерные батареи крейсеров ударили первыми, вслед им полыхнуло два массированных ракетных залпа.

Аль Кемран видел, как вражеский фрегат плавно втянул суппорта комплексов "Прайд" под защиту обшивки, и его носовая часть вошла в соприкосновение с обломками, раздвигая их, расталкивая в стороны, так что по всей массе останков ракетного носителя пошла плавная волна, которая вдруг стала закручиваться, втягиваясь *вслед* пронзившему облако фрегату, смыкаясь за ним в медленном коловращении, – эта масса покореженного, оплавленного, уже изорванного снарядами металла, заслонила фрегат, принимая на себя сокрушительные залпы двух крейсеров…

Рашид застонал от отчаянья, но ситуация менялась с каждой секундой, – удар плазмогенераторов *испарил* искусственно созданную преграду и невыносимо-мучительный, красивый маневр фрегата все же не спас его от губительного ответного огня.

Сотни выпущенных ракет взорвались в обломках, но часть из них, так же, как и лазерные лучи, все же достали обшивку "Афины"; они, как изголодавшиеся хищники рвали куски брони, выбивая мутные гейзеры декомпрессии, одна из локационных надстроек, подрубленная лазерными лучами, отделилась от фрегата и, медленно вращаясь, начал удаляться от него.

Все внимание Аль Кемрана сейчас сосредоточилось на этой сладкой для взгляда картине; ни он, ни даже всевидящий Гасан, в это мгновенье не отреагировали на появление новых сигнатур, а когда те превратились из фантомных, призрачных контуров в десантные рейдеры и штурмовые носители, истощенные энергетические батареи главного калибра вновь находились в процессе перезарядки, – какое-то проклятье черной пеленой упало на блестяще одержанную победу, – Рашид едва не потерял рассудок от ярости, он не мог объяснить откуда взялись эти корабли…

* * *

Борт «Афины»…

– Теряем энергию, командир!

– Вижу. – Шайгалов, облаченный в бронескафандр, одновременно следил за отчетом систем, сообщавших о количестве пораженных декомпрессией отсеков, и в то же время цепко держал взглядом воссозданную при помощи сканеров карту поверхности Луны Стеллар, над которой в данный момент проходил фрегат.

Он видел, что в расчеты вкралась ошибка. "Афина" в данный момент проходила над точкой, где смыкались бастионы, а штурмовые носители ширианцев уже коснулись посадочными опорами беззащитных космодромов Стеллара.

Весь риск, все жертвы могли оказаться напрасными.

– Паша, принимай командование кораблем! Попытайся еще раз обстрелять крейсера! Потом как планировали, эвакуируй людей, ударите в спину ширианцам! Мы ошиблись в позиционировании, они опережают нас!

– Ты куда командир?

– Вниз. По моей команде отстрелишь автономный десантный модуль!

Кайманов просто не успел возразить: двери скоростного лифта уже сомкнулись, и последние инструкции Шайгалова до него донес коммуникатор.

Он ни на миг не усомнился в командире. Полковник ни за что не покинул бы корабль без причины, и сейчас, взглянув на данные тактического монитора, Павел понял, что Иван в очередной раз плюнул в лицо судьбе, – десантные рейдеры и "Нибелунги" опаздывали, и он решился на безумный, с точки зрения здравого смысла, шаг…

– Паша я готов, отстреливай, не тяни! – Пришел по связи приказ командира.

Короткая вспышка и индивидуальный посадочный модуль отделился от фрегата, падая навстречу закрывавшим поверхность Луны Стеллар обломкам.

Внутри специального контейнера, в захватах амортизирующего каркаса, был закреплен "Хоплит", – усиленный вариант разведывательной серв-машины. Сброшенный контейнер, как и отделяемые технические сегменты десантно-штурмовых модулей, был оборудован своими одноразовыми посадочными двигателями.

Иван падал навстречу… прошлому.

Пятнадцать лет назад его, в составе диверсионной группы, точно так же отстрелили от фрегата, практически над этой самой точкой поверхности Форта, вот только задание в тот раз у него было иным.

* * *

Пять "Валькирий" совершили гиперпространственный переход, двигаясь по заранее рассчитанному курсу атаки.

Машины последнего поколения, прошедшие боевые испытания в битве за Землю, были известны лишь узкому кругу военных специалистов. Некоторое время считалось, что кроме захваченных в стадии

производственного цикла образцов, в галактике не существовало боеспособных машин этого класса.

Гиперпространственный многоцелевой штурмовик – это говорило о классе машин гораздо больше, чем скупые строки тактико-технических характеристик.

…Они буквально вырвались из гиперсферы, двигаясь не в режиме "плавного" всплытия, а на атакующей скорости, их силовые поля заставили разлетаться в разные стороны попавшиеся на пути обломки, не допуская "совмещения" масс.

Безукоризненно-точный расчет был выполнен благодаря разведзондам, покинувшим гиперсферу за несколько секунд до появления "Валькирий".

Автоматика "Сандамиса" не смогла обнаружить крошечные разведывательные аппараты среди бесчисленных, хаотично разлетающихся в пространстве обломков, а они за несколько мгновений сняли все необходимые данные, транслировав их бортовым компьютерам штурмовиков.

Пять протонных торпед, выпушенных с дистанции в сто километров, ударили в секции гипердрайва "Сандамиса", превратив корму крейсера в уродливую мешанину покореженных и частично оплавленных конструкций.

Огромный корабль содрогнулся от носа до кормы, в то время как "Валькирии, не снижая скорости, пронеслись мутными росчерками мимо батарей ПКО, ложементы которых не успевали поворачиваться с такой скоростью, чтобы произвести хотя бы один прицельный выстрел.

Кредо "Валькирий" – внезапность, скорость и неуловимость.

Вынырнув из пучин гиперсферы, они атаковали корабль противника и вновь уходили в гиперпрыжок, не оставляя истребителям никаких шансов на преследование.

На этот раз все складывалось иначе.

У звена штурмовиков была еще одна цель – гиперпривод "Назифа".

Лада прекрасно понимала: при таком неравном раскладе сил только повреждение гипердрайва может гарантировать, что корабли Халифата не растворяться в слепом рывке, уходя от возмездия.

Беда в том, что у них больше не оставалось протонных торпед, лишь тяжелые ракеты, да мощные лазеры.

Боевой разворот.

Пять стремительных машин, расшвыривая обломки носовыми

дефлекторами[38], провались сквозь хаос искореженных металлоконструкций, находясь выше плоскости эклиптики «Назифа», и включив форсажные камеры досжигателей топлива, устремились в атаку с верхней полусферы, двигаясь «в лоб» устрашающих размеров крейсеру.

Сейчас их единственным козырем оставалась скорость и внезапность.

Фактор внезапности не сработал: локационные комплексы "Назифа" зафиксировали появление штурмовиков на дальней дистанции, – прямая атака на корабль это не удар из гиперсферы, когда противник не подозревает о грозящей ему опасности до последнего, рокового момента.

– Лера, Оля, – надстройки локации. – Раздался в эфире кроткий приказ ведущей, – Даша, Мари, прикрывайте, атакую.

Звено "Валькирий" вдруг распалось, только ведущий штурмовик по прежнему пикировал на секции гипердрайва "Назифа", первая пара, сверкнув яростным пламенем тормозных двигателей, вдруг начала резко набирать высоту относительно "верхней" палубы крейсера, выпустив весь ракетный боезапас по главной надстройке локационных систем.

Разрядив установки залпового огня, оба штурмовика резко отвернули в стороны, мгновенно набирая скорость, снарядные трассы зенитных орудий скрещивались у них за кормой, а двухсотметровая надстройка "Назифа" вдруг покрылась нестерпимыми для глаза всплесками пламени и начала деформироваться, по бронированным сферам и плоскостям сложного локационного комплекса вдруг побежали трещины, затем масса брони, лишившаяся опоры, начала сминаться, образуя складки, и вдруг вся конструкция не выдержала, оседая, теряя отдельные фрагменты, подминая под себя другие не менее значимые надстройки крейсера.

Один из удалявшихся штурмовиков вдруг озарился неистовой вспышкой пламени и начал распадаться на отдельные части…

Никто не слышал предсмертного вскрика пилота.

…Вторая пара, совершив схожий маневр, слегка отстала от ведущего штурмовика, словно нарочно сбавив скорость, чтобы системы наведения комплексов ПКО четче фиксировали их, уделяя меньше внимания ведущей машине.

Так и произошло. Системы анализа целей впились в них мертвой хваткой сканирующего излучения, но оба штурмовика, отстрелив фантом-генераторы, неслись в такой близости от обшивки корабля, что большинство орудий, пытаясь сопроводить их движением стволов, нарывались на собственные ограничители.

Две "Валькирии" неслись вдоль обоих бортов "Назифа", вспарывая

броневое покрытие зенитных комплексов короткими разрядами импульсных лазеров…

– Даша, звено "Фантомов" на хвосте. Дистанция полторы тысячи. – Пришло по связи зловещее предупреждение.

– Поняла. Ухожу.

"Тройка" резко изменила курс, свечой взмыв над "Назифом", "четверка" повторила маневр подруги, нырнув под днище корабля, звено "Фантомов" выбрало нижнюю цель и ринулось следом…

Штурмовик Лады разрядил ракетные комплексы, но она не изменила курса атаки, лишь отработала двигателями торможения, позволяя ракетам вырваться вперед.

Перед глазами резко поворачивался ложемент зенитного орудия, и она, поймав его взглядом, мысленно задействовала лазеры.

Потоки когерентного излучения превратили надстройку в брызжущий фонтан расплавленного металлопластика, а она, вернув штурмовик на прежний курс, успела заметить, как первые ракетные попадания взламывают обшивку крейсера в районе секции гипердрайва.

Бронеплиты вырывало из крепежных гнезд, но под ними обнажался второй корпус, Лада знала об этом и потому, выпуская ракеты, дала задержку, – часть реактивных снарядов теперь проскочила в образовавшуюся брешь и разорвалась, выбивая второй слой бронирования.

Дистанция стремительно сокращалась, и она, впившись взглядом в уродливую пробоину, задействовала лазеры на полной мощности излучения.

Навстречу полыхнул нестерпимый фонтан жидкого огня, Лада инстинктивно изменила курс, уводя штурмовик в сторону, стремясь выправить курс параллельно изувеченной обшивке, но это не удалось, жадное пламя, смешанное с расплавом внутренних переборок захлестнуло машину, несколько секунд она ничего не видела, а потом, когда зрение вернулось, Лада поняла, что ее "Валькирия", потеряв управление, удаляется от "Назифа", а сзади и сбоку на нее пикируют два "Фантома".

Удел "Валькирии" – стремительная атака, для дуэли с истребителями штурмовик слишком тяжел, юркие "Фантомы" превосходят его по маневренности раза в два не меньше.

Она попыталась уйти, оторваться, но тщетно, – управление бездействовало, внутри машины раздавались характерные звуки, свидетельствующие об автоматической замене поврежденных узлов и агрегатов, но поздно, слишком поздно…

Две снарядные трассы хлестнули по броне, она видела на меркнущих

экранах, как от ее "Валькирии" отлетают обломки, но рвануть рычаг катапультирования Лада не решилась, – кто подберет ее среди искореженных масс металла?

Она ждала новой очереди, но лишь чернота неопределенности смыкалась вокруг, отражаясь в погасших мониторах и секциях потемневших обзорных экранов…

Лада не видела, как секундой позже оба истребителя окутались бурыми облаками разрывов, а затем неведомая сила подхватила изувеченную "Валькирию" и медленно начала смещать лишившийся управления штурмовик к поверхности Луны Стеллар, где разгоралась уже третья, и, наверное, самая драматичная фаза штурма.

* * *

Десантный модуль, едва отработав посадочными двигателями, жестко соприкоснулся с поверхностью Стеллара, и раскололся, открывая взгляду свое содержимое – деформированный амортизационный каркас в котором, как в стальной паутине, запутался "Хоплит".

Шайгалов на миг потерял сознание от удара, но беспамятство длилось ровно мгновенье.

Дно кратера. На его памяти его покрывал слой реголита, теперь же вся площадь, окольцованная скалами, была вымощена стеклобетонными блоками, образующими ровную, как строевой плац, плоскость.

Бастионы, не изменили своей формы, но к ним добавилось несколько этажей, да и батареи сверхтяжелых орудий были нацелены не только в сторону внешних космодромов, но и внутрь защищаемого периметра.

Опыт войны. Он ощущался в каждом изгибе стен, каждой амбразуре.

Страшные по своей сути воспоминания захлестывали рассудок полковника, пока он освобождал серв-машину из плена покореженных амортизационных дуг.

Наконец ступоходы "Хоплита" совершили первое тактовое движение, рубка серв-машины выдавила переднюю стенку контейнера, откинув заклинившую от удара аппарель в рабочее положение.

Взгляд вверх.

Над головой, озаренный неровной аурой работы планетарных двигателей медленно проплывал изувеченный корпус "Сандамиса", секции гиперпривода исполинского крейсера были пробиты, в некоторых местах бронеплиты кормовой части выпучило наружу, от сотрясавших корабль изнутри взрывов силовых установок.

"Валькирии". Их работа.

Мысль о Ладе и ее подругах мгновенно вернула рассудок в реальность, – он находился сейчас не в космосе, а на поверхности Стеллара, и задача перед ним стояла очень сложная.

Удержать проход до посадки десантных рейдеров.

Впереди стены кратера прорезала многополосная магистраль, с обеих сторон над ней возвышались укрепления двух фортов.

Именно сюда в теснину между смолкшими, омертвевшими укреплениями будут прорываться серв-машины шириaнцев.

– Анвар?

– На связи, джелави!

– Сажай рейдеры, Засеки мой маркер, пусть твои пилоты ориентируются по нему, как по посадочному сигналу. Действуй быстро, в одиночку я не продержусь и минуты.

– Я уже рядом. – Прохрипел в коммуникаторе голос ганианца.

Шайгалов повел "Хоплита" к узкой горловине, похожей на горлышко бутылки.

Почему шириaнцам не хватило сообразительности сажать "Нибелунги" непосредственно сюда, в теснину между бастионами?

Ответ был прост: они опасались минных полей. Стартопосадочные площадки космодромов выглядели куда безопаснее. К тому же они рассчитывали, что у них есть время для спокойного, планомерного продвижения.

Сколько до них?

Сенсоры уже засекли первые серв-машины, над рубкой "Хоплита", порождая вибрацию, пронеслось три штурмовых носителя, по ним вели непрерывный огонь орудийные установки нижней полусферы искалеченного, лишившегося возможности маневрировать "Сандамиса", который после атаки "Валькирий" не потерял боеспособность, но стал искусственным спутником Стеллара.

Вид на "Назиф" закрывали массы обломков.

Удары плазмы, выпущенные генераторами крейсера, проносились наискось, били в стены укреплений, оставляя на стеклобетоне темно-вишневые пятна, один из "Нибелунгов", не успев снизиться для десантирования серв-машин, внезапно начал разламываться на несколько частей, рушась на дно кратера.

Шайгалов вел "Хоплита" среди беззвучных разрывов, по лишенной воздуха поверхности Луны Стеллар, понимая всю глубину парадоксальности ситуации, – он здесь, в самом мощном и неприступном оплоте бывшего врага, в том самом месте, о котором мечтали, грезили

адмиралы Земного Альянса.

Какая горькая, ироничная, злая насмешка судьбы…

Нет времени.

Все досужие мысли потом… если выживу.

Радар полнился маркерами и засечками, над головой почти у самой поверхности Стеллара шел бой, покалеченная "Афина" огрызаясь залповым огнем уцелевших "Прайдов" рвала чернь космоса стробоскопическими вспышками залпового огня, а здесь на тверди рукотворного техногенного панциря, закрывающего собой девяносто процентов истинного рельефа луны Стеллар сейчас, буквально через несколько секунд вспыхнет бой не менее страшный и неравный.

Сонмище серв-машин шло в бесноватую атаку, на данных приборов они казались неисчислимым океаном, волной неизбежного разрушения, которой двигала слепая, фанатичная ярость кочевников, помноженная на ледяное спокойствие попавших под прессинг их эмоций кибернетических систем, которые при любых условиях оставались верны своей задаче – уничтожать все, что стоит на пути, мешает быстрому и эффективному выполнению боевой задачи.

Иван не думал о том выйдет ли он живым из распахивающегося навстречу АДА.

Мы сами породили его… – гулко отдалась в голове справедливая, но опоздавшая лет на тридцать мысль, уже не являющаяся откровением.

Закругляющаяся стена цокольного яруса укреплений вывела "Хоплит" Шайгалова в теснину, через которую проходили автомагистрали, несколько грузовых пневматических трубопроводов, и поднятые на высоту десяти-пятнадцати метров монорельсы.

Он не ошибся в интуитивном предвидении ситуации, один из штурмовых носителей шерианцев успел высадить десант, и сейчас серв-соединение – три легких "Хоплита" и два "Фалангера" ускоренным маршем двигались к теснине меж укреплениями, стремясь овладеть стратегически важным проходом.

– Анвар, ты фиксируешь мой сигнал?

– Да, Джелави. Мы снижаемся, десант будет через несколько минут.

– У меня нет связи с "Нибелунгами". Передай, впереди группа серв-машин противника. Я сейчас обозначу их ракетами. Пусть накроют их из главного калибра.

– Сделаю!

Иван вел машину в режиме полной маскировки.

Датчики пассивного приема отлично фиксировали сигнатуры, еще

несколько секунд и у горизонта появились темные точки.

Мельком взглянув на тактический монитор, Иван почувствовал, как холодок ползет вдоль спины. Вслед передовой группе двигалось не мене сотни серв-машин в сопровождении андроидов пехотной поддержки.

Казалось, что на умолкшие укрепления надвигается сплошная стена сервоприводного металла.

Мы выживем. Кто-то из нас обязательно выживет…

Рваные мысли не мешали ему управлять "Хоплитом", наводя ракетные установки на вырвавшуюся вперед группу противника.

Судьба привела его сюда, швырнула в бой, навстречу смерти, но он сейчас лишь с грустью усмехался в ответ на пустой взгляд костлявой старухи.

Он был спокоен, потому что ни в прошлом, ни в будущем уже не осталось ничего, – был лишь только миг данности, от которого зависело все.

В такие секунды человек либо ломается, либо становиться еще сильнее. Среднего, третьего, не дано. Он будет защищать своих людей, и тех, кто сейчас заперт в подземных уровнях форта.

Возможно, среди них были те, кто когда-то осиротел по вине лейтенанта Шайгалова, или те, кто лишил его отца и матери, сестры и братьев, но Иван уже не делал разницы между людьми, он помнил в эти секунды только одно: они живые, они такие же, как я, а впереди движется стена серости, убогого фанатизма, ничем не оправданной жажды крови, и холодный, равнодушный, записанный в машинном коде программный долг, – *долг убивать*.

Это не машины и не люди. Накипь войны, страшная, запредельно сильная и жестокая накипь, в которой смешалось все самое худшее, что смог породить технический прогресс, помноженный на невежество деградации.

Если война и дальше двинется дорогой абстракций, стирания активных маркеров на радарах приведет к массовому бездушию, такой жестокости что не пригрезиться ни одному искусственному интеллекту. Люди должны видеть, ощущать, что они творят, и только тогда станет возможен перелом, перелом в сознании, в душах.

Пусть он не мыслил так гладко и правильно, но Шайгалов *чувствовал это*.

…

Вспышки одиночных ракетных запусков ушли к близкому горизонту, и тот час за ослепительными целеуказующими росчерками с малых высот

ударили плазмогенераторы двух штурмовых носителей.

Бой начался.

Он полыхнул неистовством энергий, но ответный залп приближающихся серв-соединений не смог достать идущие на посадку корабли, – большинство ракетных залпов и лазерных разрядов угодили в верхний ярус исполинских бастионов, вырывая кубометры стеклобетона, сжигая, испаряя арматуру, но стены, толщиной в пятнадцать метров, устояли, лишь в одном месте прямо на глазах Шайгалова пробежала исполинская трещина.

Он включил активные датчики сканирования.

Залп, произведенный "Нибелунгами" был столь удачен, что на том месте, где секундой ранее продвигались вырвавшиеся вперед серв-машины, сейчас били беззвучные фонтаны вязкой, расплавленной массы, из-за тепловой засветки оставалось непонятно, все ли машины уничтожены, но Иван не стал бессмысленно рисковать, он продолжал медленно отступать по проходу, понимая, что пока он тут, за его спиной высаживается десант ганианцев, подкрепленный двумя серв-соединениями с борта штурмовых носителей.

– Джелави, я на месте. – Раздался в коммуникаторе голос Анвара.

– Вскрывай входы в укрепления. Подорви их, если нужно. Твои люди должны прорваться к противокосмическим батареям. Ты разберешься с ручным управлением?

– У нас есть техники, – ответил ганианец. – Они знают автоматику артиллерийских палуб. Ремонтировали.

– Действуй. От тебя зависят наши жизни.

Иван переключил частоту.

– Серв-соединениям доложить готовность!

– На связи майор Метью. Я у устья прохода.

– Майор, по периметру бастионов есть пандусы. – Кратко проинформировал его Шайгалов. – Выходи на второй уровень укреплений. Там оборудованы огневые точки, рассчитанные под серв-машины.

– Понял, выполняю!

– Второе соединение, на связи Шелдон. Приказ принят. Поворачиваю на правый бастион.

Шайгалов уже вышел на простор кратера.

– Штурмовым носителям и пилотам рейдеров, высота подъема триста метров. Беглый огонь!

* * *

Два майора – Метью и Шелдон, не рассчитывали, что их машинам будет обеспечена дополнительная защита в виде толстых, покрытых керамлитовыми плитами стен и удобных, специально рассчитанных под габариты серв-машин амбразур, с великолепными секторами обстрела.

Шанс. Командир дал им шанс сражаться, не одну или две минуты, а держать укрепления, пока не заработают орудия форта. Откуда он знал структуру бастионов, оставалось только догадываться.

– Сай, я на позиции. Координируем огонь?

…

Два взрыва полыхнули у основания бастионов, выбив внешние затворы массивных шлюзов.

Через минуту люди Анвара прорвались внутрь укреплений.

В огромных казематах горело лишь красноватое аварийное освещение. Мощные стены фактически блокировали связь, ложементы орудий противокосмической обороны притаились перед амбразурами, лишившимися герметизирующих энергетических полей, будто фантастические чудовища.

– Осмотреть помещения!

Минутой позже Анвар, срываясь на хрип, кричал в коммуникатор:

– Нет энергии, джелави. Ни один механизм не работает. Мы ничего не можем сделать вручную.

– Что говорят твои техники?! – Иван уже поднялся на второй ярус укреплений и занял одну из оборудованных для серв-машин позиций.

– Нужна энергия, чтобы включить полуавтоматические системы! Мы не можем подать заряды к орудиям. Они весят по несколько тонн каждый!

– Понял. – Коротко ответил Шайгалов. – Сейчас будет тебе энергия. Ищите, должны быть резервные кабели питания механизмов. Тяните их к выходу. Мы запитаем батареи от реакторов "Нибелунгов".

В этот момент по укреплениям хлестнул первый удар массированного ракетного залпа.

Стены бастионов содрогнулись, вниз, выпуская клубы белесой пыли, посыпались обломки стеклобетона.

– Шелдон, Метью, подпустите их ближе. Нам нужно продержаться, пока не заработают орудия.

"Нибелунги", получив приказ, уже садились подле разгерметизированных входов в укрепления. Андроиды технической поддержки тут же высыпали наружу, подключая к внешним энергетическими портам толстые кабели стационарного питания.

– Внимание, они начали атаку! – Раздался по связи доклад Шелдона.

Горстка безумцев стояла на пути несокрушимой, как казалось, силы.

Иван заставил своего "Хоплита" поджать ступоходы и разрядил обе ракетные установки в опасно приблизившуюся массу машин, которые двигались без всякого построения, – они в буквальном смысле перли напролом, сплошной стеной приближаясь к узкой горловине между двумя укреплениями.

Сверху полыхнула ослепительная зарница, Шайгалов моментально посмотрел в направлении вспышки и увидел, как падают оба десантных рейдера, – шквал тяжелых ракет, выпущенных "Фалангерами" противника не оставил шансов на противодействие, – огонь по рейдерам вели как минимум полсотни установок залпового огня, способные поражать крупнотоннажные цели на низких орбитах планет.

Нам не удержать их и минуту…

Пока перезаряжался активный боекомплект, Шайгалов задействовал подвесные орудия. Пятидесятый калибр не бог весть что, он хорош против БМК и бронепехоты, но выбирать не приходилось. Выпустив несколько очередей по ступоходам опасно приблизившихся "Хоплитов", Иван сменил позицию, ощущая, как мелко завибрировал бастион, – это с верхних укреплений били ракетные установки "Фалангеров".

Ответный огонь уже стал непрерывным, серв-машины противника продвигались, не прекращая обстрел укреплений двух бастионов, которые огрызались короткими экономными залпами.

…

Иван ни на секунду не выключал коммуникатор, надеясь, что возобновиться прервавшаяся связь с "Афиной" или звеном атаковавших крейсера и канувших в неизвестность "Валькирий", но на командной частоте вдруг зазвучал другой голос, знакомый и почти неузнаваемый одновременно.

– Говорит адмирал Воронцов. Кто вы, фрайг раздери?! Что намерены делать?!

– На связи полковник Шайгалов, адмирал. – Иван поборол в себе желание передать Воронцову привет "с того света", но в коммуникаторе и так воцарилась тишина, за которой ощущалось потрясение Воронцова. – Мы защищаем Форт Стеллар. – Сухо информировал его Шайгалов. – Не вас, адмирал, не эти "неприступные" бастионы, а себя самих, от клеветы, орбитальных бомбежек, от ударов в спину. ЭТО ПОНЯТНО?! – Не выдержав полковник все же подвысил тон, дав выход копившемуся в нем гневу.

– Вам не удержать форт. У ширианцев больше сотни серв-машин, не

считая андроидов пехотной поддержки, крейсеров и "Нибелунгов".

– Предложения адмирал?!

– У меня нет предложений. Бункерная зона полностью отрезана от укреплений. Мы не можем выслать помощь или подать энергию.

– Справимся сами. – Иван десятым чувством понял – это очередная ложь. *Единожды солгав, ну кто тебе поверит?* – Мысленно обратился он к Воронцову, но оставил замечание при себе.

– До связи адмирал. Сиди в своей крысиной норе и молись, если еще не позабыл, как это делается. – Шайгалов с досадой переключил частоту. Общение с Воронцовым вывело его из равновесия.

– Анвар?

– Подключаем кабели, Джелави.

– Действуйте быстрее, – Иван направил "Хоплита" к очередной амбразуре.

– Шелдон, Метью, что у вас?

– Мы потеряли все машины, раздался в ответ хриплый, надсаженный голос капитана Метью. – Майор Шелдон убит…

Убит.

Слово болезненным эхом отозвалось в раненом рассудке.

Иван разрядил орудия "Хоплита", успев заметить, как снаряды разрываются среди плотного, уже втягивающего в горловину узкого прохода сонмища сервомеханизмов.

Все. Это конец…

– Кайманов?!

Не услышав ответа, он поднял взгляд к верхним экранам рубки, и увидел объятую выхлопами декомпрессии, зияющую дырами сквозных пробоин, медленно снижающуюся Афину, испытывая боль, будто корабль был частью его самого.

– Паша!!!

– Слышу тебя командир! – Внезапно прорвался сквозь треск помех голос лейтенанта Кайманова.

– Обстановка на борту?

– Все хреново. Теряем ход. Энергии двадцать процентов Артпогреба пусты. Планетарное топливо на исходе. "Афина" идет по снижающейся траектории. Мы еще держим параметры орбиты, но, сколько это продлиться, не могу сказать.

– Почему не эвакуировал экипаж?!

– Потому что мы еще можем драться! Держи бастионы, командир, мы ударим с нижней полусферы. Держись до конца!...

Его голос истончился, потонул в треске усилившихся помех, но Иван продолжал ощущать присутствие "Афины" постоянно "цепляя" дрейфующий на небольшой высоте корабль периферийным зрением.

Передовые серв-машины ширианцев уже прошли горловину и разворачивались в сторону "Нибелунгов".

Шайгалов с пандуса разрядил остатки боекомплекта по изготовившемуся к стрельбе "Фалангеру", опрокинув машину противника, но орудия в последний раз огрызнулись короткими очередями и смолкли.

Он едва успел покинуть рубку, как его "Хоплита" разнесло массированным ракетным залпом.

Все, сейчас они подорвут "Нибелунги" и…

В этот момент с низкой орбиты ударили плазмогенераторы "Афины".

Фрегат плавно, беззвучно скользил над поверхностью безвоздушной луны, расходуя последние эрги в накопителях на работу генераторов короткоживущей плазмы.

Ослепительный свет полыхнул в узком проходе, удары ионизированного газа следовали один за другим, словно швальный порыв "солнечного ветра", вытянувшийся пульсирующим протуберанцем, ворвался в проход, сжигая все на своем пути, плавя керамлит бронепокрытия бастионов, заставляя трескаться обнажившийся стеклобетон.

Несколько серв-машин все же прорвались к "Нибелунгам", но навстречу им через взломанные шлюзы бастионов выскакивали фигуры бойцов в бронескафандрах.

Ганианцы разряжали штатные "ОРК", в упор расстреливая сорокапятитонных исполинов, те огрызались в ответ, кровь смешивалась с пробитой гидравликой ступоходов, все происходило в гробовой тишине вакуума; через минуту один из "Хоплитов" остановился, два "Фалангера" были опрокинуты шквальным огнем тактических ракет, а фигуры в бронескафандрах уже вступили в схватку с андроидами пехотной поддержки, сходясь с ними фактически в рукопашную.

Иван оказался у подножия укреплений, когда атака уже была отбита.

Он едва держался на ногах от усталости и неимоверного напряжения. Сканеры боевого скафандра четко фиксировали, как новая волна атакующих серв-машин надвигается со стороны космодромов…

Он вошел в сумеречное пространство бастиона, увидев огромные орудия, а подле них – застывшие без движения механизмы подачи боекомплекта, погасшие терминалы компьютерных систем… и везде, словно тонкие нити надежды – кабели, протянутые от переносного

распределительного энергоузла.

Он хотел найти среди множества фигур Анвара, но внезапно увидел, как в глубине бастиона почти на пределе разрешающей способности сканеров открылась массивная дверь и оттуда появилось несколько человек в боевой гермоэкипировке.

Значит, адмирал Воронцов все-таки лгал, утверждая, что подземные коммуникации форта полностью отрезаны от поверхности.

– Мне нужен командир. – Внезапно раздался в коммуникаторе незнакомый голос. – Кто командует десантом?

Шайгалов отозвался, одновременно поспешив навстречу вновьприбывшим.

Перед ним были офицеры Флота Колоний.

Враги.

– Полковник, мы самовольно поднялись наверх. Примешь в свою команду? Пятнадцать лет назад я управлял огнем этого бастиона…

Слова незнакомого офицера на миг остановили удары сердца Шайгалова.

Пятнадцать лет назад он штурмовал этот бастион, пытаясь проникнуть внутрь в составе диверсионной группы.

Искупление.

Все, что сделал он, и его бойцы, было искуплением прошлого.

– Вы неправильно подключили питание! – Вернул его в чувство все тот же голос. – У меня с собой кристаллодиски с резервными программами.

Он заставил себя сделать шаг навстречу бывшему врагу, протянул руку, молча пожал ее, не чувствуя ничего кроме жесткого материала гермоперчатки, и произнес, рассмотрев знаки различия на скафандре:

– Командуй капитан. У нас очень мало времени.

* * *

"Афина" снижалась, скользя всего в сотне метров над неровной поверхностью луны Стеллар. Судьба фрегата была предрешена, в маневровых двигателях не осталось ни грамма планетарного топлива, накопители энергии разряжены, почти все отсеки подверглись декомпрессии, корпус зиял чудовищными пробоинами.

Две "Валькирии" появились внезапно: они шли курсом сближения, буксируя за собой намертво закрепленный в силовых захватах, изрешеченный снарядами штурмовик Лады Нечаевой.

Кайманов ничем не мог помочь им. Он лишь наблюдал как две неповрежденные машины, выбрав свободный от препятствий участок,

пошли на посадку.

Следовавший за ними искалеченный штурмовик высек искры из искусственного покрытия лунного кратера и застыл, нелепо задрав корму.

В следующую минуту "Афина" врезалась в поверхность Стеллара, вспарывая ее, как чудовищный плуг.

Пилот-ложемент, в котором сидел Кайманов, сорвало с креплений и ударило о сминающуюся на глазах переборку.

Он потерял сознание и не видел как за кормой остановившейся "Афины" вдруг заговорили орудия двух бастионов Форта Стеллар.

Сверхтяжелые орудия били в двух направлениях – нижние ярусы укреплений прямой наводкой работали по второй волне высадившегося десанта, а верхние укрепления, где сейчас находился Анвар, с немногими уцелевшими после бесноватой контратаки бойцами, раз за разом разряжались в близкие контуры двух крейсеров.

Ответный огонь остаточных групп серв-машин и уцелевших боевых надстроек крейсеров обрушился на бастионы, но судьба ширианской эскадры, как и "Звездного Халифата" уже была предопределена.

Еще полыхали взрывы, рушился стеклобетонные стены, разлетались многотонные обломки, но ход истории уже изменился.

Она, как известно, не терпит сослагательного наклонения.

…

Через пол часа все было кончено.

"Назиф" и "Сандамис" еще сохраняли очертания крейсеров но, по сути, они уже являлись лишь частью из миллионов тонн обломков, окружавших луну Стеллар.

Анвар не мог сказать, что полностью доволен.

Он так и не увидел лица мертвого врага, и это несколько печалило нового главу клана.

Одно он знал наверняка – их бой и этот день навек останется в памяти многих поколений.

– Джелави, – произнес он в коммуникатор, – нам нужно уходить. Я не верю этой змее – Воронцову.

Ответом Анвару послужила тишина.

– Джелави! Шагалов! Иван!!!

Он зря выкрикивал слова.

Коммуникатор молчал.

К ганианцу подошел один из офицеров Форта. Он не видел лица Анвара из-за глухого гермошлема бронескафандра, думая, что говорит с Шайгаловым:

– Мой тебе совет полковник – выдвигай людей к месту падения "Афины", проверьте обломки, может, кто уцелел из экипажа. Поторопитесь. Воронцов уже выслал на поверхность группы зачистки. – Он положил руку на плечо Анвара и, пристроив на сгибе локтя компьютерный планшет, указал точку недалеко от кратера

– Здесь резервный космодром. Там найдете транспорт класса "Элизабет-Сигма". В памяти планшета код доступа. Стартовый коридор я вам обеспечу. Забирай своих людей, полковник, и уходите.

Анвар молча пожал протянутую руку.

Он сделал это за полковника Шагалова, судьбы которого сейчас не знал никто.

Вокруг под обломками рухнувших укреплений, среди бесчисленных воронок и завалов осталось много фигур в искореженных бронескафандрах.

Прав был Кайманов, – чудеса на войне случаются крайне редко. Трусы не умирают, – погибают те, кто достоин жить…

Эпилог

Пять лет спустя…

Орбитальный челнок совершил посадку на закате. Группа людей, спустившихся по трапу, остановилась, хмуро рассматривая строящиеся взлетно-посадочные полосы, небольшое, возведенное только до первого этажа здание космопорта.

На их суровых, худых, хранящих следы многих испытаний лицах, почти не отражалось никаких чувств.

Все они, прошедшие через заключение на подземных уровнях Форта Стеллар, знали, что в Обитаемой Галактике нет места, где на них не смотрели бы с ненавистью и опаской.

Наверное, потому после окончания срока заключения их и отправили сюда, в колонию-поселение, где, как, выражался их надзиратель, бывшие офицеры Альянса сгинут быстро и незаметно.

Они молча осматривали окрестности, так же молча встретили человека, вышедших встречать их из недостроенного здания космопорта.

Да, видимо надзиратель подземной тюрьмы не лгал.

По лицу незнакомца тянулся безобразный шрам, который придавал его облику свирепый вид.

Недавние узники Форта Стеллар, полностью дезориентированные, приготовились услышать свой очередной приговор.

– Ну? – Произнес один из них, пытаясь злой иронией разрушить тягостную неопределенность. – Сколько нам отводит местная администрация… – он хотел добавить фразу "*чтобы побыстрее сдохнуть*", но человек со шрамом прервал жестом попытку его монолога.

– Добро пожаловать на Афину, господа. Меня зовут Патрик. Патрик Лербен – я бывший капитан ВКС Альянса.

Лица прибывших на "вечное поселение" изменились, в глазах промелькнуло изумление и робкий огонек *надежды.*

Кто из них не слышал об Афине?

Но разве они могли допустить мысль, что окажутся здесь, да еще за счет Центральных Миров, которыми по-прежнему заправлял адмирал Воронцов, известный своим беспощадным отношением ко всем бывшим офицерам Альянса…

– Вам повезло парни. – Тем временем продолжил Патрик. Каждый год нам удается вырвать из форта лишь небольшие партии освобождающихся

офицеров бывшего Альянса. Здесь, на Афине вы скоро почувствуете себя дома. Зона терраформированных территорий пока невелика, осматривайтесь, вон в том направлении поселок, там много пустующих домов. В джунгли за границу маркеров, советую не соваться, там опасно.

Он весело подмигнул им и добавил:

– Вас встретят в поселке. Встретимся вечером. Удачи.

* * *

Четверо прибывших были настолько изумлены, что даже оказавшись в небольшом но многолюдном поселении не могли придти в себя, поверить, что это не сон.

Лишь пятый из них, высокий, худой, коротко стриженный под "ежик", почему-то избегал многолюдья, он сразу свернул в сторону, прошел боковой улочкой, словно та была знакома ему, пересек линию кустарника, на минуту остановился, глядя на окрашенные в багрянец зари воды лагуны и пляж к которому подступали джунгли.

Заметив на берегу, среди обкатанных прибоем валунов, одинокую фигуру он побледнел, а затем, шагнув за световые маркеры, обозначавшие границу терраформированных территорий, прямиком зашагал к языку чуждой растительности, выходящей прямо к берегу лагуны.

* * *

Она часто приходила сюда на закате.

Долго стояла, всматриваясь в угасающие краски дня, словно выплескивала в них свою потаенную боль.

Так было и сегодня.

Казалось, закат забирает частицу ее души.

Никто не приходил сюда, не нарушал ее одиночества, биосфера Афины оставалась все так же опасна для неподготовленного человека, и только она, одна из последних наследниц исчезнувшей, сгоревшей в огне войны цивилизации "Сакса" спокойно чувствовала себя на берегу, рядом с коварными джунглями.

Одиночество стало привычным, и тем резче, явственнее прозвучали в закатной тиши звуки человеческих шагов.

Она резко обернулась, и вдруг кровь отхлынула от лица Лады.

Ее губы дрогнули. Она напряглась, не веря в этот миг ни единому ощущению или чувству.

Чудес не бывает. – Подобно удару молнии пронеслась в сознании фраза, оброненная когда-то Каймановым.

– Иван… – Прошептали дрожащие губы, и вдруг, разом поверив в случившееся, она кинулась к нему, их руки, взгляды соприкоснулись; слезы, невольно брызнувшие из глаз Лады, горячими струйками текли по его щекам, а он молча гладил ее волосы, и тихо шептал:

– Все хорошо…

Пять лет, сначала на госпитальной тюремной койке, а затем в подземельях форта Стеллар, он грезил об этой секунде, веря, что вопреки ненависти, лжи и предательству во Веселенной еще осталось место для истинной Любви.

Любви, которая не умирает и не меркнет.

notes

Примечания

1

Термин "Обитаемая Галактика" подразумевает все известные на текущий исторический момент заселенные людьми миры, без условного деления на различные союзы или группировки.

2

Джон Уинстон Хаммер – глава Всемирного Правительства. Президент Земного Альянса (включавшего в свой состав внутрисистемные колонии Солнечной системы) – одиозная личность, человек, фактически узурпировавший власть и принявший единоличное решение о начале войны с колониями.

3

Текстоглифы – специальные символы, шифрующие часто употребляемые последовательности команд для быстрого ввода командных директив в узкоспециализированные кибернетические системы.

4

ДШМ – десантно-штурмовой модуль.

5

Технические носители – специализированные космические аппараты, предназначенные для доставки на планеты крупнотоннажных контейнеров с грузами и обеспечения (за счет собственных планетарных двигателей) посадки на стационарные космодромы кораблей класса "фрегат" и "крейсер".

6

Маркированная линия гиперсферы означает, что система, в которой она начинается (либо заканчивается) обладает станцией ГЧ, или временным гиперсферным маяком. Не маркированные линии по определению ведут к неосвоенным системам.

7

Слепой рывок – погружение в аномалию космоса с движением вдоль неразведанной навигационной линии. Как правило, предугадать какими характеристиками будет обладать звездная система, к которой ведет линия напряженности гиперсферы, невозможно.

8

АРК – Автоматический разведывательный корабль.

9

Генераторы гипердрайва делятся на контур высокой частоты (погружение в аномалию) и низкой (всплытие).

10

Геосканирование – часть разведзондов, пройдя атмосферу, внедряется в поверхность планеты, после чего происходит подрыв аппаратов. Датчики другой группы зондов фиксируют распространение сейсмических волн, передавая на борт базового корабля карту структуры поверхности, по которым кибернетическая система уточняет рельеф и обозначает места залегания различных полезных ископаемых.

11

Энергосканирование выявление активных энергетических цепей машины по электромагнитному излучению и сравнение полученных данных с эталоном, что позволяет определить, какие именно системы задействованы в данный момент.

12

Сигнатура – в данном контексте термин "сигнатура" обозначает характерное распределение энергий, фиксируемое сканерами. Карты сигнатур позволяют без визуального контакта определить какие именно устройства (известные людям) работают под покрывалом атмосферы.

13

Центральные Миры – оборонительный союз планет, ядро "Свободных Колоний". Позже, после событий романа "Черная Луна" именно на базе Центральных Миров возникла первая Конфедерация Солнц.

14

События романов "Омикрон", "Душа Одиночки"

15

Штурмовой носитель класса "Нибелунг" – специализированный корабль, предназначенный для доставки на поверхность планет и последующей поддержки серв-соединений. Стандартная комплектация "Нибелунга" – механизированный взвод, включающий в свой состав пять серв-машин (три "Хоплита" и два "Фалангера"), а так же андроидов пехотной и технической поддержки.

16

Элианские протоколы – Пакт капитуляции Земного Альянса, плюс документы, накладывающие на Землю и ее союзников определенные ограничение в военной и экономической сферах дальнейшего развития.

17

Ракетный носитель – специализированный корабль флота, предназначенный для нанесения массированных ракетно-бомбовых ударов по крупным космическим объектам или узлам планетарной обороны.

18

Конвойный носитель – специализированный корабль флота, несущий на борту до пятидесяти истребителей или штурмовиков. Предназначен для оперативного прикрытия крупных кораблей, штурмовки космических и планетарных баз противника.

19

Прогрессивная ассимиляция – один из редких способов освоения колонизируемых миров, когда в силу обстоятельств люди вынуждены приспосабливаться к условиям исконной биосферы, видоизменяясь, на протяжении нескольких поколений. На начальный этапах прогрессивной ассимиляции широко используются метаболические импланты – вживляемые устройства, регулирующие состав крови, очищающие ее от токсинов и вредоносных микроорганизмов.

20

Системы "Хьюго-БД12", обладающие тремя степенями программной свободы – Машины данной серии проектировались исключительно для использования в колониях. Каждый андроид снабжался пакетом программ, которые позволяли ему действовать на трех разных уровнях свободы:

Первый являлся стандартной программной оболочкой для бытовой машины. При активации робот годился для выполнения любых хозяйственных работ, с полным запретом самостоятельных действий и жестким регламентированием ситуаций, когда деятельность робота могла вызывать угрозу для окружающих.

Второй уровень программных оболочек включался автоматически, в случае, если от людей не поступало никаких команд на протяжении стандартного земного месяца. Для совершившего посадку колониального транспорта это был критический отрезок времени, в течение которого исчерпывались все бортовые энергоресурсы. Данный уровень программной свободы предполагал, что андроид может совершать определенные шаги, направленные на обеспечение безопасности колонистов и самостоятельной реконструкции зоны посадки.

Третий уровень программной свободы мог быть включен только человеком, путем ручного ввода команд со встроенного пульта программатора. Его включение активировало все процессорные и программные возможности андроида, а так же жестко привязывало его к определенному человеку или группе людей, которых он был обязан защищать при любых обстоятельствах. Всего блок идентификации дройда серии "Хьюго-БД12" мог хранить от одного до пяти образцов ДНК и связанных с ними образчиков голосового ряда для распознавания речевых команд. Находясь в состоянии третьей степени свободы, андроид мог исполнять любые функции, начиная от посадки цветов, уборки помещений и, заканчивая убийством любого существа, включая физическое уничтожение других людей, если они прямо угрожают жизни его хозяина.

21

Джелави – на ганианском языке – уважаемый.

22

На подземных уровнях Луны Стеллар отбывали наказание офицеры Земного Альянса.

23

Адмирал Табанов руководил обороной Солнечной системы (события романа "Омикрон").

24

О судьбе Андрея Воронцова рассказано в романе "Остров Надежды"

25

Каждый ДШМ (Десантно-штурмовой модуль) несет от двух до шести контейнеров, внутри которых находятся планетарные машины различных классов. При десантировании контейнеры отделяются от модуля на небольших высотах и осуществляют снижение за счет собственных двигателей.

26

ПРЛК – в просторечье "Прялка" – переносной ракетно-лазерный комплекс, применение возможно только при экипировке бойца в тяжелый бронескафандр с сервоусилителями мускулатуры, предназначен для поражения воздушных и наземных целей.

27

Раптор – представитель животного мира Афины. Крупный летающий ящер.

28

Икствайл – просторечное название образовавшиеся из номера системы в звездном каталоге: "X-2".

29

БСК – Боевой сканирующий комплекс. Устанавливается на тяжелых бронескафандрах. Имеет систему распознавания и сопровождения целей. Выпускался в двух модификациях – полевой и командный.

30

Режим пассивного приема – работа датчиков сканирующих комплексов исключительно на прием, что обеспечивает (при определенной маскировке) полную скрытность наблюдения.

31

Кибернетическая система кораблей крупного тоннажа, как правило, распределена по палубам, то есть каждая палуба фрегата в данном случае имеет свою управляющую систему, которая может в любой момент выйти из состава глобальной сети корабля и действовать автономно.

32

Линия Хаммера Миры линии Хаммера (Юнона, Новая Земля, Везувий).

Звездные системы Линии Хаммера, по сути, являлись опорными пунктами ВКС Альянса, одновременно образуя рубеж обороны на дальних подступах к прародине человечества. После войны все попытки зачистить планеты от многочисленной боевой техники не принесли результата, и миры были объявлены зоной строгого карантина.

Как выяснилось позже, самодостаточные кибернетические системы не только успешно пережили века "забвения", но и инициировали собственную эволюцию, выраженную в борьбе за энергетические и иные ресурсы.

Крайне опасные миры, враждебные человеку, изобилующие боевой техникой и скрытыми в толще земли военными базами.

33

Граната, поставленная на сенсор – активированная граната которая взрывается спустя четыре секунды, после того как палец убран с сенсора.

34

Снайперская винтовка под усиленный спецпатрон. – Некоторые модели импульсных винтовок оснащался дополнительным боекомплектом, куда входили бронебойные заряды. В условиях атмосферы для поражения бронескафандров и легкой планетарной техники использовался не стандартный шарик, а "классическая" пуля. Для обеспечения необходимой мощности выстрела бронебойный патрон включал в себя дополнительный химический заряд, разгонявший пулю одновременно с работой электромагнитных ускорителей.

35

Сандамис (ширианский) – победитель.

36

ЭМИ – Электромагнитный импульс

37

Немезида – в мифологии богиня возмездия.

38

Дефлекторы – в данном случае курсовые энергетические обтекатели, работающие от реактора штурмовика.